

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Южанникова Марина Алексеевна

**ФЕНОМЕН ДВУСМЫСЛЕННОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ
ПРИЕМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор А.П. Сковородников

Красноярск – 2015

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ФЕНОМЕН ДВУСМЫСЛЕННОСТИ И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ	14
1.1. Феномен двусмысленности: история изучения, определение, амбивалентность	14
1.1.1. История изучения феномена двусмысленности в гуманитарных науках.....	14
1.1.2. Понятие двусмысленности в современной лингвистике.....	20
1.1.3. Амбивалентность двусмысленности.....	26
1.2. Смежные с двусмысленностью понятия. Обоснование выбора термина.....	29
1.3. Основные классификации двусмысленных выражений	38
1.4. Обнаружение и разрешение двусмысленности	46
1.5. Основные методы исследования двусмысленности.....	55
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ.....	59
ГЛАВА II. МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, РЕАЛИЗУЮЩИЕСЯ НА ИХ ОСНОВЕ	61
2.1. Механизмы порождения двусмысленности в русском языке.....	61
2.2. Понятие стилистического приема.....	72
2.3. Разновидности приемов двусмысленности и критерии их выделения.....	75
2.3.1. Антифразис и астеизм	77
2.3.2. Амфиболия.....	82
2.3.3. Антанаклаза.....	87
2.3.4. Буквализация метафоры	90
2.3.5. Диалогия	92
2.3.6. Зевгма.....	95
2.3.7. Каламбур и некоторые другие смежные с приемами двусмысленности явления....	100
2.4. Проблема различения приема/ошибки	102
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ.....	109
ГЛАВА III. ТИПОЛОГИЯ ДВУСМЫСЛЕННЫХ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	111
3.1. Основные прагмастилистические функции приемов двусмысленности.....	111
3.1.1. Развлекательная функция	114
3.1.2. Textoобразующая функция.....	116
3.1.3. Оценочно-характеризующая функция	117
3.1.4. Функция привлечения внимания.....	121
3.1.5. Функция проявления остроумия	122

3.1.6. Иносказательная функции	124
3.1.7. Функция создания образности	126
3.1.8. Сферы и жанры функционирования приемов двусмысленности	127
3.1.9. Функционирование приемов двусмысленности в структуре текста.....	134
3.2. Предлагаемая типология двусмысленных речевых единиц.....	136
3.3. Описание базы данных, использованной для комплексного описания корпуса двусмысленных речевых единиц	144
3.4. Комплексное (структурно-функциональное) описание корпуса двусмысленных речевых единиц.....	150
3.5. Верификация и генерализация результатов комплексного анализа корпуса двусмысленных речевых единиц	172
3.6. Стилистические приемы двусмысленности как система	174
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ.....	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	187
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Список источников двусмысленных речевых единиц, вошедших в проанализированный корпус (1200 единиц)	206
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Таблица критических значений критерия Пирсона.....	208

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена феномену двусмысленности и ее выражению в современном русском языке посредством системы стилистических приемов. Двусмысленность, несмотря на распространенность и долгую историю изучения, до сих пор нельзя назвать всесторонне изученным явлением. Феномен двусмысленности рассматривается не только в лингвистике, но и в философии, литературоведении, психологии, психиатрии, эконометрии, дипломатии, логике, когнитологии, программировании, математике и даже теории изобразительного искусства, в связи с чем термин «двусмысленность» имеет различные дефиниции, в которых по-разному определяется его статус.

Феномен двусмысленности находится в центре противоречия двух фундаментальных тенденций в языке: стремление к экономии ресурсов порождает двусмысленность, а стремление к ясности борется с ней (подробнее об этом см. [Wasow et al. 2005]). Таким образом, язык имеет не только множество способов избавляться от двусмысленности, но и множество способов создавать ее. Изучение и описание моделей и механизмов порождения двусмысленности, в том числе и в системе выразительных приемов, представляет интерес с точки зрения их практического использования в эффективной коммуникации.

Несмотря на возросший интерес к исследованию выразительных средств языка в аспекте их структурной классификации (Г.А. Копнина, И.В. Пекарская, Е. Shutova, В. Thomas Martin, Т. Wouden), основные исследования в этой области сосредоточены на изучении метафоры (Н.Д. Арутюнова, М.В. Никитин, В.Г. Скляревская, В.Н. Телия, G. Low, Z. Todd, A. Deignan & Lynne Cameron и др.). На рубеже XX–XXI вв. проблема двусмысленности встает особенно остро в связи с попыткой создать искусственный интеллект, поэтому одной из важнейших задач лингвистики является создание типологий двусмысленности и парафраз, являющихся противоположными процессами, как для разработки систем автоматического обнаружения и обработки указанных явлений в текстах на естественных языках, так и для эффективного прагматилистического анализа текстов различных сфер. Несмотря на наличие определенных шагов в этом направлении (А. Barrón-Cedeño, А. Hamm, В. Thomas Martin), решенной данную задачу считать преждевременно.

Всем вышесказанным объясняется выбор темы исследования.

В лингвистике двусмысленность рассматривается с различных точек зрения. Это многоплановое явление связано с таким онтологическим свойством языка, как асимметричный дуализм языкового знака и разрабатывается в психолингвистике (процессы разрешения двусмысленности (disambiguation) в мозге человека), этнопсихолингвистике (различия в семантике многозначных слов, интерпретация двусмысленностей носителями иной культуры), прикладной лингвистике (развитие умения видеть такие явления в речи, обучение механизму

снятия двусмысленности в русском языке, использование риторических приемов двусмысленности для оттачивания владения языком), лингвопрагматике (цель и способы использования двусмысленности в речи), стилистике (роль двусмысленности в стилистической организации текста), риторике (двусмысленность как средство воздействия, реализуемое группой стилистических приемов). Традиционная интерпретация данного феномена как ошибки позволяет рассматривать его как проблему культуры речи и лингводидактики.

Проблеме наличия нескольких смыслов у высказывания уделяется довольно пристальное внимание: одни из исследователей сосредоточены на изучении полисемии и/или омонимии (М.Г. Арсеньева, О.Ю. Герви, А.Н. Магомедова, Л.В. Малаховский, Т.В. Строева, А.П. Хазанович), другие рассматривают неоднозначность синтаксических структур (Л.Г. Ким, О.В. Митренина). Имеются работы по отдельным аспектам двусмысленности как универсального феномена семантики естественного языка (Ш. Балли, Р.А. Будагов, А.К. Киклевич, И.Н. Кобозева, И.В. Крисанова, Л.В. Малаховский, Р.А. Османова, А. Фрей, С. Fuchs, S. Ullmann, T. Wasow). Универсальность асимметрии языкового знака на разных уровнях языковой системы просматривается в работе Е.И. Шендельс, посвященной грамматической транспозиции. Наиболее подробно изучены способы разрешения синтаксической и лексической двусмысленности (И.Р. Бревдо, И.В. Воскресенский, О.В. Драгой, А.Н. Магомедова, D. Tuggy). Отдельные исследователи рассматривают двусмысленность как многосторонний феномен (А.А. Зализняк, Г.В. Колшанский, О.А. Лаптева, Ф.А. Литвин, В.П. Москвин, T. Wasow и др.).

Изучение функциональных возможностей отдельных стилистических приемов двусмысленности также способствует изучению исследуемого явления. Наиболее значимыми для целей нашего исследования стали работы, посвященные изучению двусмысленности в стилистическом и риторическом аспектах (Л.В. Амири, И.Р. Бревдо, С.В. Ильясова, Л.Г. Ким, Е.В. Ключев, Г.А. Копнина, В.П. Москвин, И.В. Пекарская, Е.Э. Пушина, Н.Н. Романова, А.В. Филиппов, S. Attardo, C. Fuchs, O. Reboul).

Несмотря на существование работ (А.А. Зализняк, Е.В. Ключев, О.А. Лаптева, В.П. Москвин, С. Fuchs, A. Sennet), комплексное лингвистическое описание феномена двусмысленности не предпринималось. Кроме того, двусмысленность недостаточно изучена с точки зрения ее репрезентации в совокупности стилистических приемов как системе. Особенно нуждается в разработке вопрос о соотношении механизмов порождения двусмысленности и системы стилистических приемов, а также их функционировании в текстах на современном русском языке, что и осуществлено в настоящем исследовании.

Реферируемая диссертация заполняет лауну в изучении такого прагматически значимого феномена путем не только всестороннего его описания, но и решения проблемы его

терминологической номинации. В работе на основе собранного корпуса двусмысленных речевых единиц рассмотрены система и структура двусмысленности, особенности ее обнаружения и разрешения, что дает материал для размышлений когнитивистам, теоретикам и практикам речеведения. Кроме того, в работе представлена целая группа стилистических приемов как некоторое системное единство, организованное в виде поля. Несмотря на то, что исследование посвящено комплексному анализу феномена двусмысленности, рассмотрение данного явления в фокусе теории стилистического приема является доминирующим.

Все вышесказанное объясняет **актуальность исследования.**

Объектом исследования является двусмысленность как основание прагматически мотивированных экспрессивных высказываний (стилистических приемов) в их соотношении с прагматически немотивированными в современном русском языке.

Предмет исследования – виды двусмысленности и структурно-функциональные характеристики основанных на них стилистических приемов в современном русском языке.

В ходе исследования выдвигается следующая **гипотеза**: феномен двусмысленности реализуется в речи посредством ряда моделей (построенных на определенных механизмах порождения двусмысленности), которые в случае прагматически мотивированного использования представляют собой систему стилистических приемов двусмысленности, организованных в виде поля.

Цель исследования: представить феномен двусмысленности как коммуникативную категорию в ее позитивной реализации (система стилистических приемов) в соотношении с ее негативной (прагматически немотивированной) реализацией.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

- дать определение феномену двусмысленности на основании анализа научной литературы и репрезентативного речевого материала;
- рассмотреть проблему многозначности термина «двусмысленность» и отграничить данное явление от ряда смежных;
- выявить механизмы порождения двусмысленности в языке и речи;
- определить круг стилистических приемов двусмысленности и уточнить их определения;

– разработать типологию двусмысленных речевых единиц, пригодную для проведения комплексного анализа как прагматически мотивированных, так и прагматически немотивированных двусмысленных высказываний;

– определить структурные и функциональные особенности стилистических приемов двусмысленности в свете системного подхода.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Двусмысленность определяется нами как наличие у высказывания или его фрагмента двух и более смыслов (проявляющихся одновременно или последовательно), обусловленное сочетанием языковых/речевых механизмов порождения двусмысленности с особым контекстом.

2. «Двусмысленность» является наиболее адекватным для наименования соответствующего понятия среди терминов, обозначающих нарушение логического закона тождества, что отграничивает двусмысленность от таких смежных явлений, как неопределенность, омонимия, полисемия, синкретизм.

3. Механизмами создания двусмысленности являются лексическая, грамматическая и контекстуальная полисемия, лексическая и синтаксическая омонимия, антонимия, контекстуальные антонимия и синонимия, синкретизм, смысловая неопределенность, лингвистическая анафора, дейксис, прагматическая рассогласованность, альтернативное фонологическое членение фразы.

4. Двусмысленность типологизируется по пяти базовым основаниям: по истокам порождения; по типу разрешения; по механизму; по модели; по статусу и по прагмастилистической функции. Двусмысленность типологизируется также по таким основаниям, имеющим ограниченную применимость, как конфигурация коннектора-шифтера, структурная организация, наличие формальных маркеров, степень изменения значения коннектора (ключевого слова), направление изменения значения.

5. Двусмысленность выступает в качестве одного из принципов организации стилистических приемов – прагматически мотивированных экспрессивных высказываний. К стилистическим приемам двусмысленности относятся такие приемы, как амфиболия, антанаклаза (плока и диафора), антифразис, астеизм, буквализация метафоры, дилогия и зевгма.

6. Принципы исследования двусмысленности являются универсальными, поскольку практически идентичны (за исключением функциональной характеристики) как для прагматически мотивированных, так и немотивированных двусмысленных речевых единиц.

7. Стилистическим приемам двусмысленности присущи широкие экспрессивные возможности. Наряду с функциями, общими для выразительных средств (эстетической и

креативной), они выполняют следующие функции: развлекательную, текстообразующую, оценочно-характеризующую, иносказательную, функцию привлечения внимания, функцию создания образности и функцию выражения остроумия.

8. Совокупность стилистических приемов двусмысленности является системой, организованной в виде поля, имеющего ядро, в котором располагаются такие стилистические приемы, как диалогия, буквализация метафоры, антифразис и астеизм; ближнюю периферию, где находятся плака и зевгма; дальнюю периферию, куда относятся диафора и амфиболия.

Материалом для исследования послужили реализующие двусмысленность речевые единицы, полученные методом сплошной выборки из произвольно отобранных текстов различных сфер. Использованы тексты современных газет и журналов («Аргументы и факты», «Аргументы недели» (sic!), «Комсомольская правда», «Комок», «Сегодняшняя газета», «Крестьянка», «Cosmopolitan» и др.) за 1989–2012 гг.; некоторые художественные тексты, преимущественно XX–XXI веков (Е. Гришковец, Е. Клюев, В. Осеева, В. Пелевин, Т. Толстая, Л. Улицкая и др.), и интернет-источники (www.bash.im, www.yaplakal.com, www.pikabu.ru, www.evgbur.ru, www.mail.ru и др.), отдельные теле и радиопередачи, тексты фильмов и мультфильмов. Осуществлялся поиск двусмысленных выражений в научных и деловых текстах. В качестве источника дополнительного материала был привлечен сборник анекдотов («А зачем птице деньги?»).

Для большей объективности исследования объем проанализированных текстов из разных сфер взят приблизительно равным (по количеству знаков), таким образом, можно в некоторой мере судить о частотности случаев двусмысленности в текстах, принадлежащим разным сферам речи.

Общее количество контекстов, содержащих двусмысленность, составило 2400 единиц, из них 1200 единиц было проанализировано в базе данных Open Access на основе предлагаемой типологии. Статистический анализ показал, что данное количество проанализированного материала позволяет распространить полученные результаты на генеральную совокупность.

Список источников фактического материала, вошедшего в корпус для комплексного анализа двусмысленных речевых единиц, представлен в приложении № 1.

Все представленные в тексте диссертационной работы речевые иллюстрации приводятся в редакции их авторов.

Основу **методологии** настоящего диссертационного исследования составляют принципы и законы диалектики. В исследовании мы опираемся на системный метод, в частности, на провозглашенной Ф. де Соссюром системности языка и речи – на положение о том, что научное

классифицирование феномена способствует выяснению структуры рассматриваемого объекта; на постулаты функциональной лингвистики: типологичность (исследование может быть применено не только к русскому языку), эмпиризм (обращение к корпусу фактов) и междисциплинарность (данная работа выполнена на стыке общей лингвистики, риторики и психолингвистики). Опора на предложенный А. Мартине принцип существенности, заключающийся в том, что факты описываются лишь с важной для исследователя точки зрения [Мартине 1963: 395] позволяет рассматривать приемы двусмысленности, их структурно-системную характеристику и выполняемые ими функции без детального анализа стилей и жанров текстов-источников фактического материала. Мы опирались на лингвистическую концепцию уровневого характера процесса понимания (Г.И. Богин, С.А. Васильев, И.М. Кобозева, В.Н. Комиссаров, В.В. Красных, С.Б. Крымский, Н.А. Шехтман). Подход к проблеме двусмысленности с точки зрения получателя сообщения обусловлен тем, что как при намеренном, так и при ненамеренном создании двусмысленности она представляет собой затруднение в первую очередь для реципиента. В основе исследования лежит предпосылка, что «значения, которые можно извлечь из определенного содержания, соответствуют значениям, которые говорящий или пишущий «вложил» в свой текст, и тем значениям, которые получатель слышит или читает» [Тичер, Мейер и др. 2009: 23], то есть исходим из идеи интенциональности текста, понимая интенцию как установку «на смысл будущего высказывания» [Колшанский 1979: 53; Дускаева 2012; Клушина 2012]. Методологически опорным является разграничение системоцентрического и антропоцентрического подходов к понятию двусмысленности (А.А. Залевская, И.В. Крисанова). Использование системоцентрического подхода оправданно и необходимо для описания механизмов порождения двусмысленности, но недостаточно для рассмотрения самого феномена двусмысленности, так как восприятие двусмысленных высказываний не в последнюю очередь зависит от особенностей индивида (от возраста, образования, уровня речевого развития, уровня владения языком). Основной подход к стилистическому приему и его функциям опирается на «Общую риторику» группы μ , идеи которой развиваются в работе [Копнина 2009]. В основу диссертационного исследования легли также труды Анны А. Зализняк, А.Ф. Литвина, S. Attardo и Ж. Женетта, так или иначе рассматривающих феномен двусмысленности. В описании путей порождения двусмысленности мы опирались на монографию О.А. Лаптевой «Речевые возможности текстовой омонимии» [Лаптева 2009] и работы Катрин Фуш [Fuchs 1987, 1995, 1996, 2009]. Наше исследование, являясь, по сути, междисциплинарным, посвящено комплексному анализу феномена двусмысленности, но рассмотрение данного явления в фокусе теории стилистического приема является главенствующим. Важно отметить, что, говоря в данном исследовании о двусмысленности в целом и изучая ее на материале современного русского языка, мы под

языком понимаем совокупность языка как системы и речи, как непосредственного ее функционирования. При необходимости разграничить язык и речь, двусмысленность, несомненно, будет отнесена к феноменам речи.

Методы и методики исследования выбраны с учетом специфики объекта, целей и задач работы. Интроспективно-описательный метод, включающий в себя наблюдение, обобщение и интерпретацию результатов наблюдения, использовался при отборе двусмысленных речевых единиц, установлении их признаков и описании как их структурных разновидностей, так и прагматического потенциала. Использование интерпретирующего подхода к каждому предложению исследуемых текстов позволяет говорить о сплошной выборке из них контекстов, содержащих двусмысленность, что увеличивает объективность выводов. Многообразие форм выражения двусмысленности обусловило использование классифицирования (как составной части дескриптивно-аналитического метода) – разработана структурно-функциональная типология двусмысленности. Исследование релевантных элементов двусмысленных высказываний проводилось с помощью компонентного анализа (в основном, для выявления мельчайших различий в значениях отдельных языковых единиц). Элементы дистрибутивного метода применялись при выявлении и анализе двусмысленной речевой единицы, метод трансформации – при ее толковании. Для выявления основных типов двусмысленных высказываний использованы контекстуальный и факторный анализ, что позволило выделить основные группы по нескольким параметрам. Кроме того, контекстуальный (контекстологический) анализ – метод изучения окружения: микро- и макроконтекста, – позволил определить функцию исследуемой единицы в тексте в целом. При толковании значений слов был использован Малый академический словарь (МАС) (<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>).

Количественный метод, в частности статистический прием (критерий χ^2 -Пирсона) классификации фактов, послужил для эмпирической генерализации полученных выводов. Для комплексного (структурно-функционально-статистического) анализа имеющегося корпуса контекстов была использована база Open Access с возможностью аннотирования при помощи выбора одного или нескольких из имеющихся вариантов, находящаяся в свободном доступе на компьютерах с операционной системой Windows. База данных представляет собой таблицу, в которой можно настраивать необходимые для исследования поля и возможные варианты меток, что позволило описать каждую речевую единицу как с лингвистической, так и с экстралингвистической точки зрения.

Теоретическая значимость работы обусловлена возможностями ее экстраполяции на материал других языков и тем, что в ходе исследования уточняются некоторые понятия семантического поля двусмысленности, среди них само понятие «двусмысленность» и смежные с ним понятия; отдельные приемы двусмысленности, такие как «дилогия», «амфиболия», «зевгма». Вводятся понятия «парапрагматической дилогии», «имплицитной антанаклазы» и «символьной двусмысленности». Кроме того, теоретическая значимость состоит также в создании на материале русского языка структурно-функциональной типологии двусмысленности.

Практическая значимость работы определяется возможностью не только применения предложенной типологии в прикладной лингвистике (в частности, при разметке корпуса двусмысленных контекстов для его последующего использования в программах автоматического поиска и обработки двусмысленности), но и использования полученных данных в вузовских курсах стилистики, прагматики и речеведения, так как демонстрация учащимся механизмов и приемов двусмысленности поможет им не только избежать или устранить двусмысленность, но и использовать ее в прагматических (стилистических и риторических) целях. Полученные выводы могут быть использованы также в профессиональных коммуникациях (журналистике, редактировании, публичной риторике и т.д.).

Новизна исследования состоит в том, что оно, будучи проведено на стыке лингвистики языка и лингвистики речи, установило соответствия между языковыми механизмами, создающими двусмысленность, и стилистическими приемами на её основе. Предложенная типология двусмысленных высказываний позволяет ликвидировать лакуны в комплексном описании двусмысленности. Впервые проведен комплексный (структурно-функционально-статистический) анализ корпуса двусмысленных высказываний. Уточнены структурно-функциональные характеристики стилистических приемов двусмысленности.

Достоверность результатов обеспечена соответствием методологии исследования поставленным задачам, достаточным количеством фактического материала (2400 речевых единиц), репрезентативностью выборки (объемом в 1200 контекстов) для проведения комплексного анализа двусмысленных речевых единиц и подтверждена критериями математической статистики.

Апробация результатов работы. Результаты проведенного исследования были представлены на 8 конференциях различного статуса: XXVI Научной студенческой конференции «Дни науки» на факультете филологии и журналистики (СФУ, Красноярск, 2007); Международной конференции «Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее», посвященной 75-летию Красноярского края (Красноярск, 2009 г.); Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием «Диалог культур в аспекте языка и текста», проводимой в рамках «Дней русской словесности в Красноярске» при поддержке Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) (СФУ, Красноярск, 5–9 апреля 2010 г.); Всероссийском межвузовском научном семинаре с международным участием «Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия» (СФУ, Красноярск, 27–30 сентября 2010 г.); Международной Интернет-конференции «Испания и Россия: диалог культур в свете современной цивилизационной парадигмы» (18–24 апреля 2011 г.); VII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука» (СФУ, Красноярск, 20 апреля 2011 г.); Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Диалог культур в аспекте языка и текста» (СФУ, Красноярск, 16–17 апреля 2012 г.); VIII Международной научной конференции «Русская речевая культура и текст» (г. Томск, 17–18 апреля 2014 г.).

Теоретические положения диссертации обсуждались также на методологических семинарах, проводимых в Институте филологии и языковой коммуникации СФУ (2011, 2012 гг.) и филологическом факультете Барселонского университета во время прохождения научной стажировки (2012-2013 гг.).

Основные научные результаты исследования отражены в 15 публикациях, четыре из которых – в журналах, рекомендованных ВАК.

Сформулированные цели и задачи обусловили **структуру работы.**

В первой главе «Феномен двусмысленности и его изучение» рассматривается феномен двусмысленности как общенаучное понятие, подходы к описанию двусмысленности с античности до наших дней; обосновывается использование термина «двусмысленность» на контрасте со смежными понятиями (полисемией, омонимией, неоднозначностью, неопределенностью, экивокацией и намеком); рассматриваются вопросы обнаружения, разрешения двусмысленности и основные методы ее исследования; представлены ключевые классификации двусмысленности по различным основаниям.

Во второй главе «Механизмы порождения двусмысленности и стилистические приемы, реализующиеся на их основе» на основе рассмотрения возможных в русском языке источников

двусмысленности приводится обобщенный список механизмов порождения двусмысленности; представлено понятие стилистического приема в его соотношении с речевыми ошибками; на основании сформулированных критериев выявлены и описаны основные стилистические приемы двусмысленности (антифразис, амфиболия, антанаклаза, буквализация метафоры, дилогия, зевгма).

В третьей главе «Типология двусмысленных речевых единиц и их функционирование в современном русском языке» выявляются и формулируются функции стилистических приемов двусмысленности; на основе рассмотренных ранее классификаций и предварительного анализа фактического материала приводится многоаспектная типология двусмысленности, позволяющая комплексно описать модели двусмысленности, имеющиеся в русском языке; представлена процедура и результаты комплексного описания двусмысленных речевых единиц; сформулированы выявленные закономерности функционирования стилистических приемов двусмысленности.

В Заключении приведены основные выводы по проведенному исследованию и намечены перспективы дальнейшей работы над темой. Список использованной литературы содержит 270 источников.

ГЛАВА I. ФЕНОМЕН ДВУСМЫСЛЕННОСТИ И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

1.1. Феномен двусмысленности: история изучения, определение, амбивалентность

1.1.1. История изучения феномена двусмысленности в гуманитарных науках

Понятие двусмысленности рассматривается не только в лингвистике, но и в психологии, психиатрии, логике, когнитологии, программировании, теории изобразительного искусства, математике, эконометрии [J.-F. Laslier], где исследуется не только как явление речи отдельного политика, но и как комплексное явление институциональной политической коммуникации, представляющее собой свойство политических программ иметь несколько возможных интерпретаций, реализуемое намеренно или случайно. Двусмысленность является неотъемлемой частью дипломатических коммуникаций, позволяющей выиграть время (эффективный инструмент воздействия в политике). В менеджменте организаций [González Álvarez 2004; Honeyman 1987] двусмысленность изучается как свойство внутриорганизационных коммуникаций. В управлении она рассматривается с трех точек зрения: как неопределенность коммуникации; как явление риторическое, положительное, вызывающее обсуждение точек зрения на двусмысленное высказывание или ситуацию; и, ближе к традиционному пониманию, как ошибочность или противоречие, когда единица речи может быть понята более чем одним способом [Gómez Rodríguez 2001: 270]. Эти точки зрения очень разнородны, не имеют общего основания (вторая из них описывает функционирование, а третья – механизм образования двусмысленности), что говорит об отсутствии собственно общепринятой лингвистической классификации двусмысленности, которую можно было бы использовать при исследовании институциональных коммуникаций.

По некоторым данным, слово «двусмысленность» (*ambiguity*) произошло из латинского *ambiguus*, от *ambigere* – ‘быть нерешенным’, из *ambi-* + *agere* ‘подразумевать’, и впервые было задокументировано в 15 в. [Merriam-Webster Enciclopædia Britannica. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/ambiguity>]

Но упоминание о двусмысленности как категории языка и логики относится к глубокой древности. Несмотря на то, что не всегда использовалось именно это слово, само понятие мы встречаем уже у Аристотеля (335 г. до н. э.), когда тот говорил о качествах речи. Ясность речи относилась к главнейшим ее достоинствам, а затемнение смысла – к недостаткам. «Достоинство стиля заключается в ясности, доказательством этого служит то, что, раз речь не ясна, она не достигает своей цели» (цит. по [Античные теории 1936: 12]). Соответственно, двусмысленность как явление, сущность которого состоит в нарушении ясности, оценивалась отрицательно. «Неправильность, двусмысленность и однообразие еще античными учеными

(Феофраст, Аристотель, Деметрий, Цицерон, Квинтилиан и др.) считались недостатками речи, а ее достоинствами – правильность, однозначность, разнообразие и т.д.» [Москвин 2002: 89].

Несмотря на негативное отношение ко всему, что затемняет смысл, некоторые мыслители античности (например, Гераклит) допускали намеренное использование двусмысленности, правда, оговаривали, что такое использование свойственно тем, кто преследует недостойные цели. Существовала лишь одна «дозволенная» сфера использования двусмысленности – развлечение.

Например, Цицерон относил двусмысленность наряду с метафорами, каламбурами, аллегориями и т.д. к словесным формам остроумия. Квинтилиан также рассматривал остроумие в связи с риторикой, включая в него и двусмысленность. При этом античные мыслители не поясняли, что входит в понятие двусмысленности и не давали какого-либо подробного толкования. С двусмысленностью связывали и явление «обманутого ожидания» (современный термин). Аристотель учил, что в подобных случаях «<...> такие обороты должны становиться понятными немедленно после того, как они произнесены» (цит. по [Русская риторика 1996: 12]).

Надо отметить, что в античности понятие двусмысленности использовалось в самом широком виде, без очерчивания его четких границ. Как правило, двусмысленными называли речи неясные, темные, при этом не всегда конкретизируя, чем была вызвана их неясность. Чаще всего среди причин называли: использование непонятных (устаревших, иностранных) слов; сложность синтаксических конструкций, использование многозначных слов и т.д. Как видно, в понятие двусмысленности включались совершенно разнородные явления. Несмотря на то, что античные философы практически не рассматривали двусмысленность как языковую категорию, можно говорить, что проблемы двусмысленности (без использования самого этого слова) активно обсуждались при решении таких проблем, как «правильность имен», то, что в сейчас мы называем асимметричностью языкового знака (термин С.И. Карцевского).

Уже в античности были привычными такие понятия как полисемия и омонимия, которые, с нашей точки зрения, являются одними из механизмов создания двусмысленности. Двусмысленность осознавалась как сугубо речевая категория. Такое понимание, вслед за Аристотелем, встречается и в средние века.

В эпоху Ренессанса отмечается возврат интереса к языку, и, в частности, к такому понятию как двусмысленность. Правда, в отличие от античности, это время характеризуется появлением многочисленных узкоспециальных трудов по риторике. Теперь работы по риторике являются уже не философскими трактатами, а скорее номенклатурами приемов, почерпнутых у тех же античных авторов. Интерес в них представляют не сами списки приемов, а их авторская интерпретация. Интересны, например, работы таких авторов, как испанец Григорио Майанс-и-

Сискар, который в своей «Риторике» относил двусмысленность к нарушению такого качества речи, как ясность, и рассматривал ее в главе о качествах речи, а не о тропах и фигурах, приводя, однако, названия для видов двусмысленности (такие как омонимия, амфибология, дилогия, силлепсис) [Mayans у Siscar 1752]; как англичанин Генри Пичем с его «Садом красноречия», где двусмысленность грамматических структур под названием «амфибология» была отнесена им к синтаксическим схемам третьего порядка [Peacham]. Ричард Черри (1550) тоже упоминал двусмысленность, правда, как нарушение порядка слов и, следовательно, явление синтаксиса. Он относил амфибологию (*amphibologia*), или *ambiguitas*, к неясности (*obscure*) – одной из разновидностей ошибок (*faute*), которые наряду с фигурами составляли категорию схем в противоположность тропам [Sherry 1961: 32–33].

С. Дюмарсе относился к двусмысленности отрицательно, говоря, что «нельзя перестараться, избегая подобных недостатков речи: так как мы для того и пишем, чтобы нас поняли: ясность и точность – цель и основа искусства писать и говорить» [Dumarsais 1804: 209]. Все конструкции, которые могут иметь одновременно два значения или два смысла, он подразделил на двусмыслицу (*equivoque*) и темноту (*louche*). Двусмыслица – разновидность экивока, которую, как правило, легко распознать. В таких конструкциях кажется, что слова имеют одно содержание, а оказывается, что совсем другое. Но когда мы не видим сразу, какой смысл мы должны им дать, в таком случае мы говорим, что предложение скорее экивокационное/двусмысленное (*equivoque*), чем просто темное [Dumarsais 1804: 207]. При этом он даже приводит основные типы грамматических механизмов, порождающих двусмысленность. Отрицательным явлением, достойным лишь эпиграмм, считал двусмысленность и Н. Буало, теоретик классицизма, приравнивая ее к игре словами: У слова был всегда двойной коварный лик.

Двусмысленности яд и в прозу к нам проник:

Оружьем грозным став судьи и богослова,

Разило вкривь и вкось двусмысленное слово.

Но разум, наконец, очнулся и прозрел:

Он из серьезных тем прогнать его велел,

Безвкусной пошлостью признав игру словами (Н. Буало. Поэтическое искусство).

Подобного мнения придерживались позднее и философы Т. Гоббс и Дж. Локк [Гоббс 1991; Локк 1985].

В России XVIII век характеризуется работами М.В. Ломоносова, в том числе по риторике. Двусмысленности он почти не касался, заметив только в своем «Кратком руководстве к красноречию», что необходимо остерегаться «чтобы речений не перемешать

ненатуральным порядком и тем не отнять ясность слова», то есть избегать синтаксической двусмысленности, а также «блюстись, чтоб двузнаменательных речений не положить в сомнительном разумении, например: он *Виргилия* почитает, что можно разуметь двояким образом: 1) он *Виргилия* станет несколько читать, 2) он *Виргилия* читит» [Ломоносов 1952: 243]. И.С. Рижский в «Опыте риторики» (1796 г.), перечисляя известные ему тропы и фигуры, упоминает одну общую фигуру двусмысленности: «Когда слова употребляются в таких знаменованиях, которые совершенно противны собственным их значениям, то сей троп называется ирониею» [Русская риторика 1996: 100] – сейчас такое определение подходит к понятию антифразиса. В «Риториках» других отечественных авторов этого периода мы находим примерно те же соображения; их суждения, как правило, несколько поверхностны и нетерминологичны. Например, А.Ф. Мерзляков, утверждал: «Самое существенное свойство стиля есть ясность. <...> чтобы доставить сочинению необходимую степень ясности надобно избегать всех погрешностей, для нее вредных. Они суть: темнота, двоемыслие и сбивчивость» [там же: 136], не поясняя, что он понимает под тремя последними явлениями. Работы И.И. Давыдова и Н.Ф. Кошанского отличаются от вышеуказанных сочинений более глубоким подходом к выявлению причин неясности. И.И. Давыдов в «Опыте о порядке слов» подробно перечислил опасности разнообразных нарушений порядка слов, приводящих к искажению смысла: «В каждом языке в рассуждении порядка слов нужно столько осторожности, что даже союз “и” должен быть на своем месте; в противном случае дает он речи другой смысл» [Давыдов 1917: 89]. Н.Ф. Кошанский в «Общей риторике» (1829 г.) пишет: «...правило ясности требует: 1) естественного порядка слов; 2) точности и общей употребительности слов и выражений и 3) умственных знаков препинания. От несоблюдения сего правила происходит сбивчивость, недоразумение. Темнота происходит иногда от излишней краткости в слоге» [Русская риторика 1996: 159]. Здесь мы впервые, знакомясь с трудами русских риториков, видим среди источников неясности нарушение синтагматического членения фразы.

В этот период были предприняты новые попытки изучить остроумие, одной из разновидностей которого неизменно считали двусмысленность. Например, довольно тщательно рассматривал его З. Фрейд, создавший классификацию способов создания остроумия и проанализировавший в ней довольно подробно составляющие двусмысленности. Нам близок его подход, так как мы, как и он, считаем двусмысленность не самостоятельным приемом, а лишь общим понятием, включающим в себя разные механизмы создания двусмысленности. В двусмысленность он включает:

- а) обозначение имени собственного и вещи;
- б) метафорическое и вещественное значение слов;

- в) игра слов;
- г) двоякое толкование;
- д) двусмысленность с намёком [Фрейд 1997].

Для российской риторики начало XX-го века было временем забвения, еще в конце века предыдущего риторика была изгнана из учебных планов учебных заведений, семиотика еще не начала развиваться, и понятие двусмысленности было редкоупотребимым. Тем не менее, даже в советский период встречались работы, ныне незаслуженно забытые, где двусмысленность не только упоминалась, но и довольно подробно рассматривалась, с указанием способов ее реализации в тексте, например: «Искусство спорить и острить (составлено по сочинениям А. Шопенгауэра и З. Фрейда)» Г.Д. Давыдова (1927 г.). Несмотря на то, что теория в этом научном сочинении в основном заимствована, она подтверждена автором собственными примерами.

Первая половина XX-го века ознаменовалась возвращением в науку принципа системности, развиваемого еще Платоном, Аристотелем, затем Лейбницем, Гегелем и др. В этот период возникает понятие системы как методологического подхода. Основателем общей теории систем считается Л. фон Берталанфи (1930), в России его предшественником был А.А. Богданов, создатель «Тектологии» (1913) – учения об универсальной организационной науке.

Возникает семиология, в которой также рассматривается проблема многозначности (и, следовательно, двусмысленности). Теперь двусмысленность рассматривается и на уровне синтаксиса, как возможность наличия нескольких значений у предложения. Двусмысленность как реализация знаковости и двусторонности слова, понятий, введенных Ф. де Соссюром, продолжает старый спор номиналистов и реалистов. Н.А. Бердяев осуждает номинализм, считая, что конвенциональный подход к языку усложняет общение [Бердяев 1989].

Начинает активно обсуждаться проблема многозначности: свойство ли это языка или речи. Например, по мнению Ж. Вандриеса, А.А. Потебни и У. Эко многозначность – иллюзия, так как в конкретной речи, в конкретном контексте мы используем и понимаем лишь одно значение из всех имеющихся. С этой точкой зрения можно поспорить, так как двусмысленность возникает именно тогда, когда контекст допускает сразу несколько значений, и не всегда это наложение смыслов снимается более широким контекстом или какими-то экстралингвистическими факторами (иллюстрациями, жестами и т.п.). Например, фраза известного актёра преклонного возраста: «Я стар, я суперстар!» (АиФ. 2006. № 10) (можно понять как «очень стар», а можно – как «суперзвезда») или такая: «Просьба акул руками не кормить» (Комок. 2005. № 26). Этот же вопрос затронул и Анри Фрейд в «Грамматике ошибок» и убедительно доказал наличие двусмысленности в речи [Фрейд 2006: 54].

Во второй половине XX века интерес к двусмысленности усилился. «Начала осознаваться и неслучайность, значимость, содержательная наполненность тех особенностей языковой формы, которые ранее служили основанием для упрёков в несовершенстве языка (полисемия, синонимия, омонимия <...>» [Никитин 1996: 647–648]. А.Н. Лук в работе «О чувстве юмора и остроумии» относил двусмысленность наряду с игрой слов к двойному истолкованию, «когда двойное истолкование может быть дано целой фразе или выражению» [Лук 1968], что близко представленному в данной работе пониманию двусмысленности как явления речевого. Его классификация не бесспорна, так как еще две предложенные им категории: ирония и буквализация метафоры (разновидность «обратного сравнения») также могут быть отнесены к категории «двусмысленность». Возникшая в XX-м веке психолингвистика обратила свое внимание на особенности понимания человеком двусмысленности. Например, Д. Слобин и Дж. Грин писали, что мы разрешаем двусмысленность, соотнося данные нам высказывания с другими, в какой-то мере передающими их истинный смысл. В случае синтаксической двусмысленности мы видим асимметрию поверхностной и глубинных структур (понятия, введенные генеративистикой Н. Хомского) [Слобин, Грин 1976].

Г.П. Грайс также сделал вклад в исследование двусмысленности, предложив, помимо принципа кооперации, и фундаментальный методологический принцип – модифицированный принцип «бритвы Оккама», – который гласит: «Не умножайте количества лингвистических интерпретаций высказывания».

Постулаты Грайса прежде всего служат основанием для вывода «импликатур» – правил интерпретации невыраженного смысла высказывания в контексте речевого взаимодействия. Таким образом, Г.П. Грайс противопоставляет принципу потенциальной многозначности принцип однозначности высказывания в контексте. Принцип однозначности обязывает соотносить интерпретацию высказывания с контекстом его произнесения. О. Дюкро выразил этот принцип в следующей формуле: «смысл высказывания = лингвистический компонент + ситуация (контекст X)» (Ducrot 1984, 15-17), что может быть успешно применено к двусмысленности, которая представляет собой сочетание определенных языковых механизмов с определенным контекстом, позволяющим им реализоваться и породить несколько смыслов.

С появлением компьютеров и возможности автоматической обработки естественного языка изучение двусмысленности стало как никогда актуальным, но уже не только с точки зрения риторики. Вместо механизмов ее порождения в фокусе исследовательского внимания оказались способы ее разрешения (ambiguity resolution), потому что компьютер может работать только с детально формализованной информацией, а процесс создания и разрешения смыслов высказываний не формализован [Богуславский и др. 2005; Franz 1996; Hirst 1992; Tanenhaus

1998]. В связи с этим следует разграничить два основных понимания двусмысленности: применяемое в области прикладной лингвистики и в области естественной коммуникации. Для компьютера то, что для нас является потенциальной двусмысленностью, относительно нечасто реализующейся в реальную, всегда является двусмысленным. Другими словами, при обработке естественного языка любой случай полисемии будет двусмысленным, для человека же большинство случаев не представит никакого затруднения и, скорее всего, даже не будет замечено. Например, во фразе «Она уронила блюдо на стол и разбила его» нам будет ясно, что разбилось блюдо, как объект более хрупкий, компьютер же не обладает такими знаниями. Одним из важнейших областей востребованности знаний о двусмысленности в настоящее время является также машинный перевод.

1.1.2. Понятие двусмысленности в современной лингвистике

Существует точка зрения, что двусмысленность существует лишь в примерах из некоторых психолингвистических книг и что контекст в норме всегда разрешает двусмысленность в потоке речи, и следовательно, отрицающая существование феномена двусмысленности, особенно в повседневной речи (Ю.Д. Апресян, Р.А. Будагов, Ж. Вандриес, А.В. Исаченко, Ю.С. Маслов, А.А. Потебня, А.А. Уфимцева, Н.М. Шанский, У. Эко). Ср. характерное высказывание: «в норме каждое многозначное слово используется в высказывании в каком-то одном из своих значений» [Апресян 2000]. А.А. Потебня писал, что «слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т.е. каждый раз как произносится или понимается, имеет не больше одного значения» [Потебня 1958: 15], отрицая, по сути, саму возможность реализации полисемии в речи. Л.В. Щерба придерживался такой же точки зрения. Еще дальше идет А.В. Исаченко, утверждая, что для коммуникантов проблемы омонимии (и следовательно – двусмысленности) не существует. А.Н. Гвоздев также писал, что «создаваемую омонимии возможность двусмыслицы не следует преувеличивать, так как слова в речи используются не изолированно» [Гвоздев 1965], при этом замечая, что омонимы **обычно** обезвреживаются контекстом, т.е. все-таки не всегда. Ему вторит Л.А. Булаховский: «из контекста **обыкновенно** бывает ясно, <...> какое именно значение имеет то или другое омонимное слово, и серьезно угрожающие пониманию случаи в практике языка возникают относительно редко (выделено нами. – М.Ю.)» [Булаховский 1953: 47]. Из приведенных высказываний видна их противоречивость, т.к. «обычно» не значит «всегда», а упоминание редкости возникновения двусмысленности лишь подтверждает факт ее существования. О несостоятельности такой точки зрения пишут Г. Симпсон и К. Баргес [Lexical ambiguity resolution 1988: 272]. Повседневная речь полна двусмысленностей, несмотря на существование точки зрения, отрицающей саму ее возможность. К тому же, согласимся с утверждением

Л.В. Малаховского о том, что если «слушающему необходимо обращаться к контексту, то это уже означает, что омонимия задерживает процесс коммуникации» [Малаховский 2009: 25]. Можно согласиться с тем, что потенциальная двусмысленность в большинстве случаев так и остается потенциальной, но в языке существует механизм «просачивания» потенциального в актуальное (реализовавшееся), при описании данного процесса иногда используется метафора контекстуального «фильтра» [Fuchs 1994: 9].

Представители рассматриваемой точки зрения считают, что омонимия и полисемия интересны лишь как явление системы языка и в речи несущественны, т.к. нейтрализуются контекстом и ситуацией, ограничивая их существование рамками «поэтического языка». Например, А.А. Зализняк считает, что «поэтическое совмещение значений не служит аргументом против принципа, что «в норме» в каждом конкретном употреблении реализуется какое-то одно значение слова <...>: поэтический язык именно нарушает эту «норму», чем и достигается эффект» [Зализняк 2004]. Она же говорит, что «два различных смысла не могут “иметься в виду” одновременно, нормально слушающий способен произвести выбор нужного понимания» [Зализняк 2003; Перцова 1988]. С одной стороны, верно, что, например, в предложении «Художник рисовал натурщика обнаженным» только один из двух является обнаженным, а никак не оба сразу. Но также верно и то, что мы не в состоянии совершенно однозначно сказать, кто именно был обнажен. Хотя здравый смысл и подталкивает к выбору обнаженности натурщика, грамматически возможны оба варианта, и не исключено существование такого эксцентричного художника, который рисует без одежды. Приведенный пример демонстрирует присутствие двусмысленности как речевой реализации омонимии в естественном языке и вне поэтической речи. Ошибочное использование полисемичных слов и омонимов также способно породить двусмысленность вне стилистического задания. Таким образом, можно согласиться с Анной Андреевной в том, что двусмысленные высказывания принадлежат скорее к периферии узуса, ограничивать возможность возникновения двусмысленности какой-либо одной сферой не следует.

Представленная выше точка зрения характерна для традиционной лексикографии, где контекст соотносится лишь с одним из значений многозначного слова. В исследованиях, проводимых в русле традиционной лингвистики, с акцентом на внутреннюю структуру языка, действительно бывает достаточно понятий полисемии и омонимии, но при выходе в область антропоцентрической лингвистики, в частности – в прагма- и когнитивную лингвистику, данных понятий уже недостаточно для адекватного описания речевой действительности. Например, А.Н. Баранов пишет о существовании контекстов, для которых сложно, а иногда и невозможно выявить реализуемое значение полисеманта [Баранов 2006].

Представители противоположной точки зрения считают, что «каждое речевое произведение (текст) содержит потенциал множественности интерпретации» [Голев, Ким 2010: 39; Kayser 1987: 240; см. также Вежбицкая 1986]. В последнее время двусмысленность «стала восприниматься не как отклонение от нормы, а как одно из наиболее существенных свойств всех значимых единиц языка, как неизбежное следствие основных особенностей устройства и функционирования естественного языка» [Плунгян, Рахилина 1996: 4]. И.В. Арнольд поддерживает данную точку зрения, говоря о неполной элиминации всех значений слова, несмотря на то, что контекст реализует лишь одно из них. Эти значения существуют неким ассоциативным фоном, что оставляет авторам, особенно поэтам, «возможность одновременной реализации двух значений – контекстуального и отраженного» [Арнольд 1981: 121]. Но анализ фактического материала показывает, что в действительности слово имеет в потоке речи столько значений, а высказывание имеет столько смыслов, сколько позволяет контекстом. Так, в контексте, не допускающем несколько смыслов у высказывания, слово или фраза будут пониматься единственным образом, более или менее точным. В связи с этим вызывает вопросы вторая часть вывода, сделанного Л.Г. Ким в результате проведенного ею эксперимента по выявлению двусмысленности одной фразы: «актуализованная в каждом толковании единственность смысла представляет собой реализацию одного из множества потенциальных семантических вариантов в их качественном разнообразии, что доказывает объективную способность языкового знака реализовать (в том числе в пределах одного речевого выражения) множественность смыслов» [Ким 2010: 42]. Первая часть вывода справедлива, но во второй части не упоминается главенствующая роль контекста в реализации указанной способности языкового знака. Результаты эксперимента доказывают способность реализовать множественность смыслов лишь конкретной двусмысленной фразы, а не языкового знака вообще. Поэтому вывод о том, что «любое языковое выражение, в том числе состоящее из общеупотребительных лексических единиц, построенное по законам грамматики, обладает потенциалом амфиболического функционирования и смысловой вариативностью» [Ким 2010: 43], кажется чересчур обобщающим. «Раскапывайте погребенных в земле слепых исполинов»

А.Е. Бочкарев считает, что «всякое изолированное высказывание можно расценить как неоднозначное», так как «пресловутая семантическая неоднозначность – следствие лексической и/или референтной неопределенности», когда к двусмысленности приводит незнание ситуационного контекста. Такая точка зрения справедлива по отношению к большинству высказываний на естественных языках, но ее нельзя, тем не менее, считать универсальной, так как сложно усмотреть неоднозначность во фразе типа: «Дважды два – четыре». Важно отметить, что «ничто не позволяет вместе с тем заключить, что анализируемая языковая последовательность неоднозначна, пока не будут обоснованы ее различные перефразировки

(Растье 2001: 243–244)» [Бочкарев 2003: 103] – т.е. сколько бы ни было у высказывания потенциальных «прочтений», если они не могут быть продемонстрированы через объяснение или перефразировку другим реципиентам, высказывание нельзя считать собственно двусмысленным. Таковым можно считать только высказывание с актуальной (реализовавшейся) двусмысленностью.

Наиболее краткое толкование двусмысленного дала О.С. Ахманова: «Двусмысленный – допускающий два разных понимания» [Ахманова 1966: 92]. В издании же словаря 2004 года определение конкретизировалось: «Допускающий два разных понимания (особенно о синтаксическом построении)». [Ахманова 2004: 123]. В словаре Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой неоправданно расширяется понятие амфиболии, под которой фактически понимается двусмысленность: «Неясность выражения, допускающего два различных истолкования» [Розенталь, Теленкова 1985: 15]. В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи»: «Двусмысленность – неоднозначность фразы, высказывания; возможность двойного понимания речи» [Культура ... 2003: 149]. Это определение, на наш взгляд, является, с одной стороны, удачным, так как понятие двусмысленности трактуется здесь с точки зрения коммуникативной лингвистики, в частности риторики. То есть двусмысленность рассматривается в связи с такими явлениями, как фраза, высказывание и речь, что особенно важно для понимания сути термина. Но, с другой стороны, толкование понятия двусмысленности через близкое, но не тождественное понятие неоднозначности представляется не вполне логичным. Достаточно исчерпывающим является определение двусмысленности с точки зрения компьютерной лингвистики: «наличие потенциального альтернативного выбора в определенных точках предложения в процессе его интерпретации» (the existence of potential alternative choices at particular points in the processing of a sentence) [Lexical ambiguity resolution 1988: 129], тогда в данное понятие входят случаи не только полной двусмысленности, но и частичной, например, так называемых «garden path» предложений (типа «садовая дорожка» – когда выбрав неверный путь понимания фразы, мы вынуждены возвратиться на исходную точку для ее верной интерпретации, например: *При сужении капилляров, их закупорке и увядании // крови // в многокилометровой сети капилляров уже не хватает места* (КП. 2011. №3)). Интересным является определение: «двусмысленное высказывание, в котором вне всякой дискурсивной ситуации можно выделить две или более интерпретации¹» [Gutiérrez-Ordóñez 1995: 28].

Встречается точка зрения, что слово двусмысленно, когда имеет два потенциальных не связанных друг с другом значения, и многозначно, когда имеет более одного значения,

¹ El enunciado lingüístico al que fuera de toda situación de discurso es posible asignar dos o más interpretaciones.

связанных между собой² [Moreno Quibén. URL: <http://www.quiben.org/32004/>] – в данном случае фактически происходит неразличение двусмысленности и омонимии. В сборнике современных исследований, посвященном философии языка, говорится, что «двусмысленность состоит в том, что какое-либо выражение имеет несколько смыслов или может быть интерпретировано как выражающее несколько различных смыслов³» [Gullvåg, Næss 1992: 1408]. А. Кибрик толкует двусмысленность как референциальный конфликт [Language typology... 2001: 1130], что отражает сущность феномена, который, по сути, является речевой репрезентацией асимметричности языкового знака. Другие лингвисты определяют двусмысленность как наличие у какого-либо выражения двух и более разных денотатов⁴ [Wasow et al. 2005: 265]. Иногда двусмысленность понимается как свойство части или целого высказывания, которое может допускать несколько интерпретаций [Alcaráz Varo, Martínez Linares 1997: 42; Larrauri, Monteagudo; Radelli 2001]. Очень лаконично определяет двусмысленность французский специалист Катрин Фуш: «Двусмысленность: выражение, которое означает несколько вещей⁵» в противоположность парафразису, который трактуется как «множество выражений, означающих одно и то же⁶» [L'ambigüité et la paraphrase 1987: 15].

Приведенные выше дефиниции нельзя признать полными, так как в них не указано как получается двусмысленность: каким образом и какими средствами она порождается. Например, теми, о которых Ю.Д. Апресян пишет: «возможность двоякого осмысления <...> создается в предложении определенной совокупностью языковых средств, каждое из которых в отдельности может быть совершенно однозначным» [Апресян 1971: 509]. Далее он приводит примеры двусмысленности (у него – речевой неоднозначности. – *М.Ю.*), которые порождаются многозначностью, что еще раз подтверждает правильность отнесения полисемии к явлениям языка, а двусмысленности – к явлениям речи. Ср. с точкой зрения Джона Хосперса, который писал: «Слово не двусмысленно само по себе, оно используется для двусмысленности: оно двусмысленно, когда невозможно понять из контекста, в каком из значений оно сейчас используется» [Hospers 1989: 14]. Одна и та же информация может быть двусмысленна в одном контексте и иметь единственный смысл – в другом. Р.А. Будагов также говорит о родо-видовых отношениях двусмысленности и полисемии: «неоднозначность слова в речи сопоставима с многозначностью слова как единицы системы языка и, более того, опирается на нее» [Будагов 1971: 102, цит. по Литвин 2005: 8]. Сам Литвин, говоря, что «актуальная неоднозначность слова

² <...> una palabra es ambigua cuando tiene dos sentidos potenciales no relacionados, es polisémica si tiene más de un sentido relacionado entre sí.

³ Ambiguity consists in one expression's having several different senses or being interpretable as expressing several different senses

⁴ An expression is ambiguous if it has two or more distinct denotations.

⁵ L'ambigüité: une expression qui signifie plusieurs choses

⁶ La paraphrase: plusieurs expressions qui signifient la même chose

в речи есть результат взаимодействия структуры содержания слова с реальным контекстом, окружением, способствующим или препятствующим (с точки зрения адресата) реализации разных языковых потенций слова» [Литвин 2005: 8], подтверждает внешний характер двусмысленности по отношению к значению слова. В некоторой мере удачным представляется следующее толкование двусмысленности – «семантический эффект, порождаемый определенными текстовыми характеристиками, которые допускают одновременно несколько равноправных интерпретаций, позволяя реципиенту сделать выбор в пользу одной из них» [Beristein 1995: 41].

При рассмотрении понятия двусмысленности нельзя обойти стороной вопрос соотношения понятий «значение» и «смысл». Под смыслом мы понимаем, вслед за Д.Э. Розенталем и М.А. Теленковой «то значение, которое слово или словосочетание получает в конкретной речевой ситуации. ср. двусмысленность предложения *Учительнице понравился новый класс* <...> (класс может обозначать «помещение для учебных занятий» и «группа учащихся начальной или средней школы»)» [Розенталь, Теленкова 1976]. То, что мы называем «смыслом», иногда именуется «содержанием»: «Содержание текста вырастает из целостной деятельности интерпретатора» [Белоусов, Блазнова 2005: 87]. Не переоценивая значения интерпретатора (такой подход представляется нам довольно субъективным), мы считаем, что понятие «содержания» применимо не только к тексту как к структурному образованию, но и к любому высказыванию, где определенные языковые средства вкупе с контекстом и интерпретирующей деятельностью реципиента порождают его смысловое наполнение.

Рассмотрим подробнее роль контекста в порождении двусмысленности. Двусмысленность создается нейтрализацией оппозиции «многозначность/однозначность» посредством устранения разрешающей функции контекста, при этом такое устранение является лишь кажущимся, так как для создания двусмысленности необходим специфический контекст, который в большинстве случаев создается намеренно. Таким образом, происходит скорее не потеря контекстом его разрешающей функции (случайная двусмысленность), а создание такого контекста, в котором ее заведомо не было бы (в случае преднамеренной двусмысленности). «Возможность столкновения некоторых двух значений в некотором контексте не означает, однако, невозможности нейтрализации этого противопоставления в другом контексте» [Зализняк 2004], т.е. двусмысленность – контекстно-зависимый феномен: практически любое явление языка в определенном контексте может порождать двусмысленность. Это происходит, когда контекст либо неспособен обусловить выбор одной из возможных интерпретаций, например: *В любви как в школе: самое интересное – перемена* (Телевизор. 2009. № 49), либо снимает возможность выбора не сразу: *Работница морга пыталась торговать телом* (Вечерний Красноярск. 2008. № 1).

На основании всего вышесказанного в качестве рабочего определения двусмысленности далее нами будет использоваться такое: **двусмысленность – это лингвистический феномен, заключающийся в наличии у высказывания или его фрагмента нескольких смыслов, проявляющихся одновременно или последовательно, обусловленное сочетанием языковых/речевых механизмов порождения двусмысленности с особым контекстом.**

1.1.3. Амбивалентность двусмысленности

Двусмысленность часто рассматривается как категория отрицательная, как дефект языка и речи [Благовещенский 1973; Гвоздев 1965; Малаховский 2009; Bridges 1919; Klare 1965; Slama-Cazacu 1961]. К негативным явлениям, «болезням» языка относят также полисемию и омонимию, которые приводят к появлению двусмысленности [Логачева 2009; Реформатский 2002; Эман 1960]. Например, А.А. Реформатский считал, что омонимия – это «досадное неразличение того, что должно различаться», отмечая при этом положительную роль омонимов в создании каламбуров и анекдотов, где как раз нужна «игра слов» [Реформатский 2002: 94]. При этом Ф.И. Маулер пишет, что та же омонимия «содействует компактности языка, и это – позитивное явление» [цит. по Логачева 2009: 53]. Тем не менее, омонимия рассматривается и как положительное явление, помогающее увеличению выразительности речи, как ресурс ее богатства [Бюиссанс 1965, цит. по Малаховский 2009; Рахманова, Суздальцева 2010; Ручимская 2010]. Сам же Л.В. Малаховский далек от положительной оценки омонимии, т.к. она приводит к неоднозначности, т.е. ухудшает кодовые свойства языка и снижает его эффективность как средства общения. Г.В. Колшанский писал, что «коммуникация может быть осуществлена лишь на базе определенности и однозначности всех элементов высказывания, создающих предпосылку для выполнения языком гносеологической роли» [Колшанский 2010: 25]. А.А. Зализняк, выделяя поэтическую и бытовую неоднозначность (двусмысленность), говоря о последней, отмечает, что «с точки зрения коммуникативной функции языка актуальная неоднозначность высказывания является “браком” в речепроизводстве, помехой, которая ведет к неудаче речевого акта и должна быть по возможности устранена» [Зализняк 2003]. Е.В. Падучева еще несколько десятилетий назад утверждала, что: «Высказывание, допускающее два или несколько осмыслений, которые все “имеются в виду” <...>, следует признать семантически аномальным: назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы обратить внимание слушающих на игру смыслов друг с другом» [Падучева 1982: 85], подтверждая необходимость рассматривать двусмысленность в игровой сфере и вне ее по-разному.

Исследования показали, что наличие двусмысленностей в тексте замедляет чтение, поскольку требуется ее разрешение [Gómez-Veiga et al. 2010: 25-47; Levelt 1978; Sereno,

O'Donnell, Rayner 2006]. Это может рассматриваться как негативное качество двусмысленности, но при этом создание и расшифровка двусмысленных высказываний являются своеобразными тренингами по совершенствованию навыков владения языком, позволяют глубже понять внутриязыковые механизмы родного или иностранного языка [Богатырева 2011; Ефремов 2014; Южанникова 2012; Lim 1998]. Кроме того, способность разрешать двусмысленность может рассматриваться как высокий уровень владения языком и использоваться для оценки языковой компетенции человека [Radelli 2001].

По мнению А. Фрея, некоторые учёные считают, что «проблема состоит лишь в поиске средств, используемых языком для уничтожения существующих двусмысленностей» [Фрей 2006]. Двусмысленность, действительно, рассматривается и в настоящее время как затруднение коммуникации и разрабатываются средства ее разрешения (*desambiguation*) (ср. названия книг *Lexical ambiguity resolution*, *Semantic Interpretation and the Resolution of Ambiguity*, *Automatic Ambiguity Resolution in Natural Language Processing*).

Двусмысленность может использоваться для изменения направления мышления [Халперн 2000], а также для передачи скрытых смыслов, в том числе, неприличных или шокирующих. Особенно часто она используется в креолизованных текстах⁷ рекламы [Амири 2009; Бобровская 2007; Benitez Soto 2003]. В руках политиков двусмысленность «становится мощным орудием маневрирования и сокрытия истины» [Лаптева 2009: 402]. Использующий ее с эвфемистическими намерениями рискует «быть разоблаченным», другие могут быть либо вообще не поняты, либо поняты не так, как рассчитывали, если альтернативный смысл воспринимается как основной.

В рекламной сфере двусмысленность также рассматривается неоднозначно. Некоторые специалисты по рекламе считают, что нельзя строить свои отношения с аудиторией по принципу «понимай – как знаешь», а установку «Ничего плохого, если реклама окажется сложной. Я говорю с умными людьми, которые ее поймут» считают крайне ошибочной [www.dkr.com.ua]. Имеется также экспериментально полученная информация о том, что довольно значительная часть рекламных сообщений понимается неверно, а некоторый процент опрошенных вообще не понимает, о чем идет речь в рекламе (см. подробнее [Матюшкин 2004]).

При этом в литературоведении множественность смыслов рассматривается как явление не только не отрицательное, но и необходимое: «Текст – это воплощенная множественность смысла, не просто допустимая, а неотвратимая множественность» [Барт 1989: 284]. Существует также точка зрения, подробно рассмотренная в работе «Семь видов двусмысленности» У.

⁷ Креолизованные тексты – «это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербально языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов: 180–181].

Эмпсона (1930), что двусмысленность пронизывает всю художественную литературу: «Игра на неоднозначности коренится в самом существе поэзии». Под двусмысленностью он понимал «логический конфликт между денотативным и коннотативным смыслом слов; т. е. между, так сказать, аскетизмом, стремящимся убить язык, лишая слова всех ассоциаций, и гедонизмом, стремящимся убить язык, рассеивая их смысл среди множественности ассоциаций» [Empson 1961: 234]. Отечественные литературоведы также считали двусмысленность одним из признаков поэтического языка [Шкловский 1983; Якобсон 1975: 203]. Ж. Деррида же возвел двусмысленность в абсолют, признавая смысловую «неразрешимость» одним из принципов организации текста. Естественно, что заявленный автором смысл и воспринимаемый адресатами не всегда совпадает, что зависит не только от индивидуальных различий, но и от социального, культурного контекста, например, «Дон Кихот», созданный и воспринимаемый современниками как сатира на отжившие феодальные порядки, в последнее время воспринимается как гимн наивному, но честному рыцарству. Проблема различного понимания сообщения в диалоге подробно рассматривается в книге «Диалогика текста как бесконечное смысловое пространство» [Зотов 2000].

Двусмысленность является одним из наиболее продуктивных способов «шифровки», что активно эксплуатируется в рекламных сообщениях. У. Эко называет неоднозначность, привлекающую внимание и побуждающую к усилию коммуникации, плодотворной [Эко 1998]. Но если текст «не расшифровывается» со второго прочтения, он раздражает и может оказать прямо противоположный эффект.

Существование двусмысленности вполне возможно и в правильной, нормативной речи, так же как и речь неправильная, бедная, не всегда содержит двусмысленности.

Таким образом, двусмысленность можно отнести к явлениям амбивалентным⁸ (ср. ст. об амбивалентности омонимии [Логачева 2009]) – оцениваемым как положительно, так и отрицательно в зависимости от условий функционирования. Она не может быть однозначно отнесена к негативным или позитивным явлениям речи, что влияет на возможность отнесения той или иной ее репрезентации к ошибкам или приемам (см. § 4 второй главы).

С помощью двусмысленности реализуется тяга языка к экономии и проявляется гибкость мышления человека, хотя в случае ее прагматически немотивированного появления она может стать серьезным коммуникативным барьером.

⁸ «когда один объект вызывает у человека сразу два противоположных чувства, например, любовь и ненависть, жалость и отвращение и т.п.» [Гурьева 2009: 13; см. также Rosier 1988]

1.2. Смежные с двусмысленностью понятия. Обоснование выбора термина

В общетеоретическом плане феномен двусмысленности порожден свойством асимметрии языкового знака, впервые сформулированным в 1929 г. С.О. Карцевским. Важной проблемой является выделение объема понятия «двусмысленность» из ряда смежных, также связанных с асимметрией. Некоторые попытки их разграничивания, несмотря на кажущуюся полноту, не вносят ясности в рассматриваемый вопрос. Например, Г.Е. Попова выделяет такие «типы неясности высказывания»:

«- неясность (fuzziness) выражается в том, что для каждого индивида значение слова будет наполняться собственным содержанием, например, слово «ночь» может значить отрезок темного времени суток примерно с 11 часов вечера до 8 утра;

- неопределённость (vagueness), характеризуется многозначностью, то есть тем, что высказывание может иметь более одной интерпретации;

- всеобщность (generality), характеризуется общим значением и отсутствием деталей;

- двусмысленность (ambiguity) определяется наличием у выражения нескольких семантически не связанных или взаимоисключающих значений (Rey-Debove 1978; Kerbrat-Orecchioni 1986)» [Попова 2004]. Классификация в принципе является достаточно полной, но при ее рассмотрении возникает вопрос о родовидовом соотношении понятия «неясность» (неясность как родовое понятие или как одна из разновидностей?), кроме того, кажется не вполне ясной дифференциация неопределенности, неясности и двусмысленности. М.М. Филиппова в статье «Обзор некоторых понятий, существующих в английском языке для отражения косвенных смыслов» переводит ambiguity как «неясность, двусмысленность, неопределенность, неоднозначность, двойственность, двусмыслица, двусмысленность, омонимия (в особенности синтаксическая)» [Филиппова 2007: 4], что тоже, не способствуя точности, отражает скорее обыденное употребление этого слова, а не использование его в качестве термина.

В русскоязычной научной литературе наряду с *двусмысленностью* [Апресян 1971; Бобровская 2007; Гвоздев 1965; Давыдов 1927; Зотов 2000; Лагута 2006; Лаптева 2009; Москвин 2004, 2007; Филиппова 2007; Флайер 2010; Шмелев 1973; Якобсон 1975] для обозначения «имеющего несколько толкований» используются слова *амбигуа* [Романова, Филиппов 2009], *амбигуэнтность* [Романова, Филиппов 2009], *амбивалентность* [Гетман 1975], *двуплановость* [Голев 2000; Щербина 1976], *диалогия* [Энциклопедический... 2005], *каламбур* [Хазагерев 2009], *эквивокация* [Богатая 2006], *неоднозначность* [Апресян 1971; Богуславский и др. 2005; Гребенкина 2001; Зализняк 2003, 2004; Ильясова, Амири 2009; Литвин 2005; Плотников 1984], *многозначность* [Апресян 1971; Гребенкина 2001; Филиппова 2007], *речевая многозначность*

[Литвин 2005], (*текстовая*) *омонимия* [Апресян 1971; Лаптева 2009; Невзорова и др. 2006], *амбигуэнтность* [Гребенкина 2001; Мартынова 2003], *амфиболия* [Голев 2002, 2004; Ким 2006; Розенталь, Теленкова 1985], и *парасемия* [Киклевич 2008]. Многие из этих авторов одновременно используют несколько терминов как синонимы. Например, Г.В. Колшанский употребляет как синонимы и *многозначность*, и *двусмысленность*, и *двузначность* с *неоднозначностью* [Колшанский 2010], А.Н. Гвоздев в понятие омонимии включает и полисемию [Гвоздев 1965], О.А. Лаптева фактически отождествляет двусмысленность и текстовую омонимию [Лаптева 2009], а Ю.Д. Апресян – синтаксическую неоднозначность и синтаксическую омонимию [Апресян 1971]. О.Б. Пономарева разводит понятия полисемии и многозначности, считая последнее более широким понятием, выходящим за пределы лексики, но говорит при этом о многозначных словах, и отождествляет многозначность с неоднозначностью [Пономарева 2006]. М.М. Филиппова приравнивает лексическую неоднозначность к полисемии, а грамматическую двусмысленность называет синонимом грамматической омонимии [Филиппова 2007: 6–7]. Такие отождествления лишь усложняют метаязык описания феномена.

Большинство вышеупомянутых терминов обозначает близкие, но разные понятия.

Рассмотрим некоторые другие понятия, сближаемые с двусмысленностью. Например, *амфиболия* традиционно понимается как один из видов двусмысленности в стилистике и риторике, а точнее, синтаксическая двусмысленность как стилистический прием. *Эквивокация* (экивок) – логическая ошибка или уловка, построенная на двусмысленности [Богданова 2001: 35; Комлев 2006; Халперн 2000; Реña 1982]. Данному термину, используемому в сфере риторической софистики или логики, свойственна отрицательная коннотация. Близким к эквивокации понятием является **malentendu** – или ослышка, недопонимание (некоторые исследователи называют ее дискурсивной двусмысленностью [Berthoud 1987]). Эквивокация характеризуется намеренностью использования и опирается на многозначность лексических единиц. Таким образом, эквивокация, или экивок, – это сугубо утилитарное использование двусмысленности для манипуляционного достижения определенных целей.

Что касается *неопределенности*, то этот термин малочастотен в отечественной лингвистике. Иногда говорят о диффузном, неопределенном употреблении слов в речи [Апресян 1971; Кронгауз 2005; Шмелев 1977]. В отличие от двусмысленности, неопределенность не имеет нескольких ясно различаемых смыслов [Gomez Rodriguez 2001: 273; Lakoff 1970; Sennet 2011]. Например, указание в кулинарной книге на то, что духовка должна быть горячей, недостаточно информативно, т.к. необходимо указание конкретной температуры. Выражения являются неопределенными, если их денотаты не имеют четко очерченных границ («Expressions are vague if the regions they denote do not have perfectly well-defined boundaries

[Wasow et al. 2005: 266]. В англоязычной научной литературе различие двусмысленности (ambiguity) и неопределенности (vagueness) достаточно строгое и имеет давнюю традицию, особенно в когнитивистике [Lakoff 1970; Dunbar 2001; Kennedy 2009; Tuggy 2006; Zhang 1998; Rooij van 2011 и др.].

Неопределенность обладает культуроспецифичностью. Например, для русского человека «ночь» – это отрезок времени приблизительно от полуночи до 6 утра, для большинства европейцев «ночь» длится с 9-10 вечера до часу-двух следующих суток. Словарное же значение остается при этом примерно одинаковым. Неопределенность иногда может быть социально приемлемым способом трактовки какой-либо неприятной ситуации – обычно неопределенными являются такие прилагательные как *хороший, милый, небольшой*, например: *Это хорошая книга* (интересная? полезная? лёгкая для чтения? неплохая по сравнению с другими?). Для порождения двусмысленности необходим такой контекст, в котором бы реализовывалась подобная неопределенность. Например, в следующем диалоге из чата первая фраза не содержит информации о намеренности или ненамеренности действия. Мы понимаем ее, не осуществляя выбор, т.к. для коммуникации в данном случае это неважно, но дальнейшее развитие диалога говорит нам о развитии двусмысленности на основе этой неопределенности:

HELBOOF: а вот у меня соседи с утра пораньше Паваротти слушают...)
NOSFIRATYS: helboof, хороший дом, если в одном подъезде рядом оказались люди которые слушают Паваротти и люди, которые на слух определили исполнителя
HELBOOF: nosfiratys, честно скажу, я не знаю, определили ли соседи Паваротти на слух, но они явно его слушают, ну если на работу не успели еще убежать)))
NOSFIRATYS: helboof, тьфу ты :D (bashorg.ru.2007).

Следующий заголовок иллюстрирует неопределенность объекта, которому вредит курение: *Курение и беременность: вы рискуете жизнью!* Лид: *Курение и дети – абсолютно несовместимые вещи* (Здоровье. Лучшее в медицине. 2011. №11). После прочтения заголовка остается неясным, чьей именно жизнью вы рискуете: своей или будущего ребенка.

Неопределенность, как правило, присуща лексическим и грамматическим значениям, причем является их постоянной характеристикой (высокий – это какой высоты?), тогда как двусмысленность – явление речи и в большинстве случаев снимается трансформацией контекста. Но в большинстве случаев нам это и не важно, т.к. необходимую информацию может дать контекст. Двусмысленность может возникнуть в тех случаях, когда внимание намеренно привлекается к неопределенности значения слова:

Seele: Я медленно снимаю чулки.

fLAy: с бельевой веревки?

Seele: Зараза

Seele: С головы грабителя, мля (bash.im. 2010).

Хотя Д. Герэртс утверждает, что результаты логических тестов по определению неопределенности нередко противоречивы [Geeraerts 1993], и следовательно, различие двусмысленности и неопределенности не всегда возможно, все же в большинстве случаев их градация не представляет особой сложности. Как правило, неопределенность не может быть удалена с помощью некоторых системных процедур, которые используются в случае разрешения двусмысленности: перефразировка, изменение порядка слов, подбор синонимов или перевод на иностранный язык и т.д.

Неопределенность можно разграничить с двусмысленностью, опираясь на следующие факторы:

1) двусмысленное высказывание всегда имеет несколько дискретных значений, неопределенность недискретна. Ср. «...для понимания таких фраз слушающий, вообще говоря, не обязан производить выбор» [Зализняк 2003];

2) эти значения постоянны, т.е. существуют для большинства носителей языка, неопределенность индивидуальна;

3) двусмысленность – понятие, связанное со смыслом, а не с обозначением, как неопределенность;

4) В большинстве случаев двусмысленность опирается на омонимию, неопределенность – никогда [Fuch 2009].

Таким образом, двусмысленность может возникнуть при стечении неопределенности и недостаточности контекста.

Синкретизм и двусмысленность являются близкими, но не тождественными понятиями. Под синкретизмом мы понимаем недифференцированность формальных средств языка, которая объясняется существованием физиологического синкретизма и имеет два подвида: семантический и морфологический. Семантический синкретизм – это «семантическая нерасчлененность лексической единицы – слова (сочетания слов)» [Черепанова 2007: 692], или, по-другому, изначальная диффузность значения, свойственная языкам на ранней стадии развития, которая, как правило, создает трудности для выделения отдельных значений. Выделяются следующие характеристики, конституирующие синкреты: «отсутствие семантической деривации, семантическая сопряженность, актуализация собственных категорий, обусловленность ситуативным контекстом» [Гуреева 2007]. Ю.Д. Апресян, говоря о значениях с «включительно-дизъюнктивной организацией семантических составляющих», по сути, описывает синкретичные лексемы: *заря* – ‘яркое освещение горизонта перед восходом или заходом солнца’, *обжечь* – ‘каузировать травму горячим или едким’ [Апресян 1971].

М.В. Пименова определяет синкретизм как «способность языковой единицы недискретно выражать более одного значения в одном речевом употреблении» [Пименова 2010: 83]. При таком толковании синкретизм и полисемия оказываются близкими понятиями. Их отличие заключается в том, что полисемия оперирует дискретными, т.е. отдельными значениями языковой единицы, в то время как синкретичное слово содержит вариативность внутри своего значения. С течением времени синкреты могут переходить в полисеманты. Например, в древнерусском языке существовали особые именованья для брата матери или брата отца, в настоящее время оба этих значения аккумулировались в единственном слове «дядя». Анализ М.А. Кронгаузом вопроса «Это новая книга?», в котором слово «новая» одновременно соответствует нескольким словарным значениям, приводит к трактовке данного случая как синкретичного выражения нескольких значений многозначного слова [Кронгауз 2005: 124]. Но то, что в данном случае не важно, в каком из значений употреблено прилагательное «новый», не значит, что его значение недискретно. Это полисемия, потенциально готовая породить двусмысленность. При наличии ответной реплики сразу бы стало понятно, реализовалась ли эта потенция в двусмысленность или нет.

М.В. Пименова отмечает также, что «в синхронии проблема семантического синкретизма остается абсолютно неразработанной и даже в полной мере не поставленной в связи с априорным представлением о дискретности значений» [Пименова 2010: 83]. Этим можно объяснить сложность разграничения двусмысленности и семантического синкретизма. Двусмысленность близка семасиологическому типу семантического синкретизма, но, с другой стороны, между ними есть достаточно глубокое различие: семантический синкретизм проявляется на уровне слов и не ставит реципиента перед выбором какого-либо значения, в то время как двусмысленность характеризует уровень высказывания и предлагает два или более самостоятельных смыслов у высказывания или его части. Таким образом, можно говорить о том, что семантический синкретизм является одним из инструментов для создания двусмысленности. Например: – *Эксперимент доказал, что борода отпугивает противоположный пол. – Точно! я боюсь девок с бородой, отпугиваюсь!* (bash.org.ru). В исходной фразе под противоположным полом имеется в виду женский, но понятие «противоположный пол» включает в себя как женский, так и мужской, что используется интерпретатором для создания шутки.

Иногда двусмысленность соотносят с таким понятием как *намек* (подтекст). Их сближает градуальность (в противопоставление бинарности) оппозиции «тривиальность-нетривиальность» [Кобозева, Лауфер 1988], «двусмысленность-не-двусмысленность». Двусмысленность имеет сходство с истинным намеком [Баранов 2006] в том, что непонимание обоих этих явлений «не приводит к явной коммуникативной неудаче – текст не теряет

осмысленность и семантическую связность» [Там же]. К коммуникативной неудаче может привести как раз понимание, если оно не соответствует интенциональному, второго плана высказывания, а в случае двусмысленности – понимание второго/альтернативного смысла как основного.

Но между данными понятиями есть и различия. Во-первых, намек всегда имплицитен и субъективен, тогда как один или два из нескольких смыслов двусмысленного высказывания могут быть как имплицитными, так эксплицитными и, как правило, определяются более или менее успешно большинством носителей языка. Двусмысленные высказывания имеют несколько альтернативных смыслов, при этом в большинстве случаев ни один из них не может быть признан главным. При этом даже комментарии автора не снимают двусмысленности (обычно как раз наоборот) – высказывание продолжает быть двусмысленным. Во-вторых, намек заставляет слушающего подозревать наличие определенного дополнительного смысла, а реципиент двусмысленного высказывания либо видит все смыслы, либо видит один из возможных, не подозревая о других. Третье, фундаментальное отличие намека от двусмысленности в том, что намек всегда интенционален, а двусмысленность может быть случайной.

Многозначность и двусмысленность мы разграничиваем следующим образом: многозначность, или полисемия (мы считаем их полными синонимами) – это наличие у слова разных значений в системе языка, т.е. потенциальная возможность употребляться в разных значениях, а двусмысленность – реализация этой возможности (наряду с несколькими другими) в определенном контексте, порождающая возможность нескольких интерпретаций одного высказывания.

Существует множество точек зрения на роль полисемии в возникновении двусмысленности, от одного из способов [Зотов 2000; Ferraz 1993; L'ambigüité et la paraphrase 1987; Radelli 2001] вплоть до основного средства ее создания. Например, Д. Лакофф считает полисемию подтипом лексической двусмысленности, противопоставленную омонимии [Lakoff 2006: 106]. Иногда двусмысленность и полисемию различают как феномены собственной языковой и дискурсивной [L'ambigüité et la paraphrase 1987: 51] или двусмысленность внутреннюю (языковую) и речевую [Attardo 1996: 134].

Несомненно, полисемия является наиболее частотной причиной возникновения двусмысленности (585 случаев из 1200). Например: *Мага окружили враги. Он выбросил руки вперед. Они с глухим звуком упали на землю.* Амфиболическое совмещение в местоимении *они* двух возможных денотатов (*враги/руки*) актуализирует второе значение многозначного глагола *выбросил*, что запускает двусмысленное прочтение фразы. Контекст утрачивает свою разрешающую функцию. Сходным образом «работает» и грамматическая полисемия: *О*

предвыборной борьбе Жака Ширака и его дочери Марины (Комсомольская правда. 2005) – союз «и» может как объединять, так и противопоставить.

Омонимией называется «звуковое совпадение двух или нескольких языковых единиц, различных по значению» [Розенталь, Теленкова 1985: 176; Beth, Marpeau 2005: 35]. Иногда ее разделяют на лексическую (омонимы), грамматическую (омоформы), графическую (омографы) (Р.А. Будагов, Л.А. Булаховский, Н.П. Колесников, А.А. Реформатский) и синтаксическую, или омонимию структур [Апресян 1971; Данеш 1964; Розенталь, Теленкова 1985: 176].

Как и полисемия, омонимия и в узком значении (формальное совпадение нескольких лексических единиц), и в широком значении является одним из механизмов порождения двусмысленности. Причем широкое значение омонимии (как формальное совпадение любых языковых единиц как на фонетическом и лексическом, так и на синтаксическом уровне) в какой-то мере приближается к понятию двусмысленности и даже могло бы считаться ее синонимом, если бы не различие в сфере бытования: омонимия – явление языка, двусмысленность же – явление речи: не всякая омонимия создает двусмысленность, так как контекст может быть достаточным для ее полного разрешения, например: *эмалировка (процесс) тазов закончилась успешно; эмалировка (признак) тазов оказалась прочной*. Здесь синтаксическая омонимия «объект–действие» не создает никакой двусмысленности.

При этом вопрос о четком разграничении полисемии и омонимии, в частности, реализаций полифункционального слова и лексических омонимов, до сих пор удовлетворительно не решен. Но для нашего исследования такое различие не является строго обязательным, так как «...контекстуальный анализ показывает, что речевые условия функционирования омонимов и полисемичных слов не отличаются друг от друга и, следовательно, в речи различия между лексической омонимией и полисемией не проявляются» [Цыпышева 1967: 65]. И омонимы и полисеманты, как правило, используются примерно одинаково для создания двусмысленности и образования стилистических приемов, а «противопоставление, не обнаруживаемое носителями языка, не является противопоставлением» [Арсеньева, Строева, Хазанович 1966: 5]; «Разграничение разных значений полисемантов и омонимов, без которого не может обойтись любое описание лексико-семантической системы языка, не релевантно для функционирования лексического компонента речевой организации человека (Залевская, 1990)» [Крисанова 2003: 7]. Согласимся с тем, что полисемия и омонимия являются относительно однородным семантическим явлением, «суть которого заключается в том, что одна и та же языковая форма вмещает в себя неидентичные значения независимо от того, связаны ли они между собой какими-либо отношениями». Б.А. Плотников предлагал называть это явление неоднозначностью [Плотников 1984, цит. по Яковлюк 2009: 299].

Избирая, вслед за А.В. Бондарко, «подход, основанный на дихотомии собственно языкового и мыслительного (смыслового) аспектов семантического содержания» [Бондарко 1998: 52], мы относим двусмысленность к области *смысла*, а не *значения*, где смысл «то значение, которое слово или словосочетание получает в конкретной речевой ситуации <...> значение внеконтекстно, не интерактивно и статично; смысл <...> контекстуально обусловлен, интерактивен и динамичен» [Леонтович 2011: 138]. Итак, многозначность, или полисемия, относится к явлениям языка, основана на парадигматике, и характеризует отдельные языковые единицы на морфемном и лексическом уровне, в то время как двусмысленность – явление речевое, основанное на синтагматике, и присуще высказываниям. Многозначность связана с системно заданными потенциальными элементами содержания, двусмысленность ситуативна и окказиональна.

Полагаем, что неоднозначной может быть синтаксическая форма как модель, схема (без учета лексического содержания), в то время как двусмысленной она может стать, будучи наполненной конкретной лексикой, которая в совокупности с неоднозначной конструкцией порождает возможность двоякого понимания в процессе речи. Характерным в этом смысле является высказывание А.А. Зализняк: «Под неоднозначностью языкового выражения или речевого произведения (текста) понимают наличие у него одновременно нескольких различных **смыслов** (выделено нами. – М.Ю.)» [Зализняк 2003] – где в одном определении очевидно смешаны такие понятия, как многозначность (значение языкового выражения) и двусмысленность (смысл речевого произведения). Поскольку смысл всегда шире значения, трудно согласиться с позицией Анны Андреевны, полагающей, что термин многозначность охватывает как сферу полисемии, так и сферу неоднозначности. С одной стороны, использование такого понятия в качестве термина кажется вполне оправданным и отражающим суть феномена в большей степени, чем другие, встречающиеся в научной литературе, и в отсутствие термина «двусмысленность» было бы использовано нами в работе, но, с другой стороны, у него есть свои недостатки.

Именно поэтому мы считаем неудачными наименования «многозначность» и «неоднозначность» для именования исследуемого феномена. Кроме того, понятие неоднозначности само «неоднозначно», т.к. его можно использовать в двух значениях: как явление языковое, а не речевое, связанное с категорией значения, т.е. как возможный источник двусмысленности [Апресян 1974; Кобозева 2007], в другом случае его соотносят с категорией значимости и располагают его в смысловом семантическом поле ближе к понятию амбивалентности, т.е. наличию вариаций отношения (неоднозначности отношения к чему-либо). Например, в работе «Речевые возможности текстовой омонимии» О.А. Лаптева использует выражение «неоднозначность смысла», которое не полностью покрывает

семантическое поле исследуемого нами понятия, в то время как «двусмысленность» не только полностью отражает предмет нашего исследования, но и является более кратким.

Таким образом, неоднозначность можно признать избыточным для нашего исследования понятием, которое, по-видимому, может быть использовано как родовое для понятий омонимии и полисемии.

В европейском языкознании рассматриваемое нами явление в основном называется *ambiguity* (в англ.; *ambigüedad* в исп.; *ambigüité* во фр.). Во многих переводных словарях оно и переводится как *двусмысленность*, например, в [Словник... 1996: 22]. В русско-английском словаре под ред. Н.А. Королева двусмысленность переводится на английский язык в первую очередь как «ambiguity», второе значение (непристойность) передается как «*innuendo, double entendre*» [Королев: http://slovarus.info/eng_k.php].

Неукорененность слова «двусмысленность» как термина объясняется его общеупотребительностью и внешней «нетерминологичностью». О распространенности подобного отношения пишет М.М. Филиппова в «Обзоре некоторых понятий, существующих в английском языке для отражения косвенных смыслов»: «...многие существенные <...> понятия просто не обсуждаются, потому что соответствующие им слова иногда не воспринимаются как термины, они выглядят как относящиеся к повседневной лексике, обыденному общению, не имеют статуса термина и поэтому отсутствуют в словарях по соответствующим дисциплинам» [Филиппова 2007: 4]. Частное значение «нескромный намек», «сальность» придает термину «двусмысленность» нежелательные коннотации, усложняя процесс его введения в научный узус. Наличие данной коннотации и у европейских терминов, обозначающих двусмысленность, свидетельствует как об одинаковой семантической структуре русского и европейских терминов, так и о том, что нежелательные коннотации общеупотребительного слова не являются помехой для введения термина в научный узус.

Обратимся к анализу внутренней формы термина «двусмысленность»: само слово *ambiguity* говорит о двойственности. Рассмотрим его дериваты: *ambiguo* (исп.) как грамматическое свойство существительного в испанском языке, обозначающее его общий род. Амбивалентность – *ambivalent* (англ.) – двойственность, противоречивость; *ambilateral* (исп.) – двусторонний, *ambilingual* (англ.) – одинаково владеющий двумя языками и т.д.

Такое сходство слов и их значений может, предположительно, говорить о калькировании русского *двусмысленность* с европейских *ambiguity* (англ), *ambiguite* (фр.), *ambigüedad* (исп.), имеющих практически идентичные значения. При этом на замечания, что данный термин предполагает наличие всего двух значений [Ильясова, Амири 2009: 261; Гребенкина 2001; 12], можем предложить опыт европейских лингвистов, не считающих наличие рассмотренной выше морфемы «ambi» ограничением. Оперировав данным термином, следует отвлечься от внутренней

формы слова и взять за исходное положение, что возможных смыслов высказывания может быть более двух.

При наличии в языке адекватного перевода какого-либо термина не стоит использовать его иноязычный эквивалент. Так, мы отвергли термин *амбигуэнтность* [Гребенкина 2001; Мартынова 2003] и *парасемия* [Киклевич 2008: 43].

Здесь же отметим, что двусмысленность – свойство речевого высказывания, а не восприятия. Последнее может быть амбивалентным, но не двусмысленным. Амбивалентность, которую часто не отличают от двусмысленности, называет особенности отношения к чему-либо, «неоднозначность, неопределенность отношения», т.е. характеризует не свойство текста, а отношение к какому-либо объекту.

Таким образом, несмотря на указанные недостатки, двусмысленность, с нашей точки зрения, является наиболее адекватным термином для обозначения наличия множества интерпретаций, так как, во-первых, он наиболее точно соответствует европейскому понятию *ambiguity*, обозначающему то же явление; во-вторых, через внутреннюю форму он связан с понятием «смысла», а не «значения»; и, наконец, более употребителен в русскоязычной литературе, чем остальные варианты.

1.3. Основные классификации двусмысленных выражений

В научной литературе имеется несколько классификаций двусмысленности по разным основаниям. Рассмотрим наиболее известные.

I. Классификация по истокам порождения двусмысленности: ее традиционно подразделяют, в первую очередь, на лексическую и синтаксическую [Зализняк 2004; Bach 1998; Bugaria 2004]. Такое деление представляется слишком общим.

Большинство же авторов, руководствуясь уровнями порождения двусмысленности, выделяет три ее разновидности: 1) лексическую: когда двусмысленность создается на основе слова, которое можно понять более чем одним способом (полисемия, омонимия или грамматическая двусмысленность); 2) структурную (или синтаксическую): когда предложение может иметь несколько возможностей синтаксического анализа; 3) семантическую: когда высказывание может иметь несколько семантических интерпретаций. [Larrauri, Monteagudo; *Ambiguity in Psycholinguistics* 1981]. Иногда к данному перечню присоединяют двусмысленность фонетическую (на омофонии) [Gutiérrez-Ordóñez 1995; www.wikilengua.org/index.php/Ambigüedad], а в структурной выделяют двусмысленность контекстуальную, или анафорическую. Отдельные исследователи называют двусмысленность, основанную на анафоре, прагматической [Thiollent 1987: 214].

Лексическая двусмысленность возникает, когда множественность смыслов высказывания обусловлена неоднозначностью одного из его элементов [Alcaráz Varo, Martínez Linares 1997: 42; The Oxford Handbook 2007: 160]. Иногда ее считают синонимом полисемии, то есть наличием нескольких значений у слова [Britton 1978: 1–7], но мы вслед за Катцем и Фодором (1963) и Катцем (1972) считаем лексическую двусмысленность одним из видов двусмысленности, явлением речи, а не языка, и, следовательно, не равнозначным понятию полисемии.

Синтаксическая двусмысленность основывается на возможности нескольких различных интерпретаций синтаксических связей между составляющими предложения. Некоторые ученые называют этот тип также грамматической двусмысленностью [Wurzel 1997]. Исследователи отмечают, что, согласно генеративизму, лишь поверхностные структуры, в отличие от глубинных, могут быть двусмысленными [Слобин, Грин 1971; Данеш 1964; Alcaráz Varo, Martínez Linares 1997]. Другие же исследователи выделяют в синтаксической двусмысленности и поверхностную, и глубинную разновидности [L'ambigüité et la paraphrase 1987; Арутюнова 1972; Sennet 2011]. О.А. Лаптева предлагает членение синтаксической двусмысленности на пространственную (позиционную) и внутреннюю (сущностную), что, в принципе, соответствует делению на поверхностную и глубинную [Лаптева 2009: 227].

Если лексическая и синтаксическая (структурная) разновидности двусмысленности определяются более или менее стандартно, то семантическую разновидность понимают и как явление, близкое к неопределенности [www.wikilengua.org/index.php/Ambigüedad], и как наличие нескольких значений у одного слова [Larrauri, Monteagudo], лексическую двусмысленность эти же авторы рассматривают как близкую синкретизму: лексическая двусмысленность обнаруживается в виде морфемы или слова, которое может относиться к нескольким грамматическим категориям. Отдельные исследователи выделяют эту разновидность в самостоятельную категорию наиболее низкого уровня: морфемную (синкретическую) двусмысленность [Wasow et al. 2005]. Адам Сэннет в словарной статье «Двусмысленность» вообще не выделяет семантическую двусмысленность, включив отдельные ее разновидности частично в лексическую и синтаксическую разновидности [Sennet 2011].

Существует и альтернативное построение дерева разновидностей двусмысленности: когда синтаксическая и семантическая двусмысленности являются разновидностями лексической. Синтаксическую лексическую двусмысленность в этом случае относят к двусмысленности категории (части речи) в отличие от структурной двусмысленности, которая ассоциирована с наличием нескольких синтаксических деревьев у предложения. Семантическую лексическую двусмысленность авторы разделяют на полисемическую и омонимическую [Lexical ambiguity resolution 1988: 5]. Авторы книги «Двусмысленность в

психолингвистике» в свою очередь выделяют двусмысленность частей речи в составе лексической двусмысленности [Ambiguity in Psycholinguistics 1981: 101].

В рамках структурной (синтаксической) двусмысленности иногда выделяют двусмысленность пунктуационную, которая, как правило, создается объединением двух предложений [Краткий толковый психолого-психиатрический... 2008; Словарь нейролингвистического... 2003].

Существует также разграничение лингвистической двусмысленности, состоящей из 4 перечисленных выше типов, и прагматической, которая определяется следующим образом: «сообщение, передаваемое выражением X является прагматически двусмысленным, когда контекст, представленный реципиенту Y может позволить этому сообщению иметь две или более интерпретаций» (un mensaje emitido por un enunciado X es pragmáticamente ambiguo cuando en un contexto dado al receptor Y puede asignarle dos o más interpretaciones) [Gutiérrez-Ordóñez 1995: 29]. Примеры данного типа двусмысленности см. <http://english.stackexchange.com/questions/100746/semantic-or-pragmatic-ambiguity/100753>. В Стэнфордской философской энциклопедии выделяется три разновидности двусмысленности: лексическая, синтаксическая и прагматическая, где в две последние входят и собственно семантические ее типы [Sennet 2011; Peters, Green 1990]. В работе “The puzzle of ambiguity” двусмысленность подразделяется на морфемную, лексическую, синтаксическую (или структурную) и скопальную (или двусмысленность группирования) [Wasow et al. 2005].

Интересно, что одна из первых типологий двусмысленности до сих пор остается актуальной, так как в ней указаны все основные виды двусмысленности, хотя и без четкого разделения на структурно-языковые уровни. Это шесть способов ложной аргументации из «Софистических опровержений» Аристотеля, где он выделял: 1) лексическую двусмысленность; 2) структурную омонимию; 3) неверную комбинацию элементов предложения; 4) неверное деление элементов; 5) неверную акцентуацию; 6) форму выражения [Аристотель 1976].

Наиболее полной и четко структурированной классификацией двусмысленности является классификация Катрин Фуш, которая выделяет следующие уровни (так у нее. – М.Ю.) двусмысленности:

- 1) фонетическую;
- 2) лексическую;
- 3) синтаксическую двусмысленность составляющих;
- 4) синтаксическую двусмысленность актантов;
- 5) семантико-логическую;
- 6) прагматическую [Fuchs 1996].

В целом мы согласны с выделенными видами двусмысленности, хотя и считаем оправданным уменьшение количества основных категорий в целях упрощения классификационной системы до трех основных типов: семантической, синтаксической и прагматической с последующим выделением подтипов.

II. Классификации по структуре двусмысленного высказывания (по расположению ключевого слова и переключателя). Данная классификация применима в основном лишь к семантическому типу двусмысленности. Ключевое слово (или коннектор) – это ключевой элемент, который делает возможным наличие нескольких смыслов, т.е. является своеобразным объединителем нескольких смыслов в одной форме. Слова, которые являются точками ветвления смысла, которые в силу своей полисемичности или омонимичности, делают все высказывание двусмысленным, некоторые исследователи называют функторами, а процесс приращения смыслов – функторизацией [Мышкина 1999; цит. по Гребенкина]. Переключатель (или шифтер) – элемент, вызывающий переход от одного смысла к другому. Различные исследователи называют эти элементы по-разному: ключевое слово – connector (S. Attardo), shifter, функтор (embrayeur (Charaudeau), connecteur (Greimas); переключатель – disjuncteur (Greimas), script-switch trigger (Raskin), désembrayer (Charaudeau), deshifter. Тем не менее, выделяемые разновидности расположения этих элементов стандартны для большинства авторов и образуют всего 3 группы:

1) Переключатель находится до ключевого слова: в данном случае двусмысленность разрешается еще до прочтения ключевого слова. Когда контекст намекает на возможность иного прочтения, мы, как правило, возвращаемся к началу и проверяем это, т.е. в данном случае мы не разрешаем двусмысленность, а как бы создаем ее, меняя местами обычную последовательность шагов. В то же время изменение порядка восприятия не исключает самой смены значений, а так как переключение значений мы относим к двусмысленности, то и подобные двусмысленные фразы также являются с нашей точки зрения двусмысленными. Например: *Среднестатистический студент – это Змей Горыныч наоборот: голова одна, а хвостов три* (Комок. 2005. № 7) – подчеркнут шифтер (переключатель), который переключает значение следующего после него коннектора (ключевого слова) – многозначного слова «хвост».

2) Переключатель находится после ключевого слова. Так называемый классический тип обманутого ожидания, когда дойдя до слова-переключателя мы вынуждены вернуться и прочесть фразу или ее часть заново и с новым пониманием. Например: *Виталий Мутко и футболисты. Министр спорта РФ и сборная России удивляла своими выступлениями. Особенно по-английски* (Комсомольская правда. 2010-2011. № 52).

3) Переключатель совпадает с ключевым словом или отсутствует. Эту разновидность можно назвать неполнокомплектной или дефектной, так как она встречается немного реже, чем

остальные, хотя и нельзя сказать, что такие примеры неестественны или плохи. Например: *Олимпийская чемпионка Яна Батыршина и ее красивая любовь* (АиФ. 2004. №38) – здесь коннектор отсутствует.

На основании анализа фактического материала мы разделили третий тип на два самостоятельных: неполнокомплектный, т.к. он характеризуется наличием лишь одного элемента из двух, и совпадающий, когда переключатель совпадает с ключевым словом. Формально он также является неполнокомплектным, но отличается от предыдущего типа тем, что у него шифтер, хоть и совпадает с коннектором, находится в самой фразе, а не вне ее, в широком контексте. Например: *Кремль сплавляет олигархов* (Заголовок ст. о том, что «стальные короли» готовы объединиться в металлургический «колхоз») (Аргументы недели. 2009. №3) – неполнокомплектный тип. Он свойствен, в первую очередь, заголовкам, т.к. в этом случае двусмысленность нередко является «разорванной», т.е. коннектор находится в другой части заголовочного комплекса. К совпадающему же типу относятся двусмысленные контексты с маркированным ключевым словом (шифтером), т.к. в этом случае маркер и выполняет функцию коннектора, например: *Экспертов якобы “очной” судебно-психиатрической экспертизы “больные”, с которыми я встречался, утверждают: в глаза не видели!* (Завтра. 2006. №48).

III. Классификации по прагматической мотивированности: они характеризуют двусмысленность с точки зрения ее прагматической мотивированности. Прежде всего двусмысленность разделяют на случайную/непреднамеренную и намеренную [Бобровская 2007; Ким 2006; Киклевич 2008; Benítez Soto 2003; Larrauri, Monteagudo. www.realiter.net]. Намеренной двусмысленностью считается та, где контекст создан специально, чтобы не разрешать двусмысленность (или делать это с запозданием), а случайная – где разрешающая функция контекста утеряна случайно [Peña 1982]. О намеренности или случайности порождения двусмысленности мы можем судить, опираясь на такие показатели, как уместность двусмысленности в тех или иных сферах и жанрах, произведенный ею эффект, а также используя индивидуальный багаж знаний, в том числе и экстралингвистических, и языковое чутье.

IV. Классификации по функциям. А.А. Зализняк различает **поэтическую** и **бытовую** неоднозначность (двусмысленность) [Зализняк 2003] с тем различием, что у первой оба смысла равноценны, а у второй одно понимание правильное, а второе – неправильное. Этому же автору принадлежит практически идентичное вышеописанному разделение двусмысленности на **каламбурную** и **некаламбурную**, по сути, сводя неоднозначность к полисемии. Примеры разграничиваются по 1) смысловой дистанции между смыслами и соотношению между ними («склеивание», «сплав», «мерцание»); 2) по функции (примеры развлекательные, как правило,

относятся к каламбурной разновидности, из поэтической речи – к некаламбурной). Мнение о том, что каламбур сталкивает и противопоставляет значения, а некаламбурное совмещение значений их объединяет, не имеет под собой достаточных оснований, так как и во втором случае значения противопоставляются, реализуясь с помощью подходящего контекста одновременно. Под склеиванием А.А. Зализняк понимает «объединение в одном слове (в пределах одного высказывания) двух отчетливо различных, но при этом не взаимоисключающих его пониманий, не создающее никакого специального эффекта: “неоднозначность” в таких случаях обнаруживает лишь лингвист, поставивший перед собой задачу идентификации словарного значения» [Зализняк 2006: 26], а говорящий и слушающий этого «склеивания» не замечают. Приведенные ею примеры скорее опровергают подобный подход, т.к. в строчке из М.Ю. Лермонтова «**Пустое сердце** бьется ровно, / В руке не дрогнул пистолет» очевидно намеренное совмещение двух значений, создающее поэтический эффект. Следующая разновидность – «сплав» – когда два «отчетливо различных значения как бы соединяются в одно; при этом ощущение их разности тоже сохраняется, и именно на этом основан эффект: разные вещи предстают как одна <...>, и из этого соединения возникает новый, третий смысл». Третье же, «мерцание» – «когда два или более различных значения присутствуют в слове одновременно, что создает эффект “мерцания” (т.е. как бы попеременно обнаруживает себя то одно, то другое значение» [Зализняк 2006: 30], на наш взгляд повторяет предыдущие две разновидности, т.к. во всех них в слове одновременно присутствует несколько значений. Отдельным типом представлен, по Т.М. Николаевой, «принцип тернарной семантики» [цит. по Зализняк 2004], т.е. употребление в одном контексте одного и того же слова вначале в одном, а затем в другом значении (то, что мы называем антанаклазой).

О.С. Гребенкина разграничивает все «многозначные высказывания» на оппозицию «**комическое – серьезное**», то есть механизмы создания двусмысленности могут как описывать реальную двусмысленную ситуацию, так и моделировать ее лишь в дискурсивной плоскости.

О.Б. Пономарева выделяет помимо **поэтической**, еще две разновидности двусмысленности согласно выполняемым ей функциям: **когнитивную** и **коммуникативную**. А основными стилистическими средствами создания поэтической неоднозначности она считает метафоры, аллюзии, игру слов (каламбур), актуализацию внутренней структуры слова. Источником неоднозначности поэтического текста может быть совмещение значений отдельных слов, словосочетаний и различных планов описания всего текста: «Совмещения значений могут быть самыми разнообразными в том или ином поэтическом тексте, нарушая “норму” употребления многозначных слов лишь в одном значении в определенном контексте, создавая эффект обманутого ожидания и реализуя авторские интенции, авторский эстетический код» [Пономарева 2006: 216].

V. Классификации по особенностям разрешения: выделяется две основные разновидности двусмысленности: полная (абсолютная, истинная) и частичная (относительная, ложная).

Опираясь на теорию линейного, последовательного восприятия речи [Frazier 1987; van Gompel 2005], мы соглашаемся с точкой зрения О.А. Лаптевой, которая пишет, что «пошаговое введение информации в физическом времени приводит к пошаговому же декодированию языкового материала, который к каждому конкретному моменту восприятия речи оказался в поле внимания реципиента» [Лаптева 2009: 12], таким образом, лишь после завершения восприятия текста реципиент корректирует свое первоначальное понимание. Лингвист выделяет следующие разновидности проявления дополнительного смысла в результате восприятия текста: 1) он выявляется полностью; 2) выявляется не полностью; 3) совсем не выявляется. В последнем случае, вероятно, имеется в виду его разрешение, так как, если дополнительный смысл не выявляется, то и двусмысленности как таковой нет [Лаптева 2009]. Говоря о «протяженности существования» рассматриваемого феномена, мы разделяем мнение О.А. Лаптевой о двух основных разновидностях двусмысленности: Ту, которая разрешается в пределах узкого или широкого контекста, мы называем **частичной** двусмысленностью, а ту, которая не снимается языковыми средствами ни сразу, ни через некоторое время – **полной** двусмысленностью (следует заметить, что релевантными в данном случае являются именно языковые средства (маркеры) разрешения двусмысленности, а не опора на экстралингвистические знания и /или интуицию реципиента). Те же разновидности Н.Н. Перцова называет **дизъюнктивной** (взаимоисключающей) и **конъюнктивной** (предполагающей одновременное наличие двух прочтений) [Перцова 1988]. В случае полной двусмысленности к коммуникативной неудаче может привести понимание второго/альтернативного смысла как основного.

Таким образом, разрешение двусмысленности может осуществляться как не сразу, требуя довольно обширного контекста, (например, в произведении В. Пелевина «Ника» лишь в последнем абзаце рассказа становится понятно, что Ника – это кошка), так и практически мгновенно: *Иногда дарят гвоздики. Необычным способом: сначала проведя этим гвоздиком по автомобилю, а потом засовывают его в колесо* (Комсомольская правда. 2010. № 52). И.А.Секерина в своём обзоре американских синтаксических теорий с точки зрения психолингвистики также пишет о «глобально многозначных» предложениях и о «временно многозначных» [Секерина 1996: 101].

Примеры, когда люди воспринимают два разных смысла одного и того же высказывания (причем каждый видит лишь один смысл), мы считаем частным случаем частичной двусмысленности. Такие случаи А. Киклевич называет **сукцессивной** двусмысленностью в

противоположность **симультанной** – «когда семантическая двуплановость характеризует понимание сообщения одним и тем же субъектом» [Киклевич 2008: 44]. Кроме того, возможно выделение такого основания для классификации двусмысленности, как **нормативность средств порождения двусмысленности**, согласно которой двусмысленность делится на 1) выраженную нормативными средствами и на 2) нарушающую языковые нормы.

VI. Классификации по степени проявленности: выделяют двусмысленность **актуализованную** (эксплицитную) и **неактуализованную** (имплицитную) и **реализованную** и **нереализованную** [Ким 2006]. Реализованной называется двусмысленность, которую адресат не разрешает (из-за разных причин: не заметил, не понял, не знает, какой смысл предпочесть), нереализованная двусмысленность легко разрешается адресатом так, как и задумывал говорящий.

VII. Классификации по источнику двусмысленности (свойство языковых единиц или особенность их организации) позволяет все шутки, основанные на двусмысленности, разделить (впрочем, не строго) на референциальные и вербальные (обыгрывающие смысл или форму) (см. [Бревдо 1999]), или, в иных терминах, на внутреннюю (потенциальную) и внешнюю, когда возможность нескольких интерпретаций не зависит от наличия потенциальной двусмысленности в предложении [Реña 1982; см. также Gleason 1965]. Здесь к двусмысленности может быть применена мысль З. Фрейда о разновидностях остроумия: «или сама по себе мысль, выраженная в предложении, носит черты остроумия, или остроумие кроется в способе выражения, которое мысль нашла в предложении» [Фрейд 1997: 17].

Кроме вышеперечисленных видов двусмысленности ее можно типологизировать по **«дистанции» между значениями ключевых слов или смыслами двусмысленных речевых единиц в целом**. Несмотря на то, что эта характеристика является наиболее субъективной, анализ фактического материала показал, что существует определенное различие между двусмысленными речевыми единицами в зависимости от «удаленности» альтернативных значений их ключевых слов. Ср.: *Стучаться к какой-нибудь бабке не хотелось, да и бесполезно, потому что пускающие переночевать бабки живут обычно в тех же местах, где соловьи-разбойники и кощеи, а здесь был колхоз «Мичуринский» – понятие, если вдуматься, не менее волшебное, но по-другому и без всякой надежды на ночлег в незнакомом доме* (В. Пелевин. Желтая стрела) – оттенки значения в рамках одной словарной дефиниции «Основанный на фантастическом вымысле, фантастических превращениях». Следующий пример демонстрирует бóльшее расстояние между значениями: загол. ст. *«Восьмерку» беспокоят газы. «Восьмерку» беспокоят газы / Те, что грозят экологической катастрофой* (АиФ. 2009. № 29) – в данном случае двусмысленность базируется на близких, но отдельных словарных значениях слова «газы». И наконец, образцы максимальной дистанции между

толкованиями ключевого слова/ключевых слов: *Главное ее украшение – таблички молодости, такие как «Квартира образцового содержания» или «Курящая женщина кончает раком»* (Сегодняшняя газета. 8.04.2006); – *Ты хлеб купил? – Ну как тебе сказать... – Говори как есть! – Никак, это надо пить!* (Комок. 2005. № 14).

В литературе такое разграничение встречается не так часто. Например, в отдельных источниках можно встретить шкалу, указывающую движение от омонимии к полисемии и к метафорическому значению [Lexical ambiguity resolution 1988: 7] или шкалу от незначительного нарушения предсказуемости до абсолютной двусмысленности. [Ambiguity in Psycholinguistics 1981].

1.4. Обнаружение и разрешение двусмысленности

На примере изучения полисемии и омонимии доказано, что их можно рассматривать как категории лексико-семантической системы языка и как принадлежность лексикону конкретного носителя языка [Крисанова 2003: 3]. Единицы лексического компонента речевой организации человека являются коррелятами, но не эквивалентны единицам лексико-семантической системы языка. Экстраполируя это положение на двусмысленность, можно сказать, что механизмы создания двусмысленности рассматриваются преимущественно как единицы лексико-семантической системы языка, а двусмысленность как продуцируемый ими феномен должна рассматриваться как элемент антропоцентрического речевого пространства. Соответственно, ее обнаружение и идентификация невозможны без опоры на конкретного носителя языка, в частности, без саморефлексии. Важным является положение о том, что существует «два уровня восприятия лексических единиц – спонтанный и интерпретирующий, для каждого из которых характерен свой способ обработки информации (спонтанного – безоценочное восприятие; интерпретирующего – оценка и интерпретация фактов)» [Крисанова 2003: 5]. С нашей точки зрения, такое деление характеризует восприятие не только лексических единиц, но и высказываний в целом. При этом результат зависит не только от времени обработки, но и от речевого развития конкретного индивида, что связано с возрастом, но не обусловлено им. Т.е. начитанный, с развитым лексиконом школьник способен к пониманию текста, а следовательно, и к идентификации двусмысленности больше, чем взрослый нечитающий человек с неразвитым лексиконом, занимающийся всю жизнь однообразным нетворческим трудом.

Пониманию двусмысленных фраз свойственны те же особенности, что и пониманию текста вообще: более частотные слова и конструкции воспринимаются быстрее, даже при обнаружении реципиентом обоих значений/смыслов [Simpson 1981]. Нам свойственно быстрее воспринимать привычное, или, вернее, видеть в окружающем нас мире привычное: «процесс установления смысла предложения напрямую связан со структурой общего знания о мире в

долговременной памяти» [Секерина 2002], именно поэтому индивид иногда не воспринимает «второй план», в других – сознание фиксирует некий диссонанс в контексте и пытается его разрешить перебором возможных значений ключевых слов.

Результаты психолингвистических экспериментов (проведенных указанными выше авторами), позволяющих симитировать процесс пользования индивида словом, говорят о том, что речевые единицы, воспринимаемые спонтанно, чаще всего выступают для носителей языка как однозначные. Большинство примеров с двусмысленностью, в связи с линейным характером текста, а следовательно, и его восприятия (т.к. процессы восприятия и понимания проходят параллельно), могут быть прочитаны как имеющие одно осмысление, особенно если разрешение двусмысленности осуществляется в конце текстового отрезка. «В каждом конкретном случае одна форма равна одному значению (какому – зависит от недавнего предшествующего опыта, внутреннего либо внешнего ситуативного или/и речевого контекстов)» [Крисанова 2003: 11]. Таким образом, при спонтанном восприятии, происходящем на уровне подсознания, двусмысленность не всегда идентифицируется, для ее восприятия, как правило, необходим интерпретирующий уровень обработки информации: «На уровне интерпретирующего восприятия, в отличие от спонтанного, языковые факты подвергаются сознательной оценке, под которой следует понимать любую классифицирующую деятельность носителя языка, все, что требует осмысления» [Трофимова 1996, цит. по Крисанова 2003].

Основными маркерами двусмысленности являются семантическая, лексическая, синтаксическая несогласованность (*incongruity*) контекста, провоцирующая замедление чтения, повторное чтение. Еще одним маркером может стать наличие особых знаков препинания или, наоборот, отсутствие привычных знаков препинания (на письме) или выраженного интонационного рисунка (в устной речи). Поэтому мастерство пишущего и говорящего кроме всего прочего заключается и в том, чтобы уметь поставить себя на место читателя и избежать появления двусмысленности там, где она нежелательна, и с помощью каких-либо средств «намекнуть» на ее присутствие там, где она намеренна.

Для подтверждения наличия двусмысленности в контексте, предположительно содержащем двусмысленность, можно применить несколько способов (мы не касаемся здесь случаев, когда двусмысленность очевидна):

1. Для случаев семантической (прежде всего лексической) двусмысленности (для обнаружения коннектора, или ключевого слова, меняющего свое значение и смысл всего высказывания):

а) подбор синонимов к ключевому слову. В двусмысленном высказывании они, как правило, принадлежат разным семантическим полям;

б) в случае, если синонимы относятся к одному семантическому полю, но сомнения в отсутствии второго смысла сохраняются, следует использовать компонентный анализ, заключающийся в подробном изучении и сопоставлении (с использованием словарей и справочников) мельчайших компонентов значения «подозрительного» слова.

2. Для случаев структурной двусмысленности используется трансформационный анализ, представляющий собой поиск нескольких возможных вариантов перефразирования спорной фразы, т.к. подобные конструкции при трансформации меняют только свою форму, но не значение, например, перевод фразы в пассивную форму, отрицание, градация, инверсия: *приглашение Петра* разрешается либо как *Петр пригласил кого-то*, либо как *кто-то пригласил Петра*. При таком анализе лексемы меняют только грамматическую форму [Горбачевский 2011].

3. Для случаев прагматической двусмысленности используется метод моделирования ситуации, изображенной в анализируемом высказывании, и сравнения его с речевой реальностью. Как правило, если коммуникативный опыт интерпретанта расходится с моделируемым, то контекст может содержать двусмысленность.

Простейшими способами разрешения двусмысленности могут стать на письме: изменение порядка слов в предложении или расстановка необходимых знаков препинания, а в устной речи – тщательное интонирование. Для всех вышеуказанных типов двусмысленности действенной может быть попытка перевода предположительно двусмысленной фразы на иностранный язык.

Разрешением двусмысленности (resolution of ambiguity) занимается одно из направлений когнитологии – процедурная лингвистика, или компьютерная семантика, цель которой – разработка методов функционирования искусственного интеллекта, обработка семантической информации естественного языка при помощи разработки определенных алгоритмов. Способы разрешения двусмысленности исследуются в различных областях: от машинного перевода [Богуславский и др. 2005; Coll-Florit, Climent, Castellon 2007; Fuchs et al. 1993] до топонимии [Davide Buscaldi] и юриспруденции [Larrauri, Monteagudo. www.realiter.net]. Необходимо учитывать, что не все случаи двусмысленности в принципе автоматически разрешимы, т.к. требуют экстралингвистических знаний, которые невозможно извлечь непосредственно из текста [Богуславский и др. 2005]. Существует несколько основных моделей разрешения двусмысленности [Sheridan, Reingold, Daneman 2009; Lexical ambiguity resolution 1988: 273].

Важно заметить, что для человека в большинстве случаев не является двусмысленным то, что представляет собой двусмысленность для компьютера, поэтому следует различать речевую двусмысленность, существующую для человека, и полисемию и омонимию, которые затрудняют обработку текстов на естественных языках («Мой дядя самых честных правил ...»),

правил – сущ. в род. падеже или глагол прошедшего времени?). Существует даже мнение, что двусмысленность зависит от глубины анализа текста, а не от текста самого по себе [Kayser 1987: 237].

Основными автоматическими способами разрешения двусмысленности являются «контекстные» (context-dependent) и «контекстно-частотные» (an ordered-access model) теории [Bubka, Gorfein 1989; Lexical ambiguity resolution 1988: 273; Marquer 1987: 299]. Сторонники «контекстных» теорий [Glucksberg, Kreuz, Rho 1986; Schvaneveldt, Meyer, Becker 1976; Simpson 1981] считают, что выбор значения обусловлен лишь контекстом. Приверженцы «контекстно-частотной» теории считают, что, кроме имеющегося контекста, выбор значения определяется и относительной частотой употребления каждого из значений слова. Эти теории используют статистические методы, но даже самые мощные статистические системы имеют эффективность не более 75 %, что говорит о том, что пока полностью автоматизированное разрешение двусмысленности, без участия человека, невозможно.

Несмотря на то, что большинство из теорий совпадают в признании главенствующей роли контекста для разрешения двусмысленности, есть разногласия, связанные с ключевыми положениями эффекта контекста [Duffy, Kambe and Rayner 2001]. Так, модулярная или автономная модель (modular or autonomous) разрешения двусмысленности настаивает на том, что предыдущий контекст не влияет на разрешение лексической двусмысленности [Fodor 1983; Forster 1979]. Так же считают наиболее радикальные сторонники частотной теории [Hogaboam, Perfetti 1975].

Модели разрешения двусмысленности человеком, в принципе, родственны автоматическим, хотя и описывают скорее процесс, чем способ. Кроме того, они обладают более широким набором разновидностей (краткое описание основных подходов [Кибрик 2009; Sprenger-Charolles 1987: 305]). Основных моделей четыре:

1. Модель сменяющегося доступа (Reordered access model). В процессе восприятия один смысл меняется на другой [Forster, Bednall 1976; Hogaboam, Perfetti, 1975, Simpson 1981].

2. Модель выборочного доступа (Selective access model, или the Prior Decision Hypothesis). Мы выбираем одно понимание на основе его связанности с контекстом, частотностью.

3. Модель многократного доступа (Multiple access model, или The Post Decision Hypothesis) [Onifer, Swinney 1981; Seidenberg et al. 1982, 1984; Tanenhaus et al. 1979]. Мы активируем, хоть и неосознанно, все основные значения многозначного слова или конструкции (что занимает менее 200 мс.), при этом доступ к ним может осуществляться не одновременно, а затем отвергаем неподходящие в результате активного сокращения (active suppression) (2-х

ступенчатая модель разрешения двусмысленности) и выбираем либо наиболее подходящее по контексту, либо наиболее частотное. Эту модель дополняет следующая модель.

4. Теория условного удержания (the conditional retention), которая отрицает полное устранение неподходящих значений, опираясь на особенности разрешения фраз типа «садовая дорожка» (иначе как бы мы возвращались для выбора другого значения, в случае если первое выбранное не подходит?). Эта теория обладает наибольшей объяснительной силой в отношении стилистических приемов, построенных на двусмысленности. Она учитывает также разницу между активацией значений разного уровня (основного и дополнительных, контекстно-зависимых и контекстно-независимых, подходящих по смыслу и не подходящих).

Кроме соотношения значений, реализующихся в слове, успешное разрешение двусмысленности зависит также от разновидностей контекста, окружающего фрагмент. Существует мнение, что с понятиями потенции и реализации как характеристиками языка и речи связывают также понятия вероятности и частотности: язык вероятностен, речь частотна [Головин 1971]. В норме правила сочетаемости помогают нам определять, какие слова можно соединить в высказывание, а какие нет. Это касается и стилистических ограничений на сочетаемость слова. Но при условии, что контекст снимает сочетаемостные ограничения, правила сочетаемости уже не могут обусловить единственно правильное в данном случае понимание.

В книге «Разрешение лексической двусмысленности» подчеркивается важность глобального контекста для разрешения семантической двусмысленности, в то время как для остальных ее разновидностей, как правило, достаточно локального контекста. Под локальным контекстом в данном случае понимается контекст предложения, подобное разделение присутствует иногда под названиями прагматического и семантического контекстов, к которым присоединяется также нейтральный контекст [Lexical ambiguity resolution 1988: 183]. Здесь же говорится о неприменимости одной и той же модели разрешения для двусмысленностей разных уровней [Lexical ambiguity resolution 1988: 291]. Контекст также может быть лингвистическим и экстралингвистическим, причем роль контекста не только в разрешении существующей двусмысленности, но и в проявлении новых смыслов у однозначной, на первый взгляд, фразы при помещении ее в более обширный контекст [L'ambigüité et la paraphrase 1987: 19].

Обусловленность значения контекстом в значительной мере объясняется изотопией, или тождеством, сем у последовательности слов в потоке речи. Всякая связная речь, как правило, изотопна в силу обязательного грамматического плеоназма. Прием обманутого ожидания связан с аллотопией – несовместимостью родового признака семем. А двусмысленность возникает при взаимоналоженности изотопий (C'est le premier **vol** de l'aigle) [Бочкарев 2003]. Проинтерпретировав хотя бы одно из слов определенным образом, мы понимаем все остальные

слова через призму этого понимания, т.е. реализуем у них те семы, которые изотопичны семам первого слова. Лингвистический или прагматический контекст, достаточный для интерпретации той или иной единицы, называется интерпретантом, это активный контекст [Бочкарев 2003: 51]. Он является индикатором для идентификации и построения изотопии. Презумпция изотопии зависит от стратегии интерпретации, именно поэтому разные читатели по-разному могут интерпретировать один и тот же текст. Для определения изотопичности необходимо проведение компонентного анализа. В европейских языках сообщение разворачивается линейно, поэтому контекст для разрешения может быть левым или правым. Также важно прецедентное разрешение двусмысленности: если в предыдущем контексте двусмысленность разрешилась тем или иным образом, при появлении двусмысленности снова мы попытаемся разрешить ее идентично: то есть использовать имеющийся опыт и основанные на нем ожидания (на этом основывается прием обманутого ожидания).

Наличие языковой неоднозначности слова в сочетании с дифференциальными признаками (разное морфологическое окружение слова, разная сочетаемость и т.д.) особенно эффективно влияет на разрешение лексической двусмысленности, в частности, основанной на антонимии. Средством для обнаружения и разрешения двусмысленности может быть и валентность слова или сочетания слов (сочетаемость их с ближайшим словарным окружением). Кроме того, к «дезамбигуаторам» относятся «разрешение неоднозначности по ближайшему линейному контексту, фильтрация лишних связей, определение наиболее вероятных кандидатов в вершины дерева с помощью эмпирических весов, динамическое присвоение эмпирических весов элементам дерева зависимостей на ранних этапах синтаксического анализа <...> словарная информация о входном и выходном языке: синтаксические и семантические признаки слова, лексические функции и др. Частота значений неоднозначных слов имеет параллели в фигуративном языке, например, в степени устойчивости идиоматического выражения» [Simpson et al. 1988].

Разрешение некоторых видов двусмысленности зависит и от самого языка, вернее, национальной принадлежности его носителя. В случаях с разрешением двусмысленности сложноподчиненных предложений с относительными придаточными, известных также как конструкции с «ранним-поздним закрытием» (Преступник застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе), например, русско- и испаноговорящие предпочитают раннее закрытие (Застрелил служанку), а англоговорящие – позднее закрытие (застрелил актрису) [Юдина 2007; Юдина, Янович, Федорова 2007]. Хотя в целом людям свойственен выбор наиболее короткого дерева зависимостей.

Скорость разрешения лексической двусмысленности зависит не только от контекста, но и, например, от степени связанности значений слов. Если слово имеет два равнозначных

(сбалансированных) значения, с одинаковой степенью встречаемости, то все его значения проявятся одновременно [Gómez-Veiga et al. 2010: 25-47]. В этом случае контекст для разрешения двусмысленности не так важен, как в случае разноуровневых значений (что ценно в области автоматического разрешения двусмысленности). Например, если первое значение, обнаруженное реципиентом в двусмысленном предложении, менее частотное, то в большинстве случаев он обнаружит и второе, если же более частотное – то велика вероятность, что он вообще не заметит наличия двусмысленности [Marquer 1987: 301]. Таким образом, важны и тип контекста (какое значение он реализует: частотное или редкое), и тип омонима (со значениями равнозначными или иерархическими).

И.Г. Ольшанский выделяет три функции, выполняемые контекстом по отношению к многозначным словам и омонимам: «1) снятие, нейтрализация полисемии, а также разрешение омонимии; контекст выступает как идентификатор и актуализатор соответствующего ЛСВ или омонима; 2) сохранение неоднозначности, иные термины: двойная актуализация, амбивалентность, игра слов; 3) формирование новых значений и смысловых оттенков, развитие полисемии как следствие включения данного ЛСВ в новый, необычный контекст» [Ольшанский 1991: 35].

Как правило, для разрешения двусмысленности при чтении или редактировании текста достаточно использовать 1) дополнение или определение, поясняющее значение слова, приводящего к двусмысленности. Иногда это может приводить к плеонастичности высказывания, поэтому необходимо оценивать риски и того и другого отклонения; 2) выделение графическими средствами (ударение, большая буква в начале слова, кавычки и т.п.); 3) пунктуацию; 4) перефразирование (изменение конструкции высказывания); 5) изменение и/или добавление слов [<http://www.wikilengua.org/index.php/Ambigüedad>]. «Иногда двусмысленность слова устраняется остальной частью содержащего ее предложения; например, в случае, когда после ‘light’ (легкий. – М.Ю.) следует «как перо». Но иногда двусмысленность слова заражает все содержащее его предложение; таково ‘bore’ в предложении ‘Our mothers bore us’ («Наши матери родили нас» или «Наши матери надоедают нам»). В таких случаях двусмысленность устраняется либо более широкими обстоятельствами произнесения, например, некоторыми примыкающими замечаниями, касающимися рождения или занудности, либо же коммуникация терпит неудачу и требуется парафраз» [Куайн 2000].

Интерпретация двусмысленного высказывания может быть совершенно адекватной коду, но ошибочной в связи с намерениями отправителя сообщений. Именно это обстоятельство делает невозможным полное автоматическое разрешение двусмысленности. Только человек обладает на данный момент столь гибким сознанием, чтобы действовать сообразно ситуации без готового шаблона, исходя из коммуникативной ситуации, так как иногда само сообщение

может включать указание на то, каким кодом следует пользоваться. Именно это различие между "объективным" (прямым) значением слов, словосочетаний, высказываний, используемых говорящим, и «субъективным значением», имплицитным говорящим или интерпретируемым собеседником породило теорию потенциальной многозначности. Кроме того, двусмысленность может порождаться и неверной дешифровкой кода, при его полной правильности. Об этом пишет У. Эко в книге «Отсутствующая структура», приводя в пример отправителя, сообщение которого должно быть прочитано по латыни, но читается, вопреки его интенции, получателем по-итальянски. Соответственно, двусмысленность порождает не само высказывание, а его дешифровка с опорой на неверно определенный код.

Разрешение двусмысленности, кроме когнитивных ресурсов, облегчается языковыми средствами («сигналами»), такими, например, как частота и правдоподобие интерпретации языковой единицы относительно окружающего контекста, причем, какой чаще – пока не установлено. Считается, что способность к разрешению двусмысленности у разных людей зависит, в том числе, и от объема оперативной памяти. До сих пор не вполне ясно, един ли когнитивный механизм для разрешения лексической и синтаксической двусмысленности.

В идеальной модели ситуации, предполагая, что перед ним двусмысленное высказывание, реципиент должен декодировать текст и убедиться в наличии второго смысла. В реальности же, не все адресаты осознают двусмысленность высказывания, другие, осознав, не стремятся к его декодированию. В некоторых случаях происходит «ложное» декодирование – люди ищут второй смысл там, где его нет. Причиной могут быть особенности как высказывания, так и воспринимающего (различие апперцепционных баз собеседников). В итоге, в зависимости от степени закодированности, второй (и последующие) смыслы выявляются лишь частью реципиентов. Этим нередко пользуются те, кто вкладывает в сообщение дополнительный неприличный смысл – всегда можно обвинить самого реципиента в «испорченности» – «кто что хочет – то и видит». «Понимание не пассивно» (О.А. Лаптева).

Общая стратегия декодирования (понимания) языковой игры в текстах комической направленности проявляется в том, что на фоне стереотипного высказывания (скрипта 1) появляется непредсказуемый элемент (переключатель), который нарушает ожидания получателя. Реализуется противоположный/вторичный контекст – скрипт 2. Появление такого элемента, как переключатель, диктует необходимость интерпретировать предшествующий текст (скрипт 1) повторно. В результате происходит взаимодействие между двумя ассоциативными контекстами (скриптом 1 и скриптом 2), вынуждающими нас воспринимать ситуацию в двух обычно несовместимых рамках отношений. Опорами в процессе понимания являются пароли в стимуле текста и переключатели в реакции.

Этапы декодирования на основе использования теории скриптов, предложенные Т.И. Шатровой для описания механизмов понимания языковой игры [Шатрова 2006] (которая близка, но не тождественна двусмысленности), можно применить, с некоторыми модификациями, и для двусмысленных высказываний:

1. **Когнитивный этап.** Реципиент, используя собственные когнитивные знания, выбирает релевантный скрипт¹ для отображения контекста ситуации и выстраивает систему ожиданий, эмоций, связанных с описываемым событием.

2. **Лингвистический этап**, на котором получатель выявляет непредсказуемый элемент – переключатель и выстраивает с опорой на него вторичный скрипт².

3. **Этап определения вида связи** между исходным скриптом¹ и вторичным скриптом². Получатель вторично декодирует пароли стимула и устанавливает систему оппозиции между скриптом 1 и скриптом², которая в свою очередь помогает в процессе понимания двусмысленности.

4. **Прагматический этап.** Получатель выдвигает версии относительно имплицитного смысла, а также оценивает успешность и адекватность дешифровки.

Несмотря на то, что данный процесс проходит в сознании практически мгновенно, попробуем смоделировать как бы в замедленном ритме понимание одной двусмысленной речевой единицы: *Мы подумали, а что, если время стирки будете устанавливать вы, а не машина? Для стиральной машины Time manager ваше время так же ценно, как и для вас* (Журнал «Салон-Интерьер». 2006. № 11). На когнитивном этапе осмыслиется общее содержание рекламного сообщения. Предложенная стиральная машина хороша тем, что именно вы управляете временем стирки. Глагол «устанавливать» толкуется как «определять». На втором, лингвистическом этапе приходит мысль о том, что, если машина так ценит наше время, то почему не может сделать все настройки автоматически после простого нажатия на кнопку? Глагол «устанавливать» прочитывается во втором значении – «механически производить необходимые настройки». На третьем этапе происходит осознание полисемичности глагола «устанавливать» и обнаружение двусмысленности. На прагматическом этапе, после повторного чтения, читатель приходит к выводу о том, что второе понимание фразы противоречит слогану рекламируемого товара: если наше время так ценно, то в эпоху прогрессирующей роботизации мануальная настройка стирки выглядит несколько странно. Рекламное сообщение не может быть расценено как успешное.

Обобщая все операциональные процедуры, существующие для «отождествления в языке тождественного и различения различного (в частности – для различения омонимов)», И.Ф. Вардунь сводит их к трем видам приемов: 1. Дистрибуционный прием. Обращение к окружениям рассматриваемых единиц. Сходные единицы имеют сходное окружение, разные

единицы – разное окружение. 2. Трансференционный прием. Обращение к единицам более высокого ранга. Например, использование интонации при различении омонимичных предложений. 3. Трансформационный прием. Единообразная перестройка рассматриваемых единиц. Сходные единицы дают сходные результаты, разные единицы – разные результаты [Вардунь 1977: 78, цит. по Головня 2007: 12]. Подобные процедуры могут быть применены не только для различения омонимов и полисемантов, но и для обнаружения двусмысленности.

Отдельно рассматриваются особенности обработки человеком идиоматических выражений. The Idiom List Hypothesis (гипотеза хранения идиоматических значений в виде готового списка) утверждает приоритет буквального понимания над фразеологически-связанным. The Lexical Representation Hypothesis (теория лексического представления) указывает на одновременность восприятия буквального и идиоматического смысла. Уже относительно давно исследования [Gibbs 1980; Ortony et al. 1978] показали, что идиоматическое понимание происходит быстрее буквального. Впоследствии было доказано, что этот вывод справедлив, когда буквальное значение очень маловероятно или странно. На данной особенности строится двусмысленность, эксплуатирующая переходы между буквальным и фигуральным значениями, что подтверждает справедливость выводов.

В итоге можно сказать, что на данный момент нет единого общепринятого подхода к процессам обнаружения и разрешения двусмысленности, хотя намечены основные черты будущей интегральной теории: это, во-первых, признание универсальности процессов понимания для носителей того или иного языка (с учетом различий апперцепционных баз); уровневости двусмысленности и, соответственно, системы средств ее разрешения; необходимость рассмотрения в совокупности таких характеристик языковых единиц, как синтагматическое окружение и, шире, контекст с их частотностью.

Ряд процедур, используемых для выявления двусмысленности, позволяет говорить о большей или меньшей объективности и моделируемости не только процесса распознавания двусмысленности, но и основанного на нем обратного процесса её создания.

1.5. Основные методы исследования двусмысленности

В процессе исследования феномена двусмысленности естественно обращение к методам и методикам психолингвистики, как оффлайновым (опросники, анкетирование), так и онлайн-овым (т.е. в режиме реального времени). К наиболее распространенным относятся интерпретация, интроспективный метод и метод текстового анализа. Кроме того, для исследования процессов порождения и понимания двусмысленных высказываний возможно использование таких оффлайновых методик, как: 1) заканчивание предложения; 2) определение

приемлемости предложения; 3) выбор правильного ответа; 4) порождение высказываний по картинкам.

Но методы, основанные на использовании опросников и анкетировании, т.е. оффлайн-методики (№№1-4), могли бы быть использованы лишь для случаев полной двусмысленности, так как высказывания с коротким периодом разрешения двусмысленности мы интерпретируем практически мгновенно и часто неосознанно. Чем меньше время разрешения, тем оно автоматичнее. В таких случаях традиционные методы психолингвистики не эффективны, требуются более объективные методы, где субъективизм был бы сведен к минимуму и где осознание процедуры испытуемыми не могло бы повлиять на результаты:

1. Метод анализа движения глаз (eye movement method): предварительная установка этого метода такова, что время чтения двусмысленной фразы больше, чем у контрольной фразы, не имеющей нескольких смыслов [Serenio, O'Donnell, Rayner 2006], но на самом деле, с помощью этого метода получены противоречивые результаты. Метод движения глаз изучает различные аспекты как ключевых слов (омонимов, полисемантов и др.), так и контекста. В частности, такую характеристику слов, как доминирование значений, связанную с относительной частотой преобладающего значения. Выделяются два типа доминирования значений: сбалансированный (balanced), когда два значения примерно равны, и зависимый (biased), когда одно из значений доминирует. Рассматривается и контекст, который может быть нейтральным (не разрешающим двусмысленность до ключевого слова) или провоцирующим одно из значений. В данном методе в основном сравнивается время фиксации взгляда на ключевых словах, способных менять смысл высказывания, и на контрольных словах, не меняющих смысл высказывания, которые помещаются в тот же контекст. Несмотря на противоположную установку большинства исследователей, в 2009 году было экспериментально доказано, что время фиксации взгляда на ключевом слове было дольше в случае предложения с одним смыслом, чем в двусмысленном предложении, однако в зоне разрешения двусмысленности был получен обратный результат – длительная фиксация характерна для отрезка предложения, разрешающего двусмысленность [Sheridan, Reingold, Daneman 2009]. Обзор использования метода движения глаз в разрешении двусмысленности см. в [Duffy et al., 2001].

2. Метод измерения времени чтения (SPRT – self-paced reading task). Близкий предыдущему метод с той разницей, что здесь у испытуемого нет возможности вернуться к прочитанному тексту.

3. Метод вызванных потенциалов (event-evoked potentials): измерение мозговых импульсов как реакции на чтение экспериментальных фраз, в частности, изучение поведения компонента N400 (негативного пика примерно через 400 мс после начала стимула), амплитуда

которого зависит от контекста, частотности и повторяемости языковых единиц. Например, амплитуда уменьшается при высокой семантической конгруэнтности языковой единицы, т.е. ее высокой предсказуемости в данном контексте [Секерина 1996]. Соответственно, если фраза допускает хотя бы в небольшой степени наличие более одного смысла, то амплитуда N400 будет, предположительно, высокой.

При использовании любой методики исследования двусмысленности, мы сталкиваемся с практически непреодолимыми ограничениями, обусловленными сложностью исследуемого феномена. Первое из них – испытуемые не должны знать, что стимульные предложения содержат двусмысленность, чтобы не нарушать чистоту эксперимента. Осознавать, какими средствами языка мы пользуемся в речи – всего лишь вопрос тренировки, что важно для лингвиста или для любого заинтересованного в этих средствах, говорящему же это совершенно не нужно и никак не соотносится со знанием языка (как здоровый человек, как правило, понятия не имеет, что и как функционирует в его теле). Этим объясняется автоматичность речевой деятельности, отсутствие рефлексии при использовании речевых форм. Рядовой носитель языка думает скорее о том, что сказать и зачем, чем какими языковыми средствами он будет пользоваться.

Если же испытуемые знают, чего именно от них ждут, они начинают искать двусмысленность намеренно и тратят больше времени на ее поиски в однозначных предложениях. В этом случае опровергается постулат о более длительной обработке двусмысленных предложений. Если же реципиенты не отдают себе отчета в том, что среди стимульных предложений есть двусмысленные, они, как правило, их не замечают. В том случае, если задание, предложенное информантам, побуждает их вдумываться в фактический материал, то уже после первого обработанного двусмысленного предложения теряется чистота эксперимента, так как человек очень быстро обучается на аналогиях, и мы возвращаемся к проблеме намеренного поиска двусмысленностей в тексте (подробнее о сложностях исследования двусмысленности см. *Ambiguity in Psycholinguistics* 1981; Le Ny 1987]. С этим же явлением связана закономерность обнаружения читателями двусмысленностей в текстах: если двусмысленное предложение поместить в газетную рубрику, посвященную юмору, оно будет прочитано столько раз, сколько понадобится для обнаружения всех его смыслов, если же это же предложение появится безо всякого указания на его «двойное» содержание в разделе, например, новостей, оно, скорее всего, будет воспринято как однозначное.

Этим обусловлено отсутствие экспериментальных работ, охватывающих весь феномен двусмысленности. В научной литературе можно встретить фрагментарные исследования отдельных аспектов рассматриваемого понятия, в основном сосредоточенные на полисемии и омонимии. Так, с помощью вышеперечисленных методов доказана «гипотеза мгновенности»

[Just, Carpenter 1980]: контекст практически мгновенно влияет на выбор значений в случае омонимов, но не на выбор прямого/переносного значений полисеманта. Исследования по анафоре (двусмысленности, построенной на возможности нескольких референтов у одного местоимения) показали, что время фиксации на местоимении зависит от доступности антецедента, объекта, на который указывает данное местоимение. Н.Д. Голев с помощью анкетирования экспериментально доказал описанное Н.П. Колесниковым влияние пунктуации на возникновение двусмысленных высказываний [Голев, Тискова 2003; Колесников 1981].

Как видно, эти, несомненно, полезные работы «точечны», т.е., как правило, подтверждают теоретические выводы по тем или иным узким проблемам. Таким образом, можно признать самоценность теоретических изысканий в данной сфере, так как на данный момент лингвистика (и психолингвистика в том числе) лишь подходит к проблеме изучения таких сложных явлений, как двусмысленность и пока не существует возможности экспериментально продемонстрировать сам процесс обнаружения и разрешения индивидуумом двусмысленностей в текстах.

В данной работе основным методом классификации двусмысленных речевых единиц являлся квазиэксперимент – «нечто среднее между наблюдением и экспериментом: исследователь производит сбор материала, составляет выборки на основе определенных им самим параметров, не прибегая к помощи информантов» [Белоусов, Блазнова 2005: 31]. Неиспользование информантов объясняется спецификой исследуемого объекта: явная двусмысленность очевидна сама по себе, неявная – разрешается, как правило, на бессознательном уровне и столь быстро, что информант часто не в состоянии заметить процесс ее разрешения. Таким образом, лишь разрешаемая двусмысленность воспринимается говорящими как двусмысленность, в то время как истинная, полная двусмысленность для них вполне однозначна. Этим, а также обширностью материала объясняется затруднительность экспериментального исследования с помощью информантов. В связи с этим достоверность полученных данных обеспечивается проведением эксперимента на себе (т.к. индивидуальная речевая система является отражением языковой системы в целом) и обработкой обширного фактического материала с использованием отдельных статистических методов: «Весь материал, каждое употребление многократно пропускается через себя как читателя и слушателя. Так поступают все исследователи – осознанно или нет» [Лаптева 2009: 64]; «индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы, а потому исследование первой для познания второй вполне законно» [Щерба 1974].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Исследуемый феномен имеет богатую историю изучения и в наши дни интерес к нему возрос в связи с важностью роли двусмысленности в автоматической обработке естественного языка. Двусмысленность является функциональным и статистически значимым явлением.

Понятие двусмысленности присутствует во многих областях науки и как термин еще не утвердилось в лингвистике. Несмотря на это, такой термин представляется необходимым, так как он заполняет существующую терминологическую лауну. Несмотря на наличие таких факторов, как влияние внутренней формы слова на его толкование и присутствие отрицательных коннотаций, термин «двусмысленность» является наиболее адекватным для обозначения наличия множества интерпретаций, так как, во-первых, он наиболее точно соответствует европейскому понятию *ambiguity*, обозначающему то же явление; во-вторых, через внутреннюю форму он связан с понятием «смысла», а не «значения»; и, наконец, более употребителен в русскоязычной литературе, чем остальные варианты.

Амбивалентность феномена не только указывает на его сложность, но и открывает перспективы его исследования как явления двустороннего, что коррелирует с установкой неориторики: отрицательная и положительная оценка речевого явления зависит, как правило, не столько от его внутренних свойств, сколько от интенции говорящего. Именно поэтому мы, не указывая ее положительную или отрицательную роль в речи, определяем двусмысленность как наличие у высказывания или его фрагмента нескольких смыслов, проявляющихся более или менее эксплицитно одновременно или последовательно, обусловленное сочетанием механизмов создания двусмысленности с особым контекстом. Двусмысленность может как затруднять коммуникацию, так и служить достижению определенных коммуникативных целей.

Со смежными понятиями, такими как полисемия, омонимия, синкретизм и неопределенность, двусмысленность соотносится как родовое понятие с видовыми. Любое из перечисленных явлений, будучи помещенным в организованный определенным образом контекст, может создавать двусмысленность. Неоднозначность же мы считаем понятием, близким двусмысленности, но не тождественным ему, приемлемым для использования в качестве родового для полисемии и омонимии (и соответственно, видового для двусмысленности). Что касается экивокации и каламбура, то они являются скорее жанровыми образованиями со своим четко очерченным функционалом, в которых реализуются определенные механизмы, создающие двусмысленность (то есть существует частичное пересечение понятий). Нами сформулированы также критерии разграничения двусмысленности и намека.

В научной литературе существуют классификации двусмысленности по разным основаниям: классификации по истокам порождения двусмысленности; по структуре двусмысленного высказывания; по прагматической мотивированности; по функциям; по особенностям разрешения двусмысленности; по источнику двусмысленности; по степени проявленности двусмысленности и по дистанции между смыслами двусмысленных речевых единиц.

Обнаружение и разрешение двусмысленности до сих пор остается довольно субъективным процессом, так как, несмотря на использование ряда алгоритмов, оно в значительной части опирается на экстралингвистические знания реципиента. Тем не менее, двусмысленность принципиально моделируема и, несмотря на различие апперцепционных баз у разных людей, имеет сходную процедуру распознавания. Ряд процедур, используемых для выявления двусмысленности, позволяет говорить о большей или меньшей объективности и моделируемости не только процесса распознавания двусмысленности, но и обратного процесса её создания. Применение интерпретирующего подхода позволяет выявить все случаи двусмысленности в тексте, что до сих пор недоступно автоматическим системам анализа текста. Основными чертами будущей интегральной теории обнаружения и разрешения двусмысленности являются: признание универсальности процессов понимания для носителей того или иного языка (с учетом различий апперцепционных баз); уровневости двусмысленности и, соответственно, системы средств ее разрешения; необходимость рассмотрения синтагматического окружения языковых единиц и, шире, контекста с их частотностью.

Теоретически декодирование второго (и последующих смыслов) состоит из четырех этапов: 1) когнитивного этапа (реципиент, используя собственные когнитивные знания, выбирает релевантный скрипт¹ для отображения экстралингвистического контекста и выстраивает систему ожиданий, эмоций, связанных с описываемым событием); 2) лингвистического этапа (реципиент выявляет непредсказуемый элемент – переключатель и выстраивает с опорой на него вторичный скрипт²); 3) этапа определения вида связи между исходным скриптом¹ и вторичным скриптом² (реципиент вторично декодирует пароли стимула и устанавливает систему оппозиции между скриптом 1 и скриптом², которая в свою очередь помогает в процессе понимания двусмысленности); 4) прагматического этапа (реципиент выдвигает версии относительно имплицитного смысла, а также оценивает успешность и адекватность дешифровки).

Выяснено, что в основном лингвистика сосредоточена на исследовании отдельных механизмов, порождающих двусмысленность. Отсутствие работ, изучающих собственно функционирование двусмысленности в речи, объясняется сложностью феномена и относительно недавним появлением инструментов его объективного исследования.

ГЛАВА II. МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, РЕАЛИЗУЮЩИЕСЯ НА ИХ ОСНОВЕ

2.1. Механизмы порождения двусмысленности в русском языке

Двусмысленность не только затрудняет понимание, но и может служить для достижения определенных коммуникативных целей, этим обусловлена необходимость описания механизмов, порождающих двусмысленность. «Вопрос понимания речи оставался бы собственно психологическим и индивидуально-социальным и не смог бы стать предметом языковедческих штудий, если бы в языке не существовало средств создания и снятия неясностей смысла» [Лаптева 2009: 40].

Причинами, приводящими к появлению двусмысленности, могут быть как несовершенства в использовании языка его носителями, так и несовершенства, заложенные в систему языка, или и то, и другое одновременно [Ре́фа 1982: 41]. Имеет смысл, учитывая объект нашего исследования, рассматривать механизмы порождения двусмысленности не как недостатки или дефекты системы, а как нейтральные возможности, потенциалы, которые могут быть использованы и во благо, и во вред.

Под механизмами порождения двусмысленности мы понимаем языковые/речевые явления динамического характера, лежащие в основе тех или иных статичных схем, то есть моделей двусмысленности.

Важно, что, несмотря на то, что двусмысленность является ингерентным свойством всех естественных языков [Головня 2007; Малаховский 2009; Флайер 2010; Fuchs 1985; Ре́фа 1982], механизмы ее порождения в каждом языке индивидуальны, что может приводить к сложностям в переводе, особенно комических произведений, где двусмысленность является текстообразующим явлением (хотя надо отметить, что вопреки распространенному мнению, такие случаи в основном вполне переводимы, см., например [Landheer 1987: 107]). Двусмысленность по-разному проявляется в письменной и устной речи. Например, в устной речи она устраняется путем интонационного выделения ключевых слов, но при переносе речи на письмо порядок слов начинает играть решающую роль: в русском языке двусмысленность чаще встречается на письме, в то время как, например, во французском – в устной речи (где типично несоответствие грамматического разграничения и слогаделения (*Il est trop ose/ Il est trop posee*)). Для устной речи смысловозначительным является интонирование речи. Например, Эрреро пишет о роли рематизаторов в порождении двусмысленности, которая разрешается лишь манерой произнесения (*elocución*): паузами и тональной модуляцией голоса [Herrero 1995: 131].

Механизмы порождения двусмысленности могут меняться не только от языка к языку, но и в одном и том же языке с течением времени (например, в связи с изменением системы: отмиранием падежей или артиклей, изменением орфографии). Пример: совпадение слов *мир* и *мир* в одном слове после реформы орфографии русского языка 1917-1918 годов.

Работ, рассматривающих отдельные конкретные механизмы порождения двусмысленности (или их разрешения) на материале русского языка, немного [Зализняк 2006, Лаптева 2009, Литвин 2005], в отличие от других языков, например, английского (см. литературу в ст. [Драгой 2006; Зотов 2000]) или испанского [Gutierrez 2010: 128, Lim 1998; Radelli 2001], французского [Fuchs 1996; L'ambiguité et la paraphrase 1987]. Отечественные лингвисты нередко лишь адаптируют зарубежные исследования к русскому языковому материалу [Драгой 2006; Лук 1968]. Рассматривая двусмысленность, невозможно обойти вниманием «отрицательный языковой материал» [Щерба 1931], необходимость изучения которого отмечали Л.В. Щерба, А. Фрей.

Возможные механизмы создания двусмысленности описаны в [Лаптева 2007] с примерами из текстов СМИ без разделения на приемы и ошибки. Мы же рассмотрим, с использованием каких механизмов порождаются приемы, и выделим основные типы стилистически используемых механизмов двусмысленности, а также попробуем ответить на вопрос: существуют ли такие механизмы порождения двусмысленности, на основе которых не создаются приемы, а какие, наоборот, являются самыми востребованными. Мы исходим из положения, что механизмы порождения двусмысленности, особенно синтаксические, вполне исчислимы и поддаются каталогизации, поэтому их определение и описание позволит предсказать, где и когда двусмысленность может появиться [Radelli 2001].

В результате изучения научной литературы были обнаружены следующие выявленные русистами механизмы: во-первых, лексические, такие как **омонимия** (причем омонимия всех частей речи: существительных, прилагательных, глаголов и т.д., вплоть до омонимии частиц). Например, омонимия бесприставочных глаголов: *Как не пьянеть? Пропускать и закусывать*; частиц: *только в Москве зарегистрировано 5000 фирм* (в других городах намного больше или в остальных городах наоборот меньше 5000 фирм?).

Сюда же относится омонимия аббревиатур (так называемые капитонимы [Хуцишвили 2010]), когда, например, сокращение названия организации совпадает с полнозначным словом, так, в недавнем прошлом существовали такие аббревиатуры, как ОЛЯ (Отделение литературы и языка АН СССР), ИВАН (Институт востоковедения АН СССР), а сейчас встречаются АИСТ (автоматическая информационная станция), МАРС (машина автоматической регистрации и сигнализации) и др.

В русском языке словосочетания типа «решение задачи» и «кипение воды» идентичны по конструкции, но лишь первая из них обладает вариативностью значений «процесс/результат».

В нашем языке сравнительно частотна также омонимия грамматических форм одного слова: *вы пели – они пели*, омонимия категориального значения: субстантив (и управление) / атрибутив (и согласование): *в руках наших, публикация данных отчетов*, а также омонимия родительного субъектного и родительного объектного. Подробно об этом пишет А.Н. Гвоздев: «встречаются омонимы управления и согласования, обусловленные тем, что в сочетании двух слов или: 1) подчиненное слово имеет такую форму, что она может быть понята как согласованный или как управляемый член предложения; например, в словосочетании *сестра Валерия* слово *Валерия* может быть согласованным именительным падежом и в таком случае обозначает имя сестры, но может быть и управляемым родительным падежом от имени брата — *Валерий*, или 2) каждое из входящих в словосочетание слов может выступать то как подчиняющее, то как подчиненное, например: в словосочетании *родные тетки* слово *родные* может иметь значение «родственники», и в таком случае ему подчинен родительный падеж единственного числа от слова *тетка*, или же *тетки* — именительный падеж множественного числа, и тогда *родные* — согласованное с ним прилагательное. Примерами двусмысленных фраз могут быть такие: во фразе *Рабочие бригады выполнили план* подлежащим может быть *рабочие*, и в этом случае *бригады* — родительный падеж единственного числа или подлежащее — *бригады* и тогда *рабочие* — согласованное с ним определение. *Ученица Сергеева сыграла полонез* (ученица по фамилии Сергеева или ученица преподавателя Сергеева).

Сравним у Пушкина:

*Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...*

Очевидно, *смертного* имеет значение *человека*, но по грамматической форме его можно понять и как согласованное прилагательное *человеческого*» [Гвоздев 1965].

К этой же группе относятся функциональные омонимы (совпадающие по звучанию, этимологически родственные слова, относящиеся к разным частям речи): *Колхозное поле ровно* (краткое прилагательное); *Буквы написаны ровно* (наречие); *Приду ровно в пять* (частица) (из работы Е.Б. Колыхановой и Т.Г. Ширяевой). Наиболее типичными представителями омонимической разновидности являются случаи так называемой полной омонимии, такие как, например, омоформы: *К мотку кабеля прицеплена бумажка с надписью «9 жил»*. *Ниже, другим почерком «9 жив, 9 будет жить»*. Двусмысленность может создавать и омофония, или, иначе, переразложение, сдвиг: *сосна – со сна, подарку – под арку, Илья – иль я, подругу вели –*

подруг увели, приходит на ум – приходит Наум, занимаюсь сверкой – занимаюсь с Веркой, пойдём подождём – пойдём под дождем. Так как не принято обозначать ударение на письме, омографы могут стать причиной неправильного понимания текста. В английском языке существует понятие «мондегрин» (mondegreen), которое обозначает ослышки, неправильно интерпретированную двусмысленную последовательность звуков. Это явление довольно частотно: «словари приводят примеры таких шероховатостей и у классиков. У Пушкина: «Слыхали ль вы (львы) за рощей глас ночной»; «Шуми, шуми волнами, Рона (волна Мирона)» [Беззубов 1997].

Омонимы могут становиться причиной не только речевых, но и орфографических ошибок. Например, при написании слов-омофонов возможны ошибки в безударных гласных корня (*примирыял врагов – примерял костюм, свела по лестнице – свила гнездо*). Неумение различать омофоны может стать причиной нарушения даже синтаксических связей, искажающего смысл всего высказывания: *XXX: гыыыы, у нас тут объявление: "Если у вас есть знакомые, кто хотел бы сдать квартиру и не беспокоИТСЯ за ее состояние, сообщите им пожалуйста, что есть замечательная молодая пара, которая может это гарантировать."* *XXX: вот всего-то нарушили одно правило русского языка, а эффект! YYY: :))) замечательная молодая пара разнесет вашу квартиру в клочья!* (bash.im. 19.04.2012).

Следующим механизмом порождения двусмысленности в русском языке является **полисемия**. Чаще всего это, конечно, полисемия существительных, в том числе актантов фразы, например, действие-субъект действия: *Фильм произвел настоящую сенсацию – фильм был настоящей сенсацией*; состояние-причина состояния: *развлечение гостей – массовые развлечения* (некоторые мероприятия вызывают необходимый эффект, который, обладая процессуальностью, в конце концов приводит к конечному результату – гости развлечены).

К потенциальным средствам создания двусмысленности можно отнести явления, демонстрирующие неопределенность некоторых грамматических форм русского языка, например, результативное и нерезультативное общефактическое значение несовершенного вида: *Кто строил этот дом?* (строительство может быть доведено или не доведено до конца) [Падучева 2010]; перфектное и аористическое понимание формы прошедшего времени совершенного вида: *Я потерял паспорт* (возможно, впоследствии нашел). *Она играет на рояле* (сейчас или вообще?);

Таким образом, мы видим, что в русском языке совпадают глагольные формы, которые в английском языке называются present perfect и present continuous, что потенциально может являться богатым источником для языковой игры (хотя в целом **грамматическая полисемия** малочастотна при создании приемов двусмысленности): настоящее время/настоящее продолженное: *Доктор - пациенту: – Вам нужно прекратить мастурбировать. – Почему,*

доктор? – Ну во-первых, это мешает мне вас осматривать... (www.galya.ru/catd_new_page.php?id=857297); активный/пассивный залог: *Встречаются две блондинки*: – А чем сейчас занимается Машка? - **Учит** литературу! - Кошмар! Чему она может научить литературу?; – **Режет** живот, **ломит** ногу?... *Гоните его из дому!* (Комсомольская правда. 21-28.04.2005) – определенно-личное и безличное значения глагола.

Еще одним источником двусмысленности могут быть **смешивание паронимов**: *Вы уже ходили вешаться?* – здесь глагол «взвешиваться» заменен суицидальным «вешаться»; **неуместная метафоризация речи**: *Из газеты: «Скоро центр города загорится ярким пламенем. На улице Ленина установят новые фонари»*; реализация того или иного компонента значения слова-синкреты, т.е. **семантический синкретизм**: *заря* (на восходе или закате?), *доктор* (мужчина или женщина?).

К механизмам, лежащим в основе лексического типа двусмысленности относится также **коннотация**: «Если благодаря контексту и конкретной коммуникативной ситуации амплитуда смысловых колебаний сокращается и фактически может быть исчерпана основным денотативным кодом, то на уровне коннотаций колебания осуществляются в очень широком спектре» [Эко 1998: 71]. К коннотативным механизмам можно отнести и создание **подтекста**: *Маленький мальчик в зоопарке пролез в клетку со львом и протянул ему печеньку. Ну что тут сказать, мальчик хотел покормить льва – мальчик покормил льва* (Комок. №50. 2006) – в данном случае мы не видим никаких собственно языковых механизмов создания двусмысленности, ни полисемии, ни омонимии, но отчетливо понимаем, что мальчик покормил льва не печенькой, а собой.

Семантические механизмы порождения двусмысленности заключаются, например, в референтной/атрибутивной интерпретации и вообще в проблеме **референции**: то есть проблеме отнесения речевой единицы к определенному объекту. Референциальными механизмами являются дейксис и анафора (указание, как правило, с помощью местоимения, на упоминавшийся ранее объект), которые могут порождать неопределенность, а она, в свою очередь, двусмысленность.

Двусмысленность могут порождать и **синтаксические средства**, в частности **синтаксическая омонимия**, под которой понимают совпадение в синтаксической конструкции нескольких значений. Синтаксическая омонимия возникает чаще всего из-за неудачного расположения слов в предложении и ошибочной смысловой связи слов. Например, это так называемая двусмысленность присоединения: *Государство закупило несколько миллионов тонн зерна, решив тем самым проблему зерна вообще* (зерна вообще или решив вообще); предложения с относительным придаточным: *Грабитель выстрелил в служанку актрисы,*

которая стояла на балконе; дифференциация подлежащего и инфинитива-дополнения. *Сходи, купи что-нибудь (мне) почитать.*

Неправильный порядок слов также может стать причиной затруднений. Сам по себе порядок слов не столь важен для разрешения двусмысленности, важной является лишь его способность отражать синтаксические отношения между единицами языка. Возможны как несколько синтаксических структур при одном порядке слов (синтаксическая омонимия), так и один смысл в нескольких предложениях с измененным порядком слов.

К синтаксической разновидности относится **эллипсис**, или синтаксическая компрессия, когда происходит опущение высоковероятных членов предложения: *Он пьет* (спиртные напитки), *у него давление* (ненормальное), когда из словосочетания остается одно слово, которое вбирает в себя значение всего словосочетания. Этот механизм является основой «обманутого ожидания». Речевая недостаточность может порождать комический эффект: *Ввиду холода в помещении делаем только срочные переломы*. В этом объявлении явно пропущено слово «снимки». *Фермеры стремятся добиться увеличения овец в хозяйстве*. Имеется в виду увеличение поголовья овец.

Синтаксические позиции русского предложения, способные вызывать двусмысленность, подробно описаны в [Адамец 1966].

В устной речи двусмысленность часто снимается с помощью **интонационного выделения**, следовательно, отсутствие такого выделения (или неверная эмфатизация) может привести к затруднениям с интерпретацией, например, если слово с потенциальной неоднозначностью интонационно не выделено, сложно понять – негативный или позитивный смысл имеет фраза, например: «Ну ты молодец!». «Ритм и интонация прозаического текста подлинно художественного произведения самым тесным и непосредственным образом связаны со смыслом того, что изображается» [Иванчикова 2010: 28–31]. К потенциальным средствам порождения двусмысленности относятся «**логическая пауза** – значимая речевая пауза, связанная непосредственно со смыслом высказывания. С помощью *Л.П.* говорящий осуществляет, а слушатель воспринимает членение потока слов на смысловые отрезки: с их помощью слова соединяются в группы (или речевые такты) или разъединяются между собой. *Л.П.* уточняет смысл высказывания, ср. - «Встречать гостей / из столицы прибыл специальный представитель» и «Встречать гостей из столицы / прибыл специальный представитель» [Богданова 2001: 22]; «**логическое ударение** – выделение усилением голоса или повышением тона слова или словосочетания, фразы как наиболее важного смыслового элемента звучащего контекста, напр., «Дай мне эту книгу!» и «Дай мне эту книгу!» [Богданова 2001: 22]; «**люфт-пауза** или физиологическая пауза – незначительная остановка в звучащей речи для вдоха» [Богданова 2001: 22]. Неумение совмещать физиологическую паузу со значимыми видами пауз

(грамматической, логической, психологической) может порождать двусмысленность. Варианты фразового, или логического, ударения, то есть выделения наиболее важного отрезка речи голосом, также могут существенно изменить смысл всего предложения.

Таким образом, при произнесении вариативность синтаксических связей, как правило, нейтрализуется, но на письме вызываемая ею двусмысленность может затруднять восприятие текста, привнося в него дополнительный, не предусмотренный автором, смысл. Большое значение здесь имеет **пунктуация**, так как на письме она выполняет роль интонации. Отсутствие необходимого знака может кардинально поменять смысл предложения (например, в предложении из научной статьи «*партизанить – ‘летать, не пользуясь радиосвязью (,) на высоте ниже 300 м.’ (авиа)*» отсутствие второй запятой может быть расценено как ошибка или как указание на то, что именно на высоте ниже 300 метров «партизаны» не пользуются радиосвязью (в отличие от второго понимания, с запятой: летать низко, не пользуясь радиосвязью в принципе, на любой высоте)).

Порождать двусмысленность могут и неверное использование кавычек, отсутствие запятых и точек или их неверная расстановка. Именно в двусмысленных выражениях роль пунктуации становится особенно заметна. Несмотря на то, что «отсутствие знаков препинания в значительном числе случаев не приводит к коммуникативным неудачам», в некоторых случаях они могут провоцировать ошибки в понимании [Голев, Тискова 2003: 49–54], например: *Катя: у тебя есть решения по математике. Bush: спасибо, я знаю. Катя: я тебя спрашиваю? Bush: ты меня спрашиваешь?*(bash.org.ru).

Двусмысленность может порождаться также **лингвопрагматическими** причинами. Например, вариативность **иллокуции** может затруднить понимание высказывания, так как одно и то же предложение может иметь различные смыслы, будучи употребленным с разной иллокутивной функцией. «Хочешь пить?» может означать как прямой вопрос о наличии жажды, так и предложение воды. Кроме того, эта фраза может быть и завуалированной просьбой принести воды («если ты хочешь, то сходишь и принесешь заодно и для меня»). Но в целом данный феномен представляет собой пример неопределенности, которая лишь в относительно редких случаях может вызывать двусмысленность, когда контекст (в большинстве случаев экстралингвистический) не в состоянии прояснить реципиенту интенцию говорящего. Это образец того, что одно языковое значение в речи может приобретать несколько различных смыслов.

К механизмам, порождающим прагматическую двусмысленность относится также **пресуппозиция** и «игра на уровне пропозиций, которая обеспечивает комический эффект в значительной части анекдотов. Специфической особенностью данного типа текстов является то, что одно и то же описание (один и тот же текст) может соотноситься в сознании человека с

двумя пропозициями. <...> под пропозициональными подразумеваются анекдоты, в которых языковая игра реализуется на уровне пропозиций без привлечения специфических языковых средств, допускающих множественность интерпретации. Пропозициональные анекдоты далее делятся на прагмапропозициональные, которые демонстрируют языковую игру на уровне прагматических аномалий, и собственно пропозициональные, в которых одна и та же внеязыковая ситуация предполагает наличие двух пропозициональных «историй»,» [Евстафьева 2006].

Представленный выше краткий обзор механизмов порождения двусмысленности в русском языке показал их многообразие. Так как для типологизирования явления двусмысленности необходимо подняться на более высокий уровень анализа, абстрагируясь от частных случаев, нами был предпринят опыт (на основе факторного анализа – т.е. определения наиболее типичных и частотных признаков какого-либо явления) создания перечня основных механизмов порождения двусмысленности в русском языке, в том числе использующихся с неким стилистическим заданием (то есть в качестве стилистических приемов). Приведем примеры из корпуса фактического материала на каждый выделенный нами механизм:

1) Полисемия:

Лексическая полисемия: *Математики до сих пор считают, что **тонкая** шутка есть пересечение двух плоских.* (Комок. №19. 2005); *Крокодилиха-мама укладывает крокодильчонку-дочку спать и поет ей колыбельную:*

– *Ты натура утонченная, папа твой в посольстве служит **дипломатом!*** (www.yaplakal.com/forum7/topic407053.html).

Грамматическая полисемия: <x>: *Перед смертью **не накурись*** <y>: *Эммм... Накурюсь!* (bash.im. 2008) – обобщенно-личное значение совмещается с определенно-личным; *Долой телевизор! **Дашь** чемодан!* [займи ребенка делом, предложив ему чемодан с ненужными вещами] (Комок. 2006. № 48) – совмещены императивная форма и определенно-личная форма со значением будущего времени.

Контекстуальная полисемия: – *Ну и **дуб** же ты, Василий Иванович! – Да, крепок я еще, Петька!* (анекдот); *Steel Ice: в словах одной песни "пробежал по городу **олень**", мне представляется некий мужик, который бежит по проезжей части, а ему из машин орут "олень, куда бежишь?"* (bash.im. 2011); *Д. Rogozin, вице-премьер: «Не думаю, что транзит через Россию натовской туалетной бумаги является предательством Родины».*

Комм.: Случайно, не рулоном натовской туалетной бумаги один храбрый американский сержант замочил недавно 16 афганцев? (АиФ на Енисее. 2012. №12).

2) Омонимия:

Лексическая омонимия:

Полная: *А у меня бабушка моряк! Она вяжет 20 узлов в час!* (Комок. 2005. №26).

Частичная: *У парня родился ребенок. Через некоторое время его встречает приятель:*

- *Поздравляю! Как себя чувствует молодой отец?*

- *Как мокрая соль в солонке!*

- *В каком смысле...?!*

- *Не **высыпаясь!*** (www.evgbur.ru/witticism/anekdot. 2005).

Омоформия: *Любители паниковать вспомнили, что есть же еще Красноярская ГЭС, и вот уж если она упадет, то В ход пошли расчеты сроков бегства из центральных районов в места скопления деревьев и камней, а также карты затопления города с немногочисленными островками **суши**, сашими и роллов* (Рекламно-информационный журнал «ВЫБИРАЙ соблазны большого города». №21(180) 2010); *На экзамене по литературе: – Что вы можете сказать о героине? – Героин – мощная вещь. А почему вы спрашиваете?* (rikabu.ru/story/anekiboyaneki__812290).

Омография: *Взяли чапаевцы станцию. – На подъездных путях, – доложили Василию Ивановичу, – цистерна со спиртом! – Немедленно, – приказывает Чапаев, – чтоб не догадались бойцы, закрасить надпись «Спирт», и напишите формулу C2H5OH. К вечеру смотрит Василий Иванович, бойцы веселые ходят.*

– *Петька, – спрашивает он ординарца, – где вы набрались? – Иду по станции, – докладывает Петька, – вижу – цистерна. Написано «ОН». Попробовал, точно – он* (анекдот из сборника «А зачем птице деньги?» – М: «Сигма-пресс», – 1997. – 416с. (серия «Библиотека юмора») – далее по тексту просто (анекдот)); *Развлекаясь у себя в номере с проституткой, вызванной по телефону с виллы «Cosmos» (опять вранье), Степа лениво поглядывал на экран телевизора, поглаживая кудри кислотного цвета в районе своего живота. По телевизору шел фильм про инквизицию – он был на испанском языке, но в нижней части экрана бежали английские титры, что позволяло Степе понимать происходящее. Толстый монах-капуцин, которого волокли куда-то стражники в кирасах, молился: – Take this cup away from me... «Да **минет** меня чаша сия», – механически перевел Степа и вдруг обнаружил удивительное совпадение между словом, стоявшим в начале этого выражения, и делом. Значит, искусство действительно отражало жизнь!* (В. Пелевин. Числа).

Омофония: *Подумай, Степа, подумай. Картинку не трогай, а надпись подлечи. Понял, нет? Степа понял. Пришлось снова обратиться к циничному специалисту. Тот придумал новый слоган, которым заклеили старый: «Все **БАБЫ** суки!» Этот вариант Лебедкину понравился гораздо больше* (В. Пелевин. Числа) – аббревиатура БАБ (аллюзия на Бориса Абрамовича Березовского) читается так же, как полнозначное слово «бабы» (женщины); *После короткого рекламного блока анонимные итальянцы запели про ад – так, во всяком случае,*

казалось по припеву «бона **сера**, бона **сера**, сеньорита». Это было мрачновато (В. Пелевин. Числа) – итальянский глагол «быть» русскоязычным человеком воспринимается как химический элемент, традиционно ассоциирующийся с адом; *Одна мамаша говорит другой: – Ты знаешь, моему Петеньке всего 2 года, а он уже такой музыкальный, вчера с рояля упали ноты, так он мне сказал: “Мама! **Бах!**”* (Комок. 2006. № 46);

Структурная омонимия: *С форума д-ра Комаровского: Ксюха: Скажите, пожалуйста, можно ли купать 6-ти летнего ребёнка в ванной с соплями (bash.im) – получается, что купать не ребенка с соплями, а в ванной с соплями; А. Сикк. *Сопоставительный анализ русского дательного и эстонского падежей в системе семантико-синтаксического описания* (Тезисы докладов конференции по гуманитарным и естественным наукам. Русская филология. Апрель 1988. Тарту, 1988. С. 67-70) – выходит, что в русском языке есть еще и эстонский падеж; *Куришь... нельзя... бросить* (АиФ. 2009. №18).*

3) Антонимия:

Антонимия: *Яркий пример сумеречного сознания – закон о сексуальных домогательствах. Причем сам закон сконструирован в лучших иезуитских традициях: дело закрыть нельзя, даже если жена захочет снять свои обвинения. Далее возможен **легкий и приятный** развод* (Комок. 2006. № 46); *Идут двое белых полицейских по кварталу, в котором живет белое население. Видят – лежит негр, весь изрешеченный пулями. Один коп другому: – Какое жестокое **самоубийство*** (анекдот).

Контекстуальная антонимия: *В соцзащиту могут обратиться и родственники, чтобы упечь **дорогую** бабушку и освободить жилплощадь. Не скупясь, понятно, на благодарность* (Завтра. №48. 2006); *На днях журнал «Финанс» со скорбью констатировал: Роман Абрамович со своими **жалкими** 17 миллиардами долларов выбыл из тройки самых богатых россиян и стал в этом списке всего лишь пятым. <...>* (АиФ. 2011. №7).

4) Синонимия:

Контекстуальная синонимия: *... пока Америка не уберется к себе за океан, а политики Старого света не начнут принимать религию мира – ислам, дабы уберечь своих сограждан от резни. Крестоносец Буш, вон, уже побоялся поздравлять сограждан с Рождеством, Белый дом политкорректно говорил о “**празднике**”.* (Комок. №8. 2006); *Загол. ст. **На главной елке Железнодорожного района установят вагон*** (Аревера. 2009) – здесь контекстуальная синонимия (на елке – на площадке, где стоит главная елка) порождает речевую ошибку.

В примерах дейксиса, анафоры, неопределенности создается неоднозначность соотношенности с референтом, причем анафора⁹ – разновидность дейксиса: *Встретимся возле папиной работы* (из разговорной речи). У каждого из говорящих имелся папа, работающий в определенном месте, известном обоим говорящим, таким образом, каждый ушел к работе своего папы, в данном случае множественность референтов породила двусмысленность высказывания.

5) Неопределенность: *Если женщина умная, то это надолго* (Телевизор. № 46. 2006); *Утопленники поплывут через океан?* [о машинах из нового Орлеана] (Вечерний Красноярск. 2005. №24); *Людмила Георгиевна – человек состоятельный: и медведи у нее есть, и целое стадо овец да барашков, и прочая живность* (Ст. Волшебница по имени Людмила – о самодельных игрушках) – что понимается под словом «умная», каковы границы этого понятия? Что понимается под утонувшими объектами? Как оценить состоятельность?

6) Синкретизм: *Автовладельцы встанут и подмигнут*. <...> Представление назначено на 22 января. *Мигать будут в прямом смысле* (Вечерний Красноярск. №1. 2008); *Пьяница приходит в магазин и спрашивает: – Вы посуду принимаете? – Да. – Тогда возьмите восемь тарелок* (анекдот).

7) Дейксис: *Наркоман под кайфом сидит дома. Звонок в дверь. – Кто там? – Я! – Я?! Да ты гонишь!* (анекдот); *xxx: чем-то меня пугает объявление "Продадим вашу квартиру, как свою"* (bash.im. 2009).

8) Анафора: *И пусть на этих километрах ему встретятся хорошие люди, а попутный ветер поможет их преодолеть* (<http://smeshok.com>); *«Вечный холостяк» Ронни (Винс Вон) узнает, что жена лучшего друга ему изменяет* (Cosmopolitan февраль 2011); *Британские ученые утверждают: «К 2050 году нас будет десять миллиардов». Хрень какая-то... Зачем нам десять миллиардов британских ученых?* (СГ. 2010. №15. 29.04.2010).

9) Прагматическая несогласованность: *Так мы узнаем, что очень круто нарушать правила дорожного движения или гонять на большой скорости по ночному городу...* (Комок, №48, 2006); *В службу спасения эстонского города Котхла-Ярве с мая 2006 года все время звонил какой-то мальчик, молчал в трубку или произносил нечленораздельные звуки... Короче, мешал работать. Всего он сделал 667 таких звонков. И вот на днях быстрые эстонские спасатели мальчика нашли и обезвредили! Хотя это было непросто: ведь надо сперва засечь номер, потом записать его, потом пробить по базе адрес, потом сесть в машину, завести ее и поехать.... Но не прошло и года, как “террорист” был обезврежен. Потрясающая*

⁹ Анафора – подтип дейксиса, связывающего высказывание с внеязыковой действительностью. Отношение между антецедентом (смысловым источником) и анафором, служащее для указания на референта некоторого действия, представленного в высказывании. Как правило, представляет собой местоимение [Савельева 2012]

оперативность. А они еще и обижаются (Комок. 2006. №50,2006); Юрий Швыткин: *«Вызывает озабоченность и перспектива погашения задолженности по зарплате, и проблемы с трудоустройством»* (АиФ на Енисее. 2009. №15).

10) Альтернативное фонологическое членение: ... Там тоже было одно непонятное слово: «Подушу». Динка старательно припоминает всю строчку:

*Да в Москву приехав,
Вдруг он захворал,
И господь бедняге
По душе послал*

Когда Мышка прочтала эти стихи, Динка подумала, что господь послал больному бедняге такую сладкую и пышную, как подушка, булку – «*подушу*», а потом уже Лина объяснила, что это вовсе не булка, а просто господь послал за душой бедняги, чтобы тот умер (В. Осеева. Динка); <Светлаков> в плейлисте рядом находятся Вагнер – полет валькирий и Носков - паранойя, я читаю: “Вагнер – **полет носков**” (bash.im. 2005).

Все перечисленные случаи могут стать причиной неадекватной интерпретации выражения (когда интенция не соответствует эффекту), а следовательно – привести к определенной коммуникативной неудаче независимо от своей интенциональности.

Среди приведенных выше примеров были как стилистические приемы, так и речевые ошибки, теперь же обратимся к случаям только намеренной двусмысленности, которая строится на тех же механизмах, что и случайная двусмысленность, но отличается от нее функционированием. Намеренная двусмысленность используется в так называемых языковых играх [Бобровская 2007; Гридина 1996; Игра как прием ... 2010; Ким 2006; Киклевич 2008; Норман 1987; Санников 2009; Хейзинга 1997; Benítez Soto 2003; Landheer 1987; Larrauri, Monteagudo], когда говорящий либо «прячет» за буквальным значением тайный смысл, не неся за него ответственности, либо хочет развлечь собеседников. О. Дюкро называет намеренную двусмысленность «подразумеванием» («*sous-entendus*»), считает ее иллокутивным актом и требует отличать от пресуппозиции [Ducrot 1972]. Такая неоднозначность часто лежит в основе стилистических тропов (ирония и др.) [Kerbrat-Orecchioni 1986]. Рассмотрим стилистические приемы, способные создавать двусмысленность.

2.2. Понятие стилистического приема

С античных времен и до наших дней стилистические ресурсы языка изучались очень активно [Античные теории... 1936; Арутюнова 1990; Ахманова 1966, 2004; Брокгауз, Эфрон 2004; БЭС 1994; Голуб 2003, Елисеев, Полякова 2002; Ефремова 2000; Копнина 2009; Клюев 2001; Матвеева 2003; Москвин 2007; Пекарская 2002; Розенталь, Теленкова 1985; Филиппов,

Романова 2002; Хазагеров, Ширина 1999; Хазагеров 2009; Ярцева 1990 и т.д.]. Но нередко эти работы противоречат друг другу, возникает разнобой в определениях приемов, разграничении их функций [об этом см.: Зарецкая 1998; Клюев 2001; Кузнецова 2003, 2005; Культура... 2003; Кожевникова 2005; Копнина 2000, 2005; Москвин 2002; Сковородников 2002, 2004 и т.д.]. На сегодняшний день одной из главных проблем в изучении стилистических ресурсов языка является неразработанность системных типологий выразительных средств и неупорядоченность терминологии стилистических ресурсов языка. Г.А. Копнина и А.П. Сковородников предложили более широкое понятие «риторический прием», которым они называют прагматически целесообразное отклонение от нормы в широком (философском) ее понимании, подразделяющийся на четыре группы приемов: приемы стилистические (называемые так традиционно), паралогические, параонтологические и параэтологические. Им «представляется целесообразным считать понятие риторический прием наиболее общим (родовым) в кругу таких понятий, как стилистический прием, литературный прием, художественный прием, поэтический прием, троп, стилистическая фигура, риторическая фигура» [Сковородников, Копнина 2002: 75]. Но, так как предметом исследования в настоящей работе стали только стилистические приемы, то было принято решение использовать более узкий и традиционный термин «стилистический прием».

Понятие стилистического приема до сих пор не является однозначно определенным, что не способствует системному описанию элокутивных средств языка. В связи с этим необходимо четко определить, что мы будем понимать под термином «стилистический прием» в данной работе. Ю.М. Скребнев называет рассматриваемое нами понятие как «фигуры речи, стилистические, риторические» и определяет их в широком смысле как «любые языковые средства, включая тропы, придающие речи образность и выразительность; в узком смысле: синтагматически образуемые средства выразительности» [Русский язык 1970: 590]. Фигуры речи в узком смысле он разделяет на семантические и синтаксические. М.Л. Гаспаров называет стилистическими фигурами – «любые обороты речи, отступающие от некоторой (ближе неопределяемой) нормы разговорной “естественности”» [Литературный... 2001: стб. 1140].

В середине XX в. Ж. Женетт отступая от традиционного понимания фигуры как отступления от буквального смысла слов, предлагал понимать ее как отступление от обычного употребления слов, которое не обязательно является буквальным [Женетт 1998]. С. Зенкин в статье «Новые фигуры (журнал «НЛО» 2002, № 57) вслед за Ж. Женеттом пишет, что «фигура – это то же самое, что “остраненная” речь, она существует постольку и лишь постольку, поскольку ощутима на нейтральном языковом фоне». Кроме того, он сопоставляет термины фигура и вторичная моделирующая система, замечая, правда, что они имеют различные культурные коннотации, что “фигура” – термин риторический, литературный, а “вторичная

моделирующая...” – подчеркнуто наукообразный. Хотя статья является литературоведческой, взгляд на фигуры как на возможные определяющие признаки жанров, стилей и направлений, представляется обогащающим теорию риторики [Зенкин 2002]. Важным также является вопрос о роли реципиента в восприятии фигур: «риторическая фигура «прибавляется к «нормальному» текстуальному выражению, заставляет читателя предпринимать какие-то особые, субъективно ответственные усилия для своего опознания», утверждает С. Зенкин. Если, по Женетту, комическое не может быть определено вне реципиента – слушателя, зрителя, читателя, то и двусмысленное существует лишь в восприятии человека. Справедливым представляется положение С. Зенкина о том, что «риторическая фигура привносит в текст не только эстетическую красоту, но и дополнительный смысл, хотя бы минимально-родовой: данный текст – украшенный, риторический, литературный» [Там же]. Следующие определения, частично удовлетворяют наши требования к определению стилистического приема: «Класс моделей, в основе создания которого лежит единый принцип» [Чулкова 1978: 22 Цит. по Культура русской речи 2007: 692], «способ организации высказывания/текста, усиливающий его выразительность» [Никитина, Васильева 1996: 131], но их, к сожалению, нельзя назвать полными, поэтому они могут выступать лишь основой для определения.

В настоящем исследовании «стилистический прием» понимаем как обобщающее понятие для стилистических фигур и тропов, отказавшись от понятия преднамеренности, т.к. мотивированный шире преднамеренного, потому что учитывает и уместность, и ситуацию и реципиента.

В связи с тем, что речь нормативная, образцовая чаще всего не отмечается нами, психологически не существует для нас в силу своей нейтральности [Мурзин 1989: 6], то любое выразительное средство автоматически является отклонением от нормы. Таким образом, модифицировав определение Г.А. Копниной и А.П. Сковородникова, за рабочее примем следующее определение: **стилистический прием – это прагматически мотивированное, моделируемое, отклоняющееся от нормы использование любых языковых средств для достижения определенных коммуникативных целей** [Сковородников, Копнина 2002].

Несмотря на наличие классификаций стилистических приемов [Копнина 2009; Москвин 2007 и др.], способы организации риторических приемов все еще относятся к одной из малоисследованных областей элокуции. В систематизации риторических приемов основной задачей является выделение принципов их построения. И.В. Пекарская пишет: «Поиски единых принципов, лежащих в основе построения тех или иных фигур, остаются актуальными и по сей день» [Пекарская 2000: 159]. «Лишает возможности системного осмысления материала элокутивного раздела риторики и нечеткость в использовании тех или иных терминов» [Там же: 154]. Поэтому в последующих параграфах данной главы будут определены и охарактеризованы

стилистические приемы, репрезентирующие двусмысленность, которые основаны на едином принципе создания двусмысленности.

2.3. Разновидности приемов двусмысленности и критерии их выделения

В настоящее время перед лингвистами, изучающими стилистические приемы вообще, и приемы, основанные на двусмысленности, в частности, стоит несколько проблем. Во-первых, вышеупомянутая проблема выделения отдельных самостоятельных приемов, во-вторых, их систематизация.

Исследователи считают, что в русском языке на двусмысленности основана целая группа риторических приемов: **игра слов** [Культура ...:2003]; **буквализация метафоры** [Культура ... 2003; Филиппов, Романова 2002 и т.д.], **амфиболия** [Ахманова 1966; Голуб 2003; Клюев 2001; Литературный... 1978; Розенталь 1985; Сковородников 2002; Хазагеров, Ширина 1999 и т.д.]; **каламбур** [Ахманова 1966; Белошапкина 1989; Клюев 2001; Матвеева 2003; Розенталь 1985; Филиппов, Романова 2002; Хазагеров, Ширина 1999 и т.д.]; **зевгма** [Клюев 2001; Москвин 2002 и т.д.]; **антанаклаза** [Клюев 2001; Москвин 2002, 2004; Филиппов, Романова 2002 и т.д.]; **дилогия** [Ахманова 1966; Культура ...:2003; Москвин 2004; Филиппов, Романова 2002 и т.д.]; **антифразис** и его разновидность **астеизм** [Клюев 2001; Москвин 2002, 2004 и т.д.]; **аллегория** [Квятковский 1966; Москвин 2002, 2004; Розенталь 1985; СЭЛРЯ 2003 и т.д.]; **адианоэта** [Лагута 1999; Хазагеров, Ширина 1999], **синхизис** [Лагута 1999], **парасемия** [Киклевич 2008]. Иногда двусмысленность рассматривается сама по себе как прием [Фрейд 1997: 41; Ефремов 2014].

Однако в лингвистике пока нет единого общепринятого понимания каждого из названных выше приемов, четко отграничивающего его от других подобных, поэтому существуют некоторые трудности в их выделении и разграничении. О.Н. Лагута выделяет адианоэту в качестве общего названия для ряда фигур, имеющих двусмысленный характер [Лагута 1999], мы же в качестве родового используем название «стилистические приемы двусмысленности» и считаем излишним выделение промежуточных «общих» названий. Другие немногочисленные исследователи, упоминающие термин «адианоэта» понимают его фактически как синоним дилогии [Хазагеров, Ширина 1999; Howard 2010], следовательно, от использования данного термина следует отказаться во избежание усложнения системы обозначения приемов двусмысленности.

Т.Г. Хазагеров считает, что существует два типа экспрессии – ингерентный (внутренне присущий определенным языковым единицам) и адгерентный. «Адгерентная экспрессивность – это экспрессивность, приобретаемая словом или выражением, только в определенном образом организованном контексте. ... Менее изучены адгерентные средства усиления выразительности,

которые основаны на непредсказуемости сочетаний языковых единиц в процессе развертывания текста» [Хазагеров 1992: 3; Цоллер 1996: 69]. Непредсказуемость ощущается при восприятии компонентов, внешне сходных с уже использованными ранее, но в которых, благодаря определенным формальным модификациям, вкладывается диаметрально противоположное значение.

Двусмысленность эксплуатирует как раз нарушение предсказуемости в определенном контексте, а не имманентные характеристики языковых единиц. Таким образом, понятия двусмысленности и обманутого ожидания близки, но не все приемы с обманутым ожиданием можно отнести к приемам двусмысленности, поэтому их нельзя считать тождественными.

Рассмотрим средства, создающие обманутое ожидание, предложенные Т.Г. Хазагеровым и Л.С. Шириной:

А) кольцо, у которого последний компонент произносится с интонацией, резко отличной от той, которая накладывается на первый компонент;

Б) антиметабола;

В) плока;

Г) антифразис;

Д) коррекция;

Е) различные виды каламбура;

Ж) завершение инструментовки [Хазагеров, Ширина 1999: 175–178].

Если убрать из данного перечня малоформатные комические жанры и общие понятия языковой игры, такие как каламбур и игра слов (каламбур мы рассматриваем как малый комический жанр, который может основываться на различных приемах), то оставшиеся приемы могут послужить основой для составления списка стилистических приемов двусмысленности. Дополним его приемами, относящимися к адгерентным средствам выразительности, основанными на полисемии, омонимии в широком смысле слова, антонимии и допускающими двоякое толкование, то есть соответствующими понятию двусмысленности. Такие редко используемые термины, как «синкрисис», «адианоэта» и «парасемия», дублирующие более общепринятые, исключим как избыточные.

Таким образом, к приемам двусмысленности относятся: **дилогия, амфиболия, антанаклаза (диафора и плока), буквализация метафоры, антифразис (и его разновидность астеизм), зевгма.**

Некоторые из них строятся на частичной двусмысленности или на нарушении предвосхищения (по О.А. Лаптевой). Мы считаем такие приемы двусмысленными, т.к. доминантным принципом в случае, например, классической эквивокации, репрезентирующей антанаклазу, является все-таки двусмысленность, а не просто нарушение ожидания. Приемы

двусмысленности в целом и каждый из них в частности – явления неоднородные: некоторые из них меняют первый смысл на второй очевидно, а некоторые – менее очевидно. Этим объясняется сложность в отнесении к двусмысленным некоторых приемов, особенно если в них сочетается несколько конструктивных принципов. Кроме того, стилистические приемы как модели (схемы) зависят не в последнюю очередь от своего лексического наполнения, которое может и поспособствовать, и воспрепятствовать реализации приема:

Слышишь, как порохом пахнуть стали

Передовые статьи и стихи?

Перья штампуют из той же стали,

Которая завтра пойдет на штыки (К. Симонов. Победитель) – данный пример подходит формально под схему антанаклазы, но при детальном рассмотрении оказывается, что выделенные слова являются омографами, а не полисемантами, а отрывок в целом двусмысленным не является.

Несмотря на то, что многие из перечисленных стилистических приемов двусмысленности были выявлены и описаны со времен античности, общепринятой терминосистемы для их наименования до сих пор не существует. Таким образом, к сегодняшнему дню сложилась следующая ситуация: один и тот же прием разными исследователями называется по-разному и, наоборот, одним и тем же термином обозначаются разные приемы, поэтому для определения следующих ниже терминов, относимых нами к приемам двусмысленности, так же, как и для самого понятия двусмысленности, характерно наличие нескольких терминологических вариантов и их полисемия, которые мы постараемся снять в следующих параграфах.

2.3.1. Антифразис и астеизм

Антифразис относится к наименее дискуссионным из всех фигур, несмотря на сложности в определении его статуса (троп, фигура и т.д.) и соотношения с понятием иронии. Кроме того, Квинтилиан считал антифразис и паралепсис синонимами.

Часто антифразис считают синонимом иронии (в целом или в одном из значений) [Русова 2004; Щербина 1976; Williams]. Иногда, правда, уточняя, что антифразис это «ирония слова, часто комическое из-за явного противоречия¹⁰» [Silva Reticæ: <http://rhetoric.byu.edu>; Howard 2010]. Нам это представляется не вполне верным, т.к. ирония – явление более широкое. Хотя ирония «не пользуется никакой другой техникой, кроме изображения посредством противоположности» [Русская риторика 1996: 372], техника эта может выражаться с помощью ряда средств (например, особой лексики, интонации и т.д.).

¹⁰ Irony of one word, often derisively through patent contradiction

Еще в 1550 году Ричард Шерри различал антифразис и иронию, считая последнюю более широким понятием, так как антифразис выражает насмешку в слове, употребленном в противоположном смысле, а ирония – не только в словах, но и в интонации и поведении человека или природе вещей [Sherry 1961: 46]. Имелись и другие точки зрения, например, М. Дюмарсе считал спорным необходимость выделения такой фигуры как антифразис, считая все примеры, которые можно причислить к нему, относящимися либо к эвфемизму, либо к иронии, понимая иронию как явление более широкое, чем антифразис, образуемое не только словами, но, в первую очередь, интонацией, характеристиками описываемого объекта и ходом мыслей говорящего [Дюмарсе 1804: 143–159]. Монах Беда Достопочтенный (673-735) в своем сочинении «Книга о тропах и фигурах» связывал фигуры с определенным типом организации текста и так разграничивал антифразис и иронию: «Между иронией и антифразисом такое различие: ирония указывает на то, что подразумевается, только интонацией, антифразис же не только изменением голоса, но и словами, показывающими источник контраста» (цит. по [Хазагеров, Ширина. Из истории риторики. Relga. №22 [52] 22.11.2000]). Несмотря на то, что здесь антифразис оказывается шире иронии, основное различие сохраняется: антифразис оперирует словами, а ирония – целым арсеналом средств, в том числе невербальных, для создания насмешки. Антифразис нередко рассматривается как самая частая форма иронии как тропа [Гаспаров 2001; Beth, Marpeau 2005], с чем нельзя не согласиться. Хотя и близко к антифразису, но шире толкуется ирония и в словаре Н.В. Богдановой: «тонкая, скрытая насмешка, выраженная в форме похвалы или положительной характеристики предмета: стилистический прием контраста видимого и скрытого смысла высказывания, создающий эффект насмешки. Высшая степень И. – *сарказм*. Напр.: А. Пушкин пишет о светском щеголе: «Весь спрятан в галстук, фрак до пят, дискант, усы и мутный взгляд»» [Богданова 2001: 20]. «Чаще всего ирония создается непосредственным или близким соседством слов и выражений, противоположных по смыслу» [Ковалев 1959: 52], т.е. противоположность может заключаться не только в самом слове (антифразисе), но и в контексте. При таком понимании ирония может включать в себя и другие средства создания насмешки кроме антифразиса. Например, В.А. Ковалев относит к средствам создания иронии также каламбур, особое употребление синонимов, несоответствия объекта изображения и его словесного обозначения, контрастом между объектом и тоном повествования, между простодушным тоном и мерзостью описываемых дел [Ковалев 1959].

В отечественной лингвистике антифразис понимают как: «троп, обычно рассматриваемый как связанный с ироническим переосмыслением значений слов. Модель переосмысления в данном случае довольно проста: слово (слова) берется в значении, контрастном по отношению к обычно присущему ему. Обычное же значение «утаивается»:

«*вкуснятина (о несъедобной пище)*»; «*Эти герои вчера угнали автомобиль и сбили прохожего*» [Клюев 2001: 220]; «стилистическая фигура, употребление данного слова или выражения в противоположном смысле, обычно ироническом. <...> Прочтение антифразиса оказывается возможным только в том случае, если “отключить” закон исключенного третьего или “запустить” его в обратную сторону» [Богданова 2001: 10; Квятковский 1966:41; Кожевников, Николаев 1987: 27;]. Т.Г. Хазагеров Л.С. Ширина определяют антифразис как троп, состоящий в употреблении слова в значении, противоположном обычному [Хазагеров, Ширина 1999: 207]. Наиболее точным и кратким нами было признано следующее определение: «употребление слова, а также словосочетания и предложения в значении, противоположном обычному, что достигается с помощью контекста и особой интонации (в устной речи)» [Энциклопедический... 2005: 50], которое в целом согласуется с [Далецкий 2003: 236; Филиппов, Романова 2002: 104].

Нередко антифразис отождествляют с эвфемизмом [Ахманова 2004: 49], что нельзя признать удовлетворительным: мы считаем их близкими, но все же разными понятиями. Эвфемизм можно считать понятием более узким, он ограничен функционально, заменяя лишь социально нежелательные понятия, в то время как антифразис не имеет указанного ограничения. Не тождествен антифразис и энантиосемии, так как смысл слов не всегда именно противоположен.

Здесь следует заметить, что трактовка антифразиса и астеизма только через понятия «положительное» и «отрицательное» сильно упрощает структуру этих приемов, т.к. можно говорить еще и об уменьшении или усилении того или иного признака, например: *Все более и более грандиозные стройки народного хозяйства неумолимо сокращают долю потребительского сектора в ВВП. Резко выросла продажа топлива, за 15 брежневских лет его продали больше, чем за всю предыдущую историю России. А вырученные нефtedоллары шли в первую очередь на модернизацию армии и содержание госаппарата, вторую – на «помощь развивающимся странам», с получением ответных даров в виде орденов и медалей лично дорогому Л.И., в третью – на БАМ и разработку проектов типа поворота северных рек и в самую последнюю – на развитие потребительской экономики. Всех этих, знаете, обывательских мелочей типа действительно асфальтовых дорог или на самом деле вкусной и здоровой пищи (Комок. №50. 2006) – здесь мы видим преуменьшение важного, а не похвалу под порицанием, как традиционно трактуют астеизм. В следующем примере, автор, принижая себя, намекает, что он-то как раз нормальный, т.е. здесь происходит переход от отрицательно маркированного к нейтральному: *Затем сам шеф провел сеанс легкой медитации, уже в начале которого самые «верующие» преданно замотали головами, закрыв глаза. Бог его знает, что им снилось, я, чурбан бессердечный, ничего не почувствовал* (Ст. «Я побывал в гостях у “чертовщины”»); *В Борисовском интернате сотрудники воровали у «дурачков» продукты,**

пищу в столовой, лекарства, «экономили» на причитающейся им за работу зарплате (Завтра. 2006. № 48) – в данном случае ключевые слова подразумеваются не в диаметрально противоположном смысле, а лишь в иной степени интенсивности признака.

Рассмотрим понятия эвфемизма и энантиосемии. Эвфемизм мы считаем разновидностью перифразы, маскирующей неприятное или нежелательное понятие стилистически нейтральным. Основное отличие этих, несомненно, смежных понятий, в том, что эвфемистическая замена не предполагает ни противопоставления между двумя понятиями, ни несоответствия (разной степени) между заменяющим словом и контекстом. Антифразис, как правило, менее конвенционален, чем эвфемизм и не имеет ограничения по отрицательности семантики заменяемого слова или понятия, хотя в некоторых случаях и может употребляться в эвфемистических целях. Например: *Сейчас, когда послушенькой Госдумой принят вполне идиотский закон о лесе, особенно важно, что в природном парке нельзя «приватизировать» особо лакомые кусочки* (Комок. 2005. № 23). Существует расширенное понятие энантиосемии, включающее случаи не только языкового совмещения значений, но и речевого, т.е. по сути, относящее к понятию энантиосемии антифразис и даже иронию, с чем нельзя согласиться [Маркасова 2008].

Таким образом, энантиосемия – наличие в одном слове двух противоположных значений, как правило, зафиксированное в словарях, является явлением системно-языковым, а антифразис, вернее, одна из его разновидностей, реализует в речи подобное совмещение значений. Двусмысленность же возникает лишь в том случае, когда контекст реализованного в речи совмещения значений не конкретизирует или не может конкретизировать – какое именно значение слова необходимо предпочесть для осмысления данного контекста. Например, в ситкоме «Реальные пацаны» герои попали в неловкую ситуацию, неправильно поняв фразу «отмучилась она уже», сказанные про пациентку больницы, закончившую лечение: *Отмучиться – значит и что-то хорошее, и совсем плохое.*

О. Лагута выделяет две разновидности антифразиса: «[1], -ы. В синтаксической стилистике: стереотипная конструкция, всегда выражающая лишь иронический смысл. **Вот так удружил! Хорошенькое дело! Этого еще не хватало!*; [2], -ы. В лексической стилистике: разновидность тропов, насмешливое употребление слова в смысле, обратном буквальному. **Отколе, умная, бредешь ты, голова?* (И. Крылов)» [Лагута 2006]. Б. Фостер разделяет антифразис по другому, но сходному, принципу: на речевой, *оказиональный*, и языковой (связанный с понятием энантиосемии). Например, слово *перл* уже превратилось в языковой антифразис и, вероятно, в скором времени окончательно потеряет свое первоначальное значение.

Астеизм определяется как разновидность антифразиса, которая «состоит в употреблении слова, словосочетания или целого оборота в значении, противоположном обычному, но в отличие от антифразиса носит положительный характер: является похвалой, комплиментом в форме мнимого порицания или грубовато-шутливого упрека. – *Черт так не сыграет, как он, проклятый, играл на контрабасе, бывало, выводил, шельма, такие экивоки, каких Рубинштейн или Бетховен, положим, на скрипке не выведет. Мастер был, разбойник* (А.Чехов) [Энциклопедический... 2005: 74]. Астеизм, как правило, окказионален, т.е. является речевым.

Антифразис – использование вместо слова его антонима [Сайт Галиева И.Х. irgali.ru]. Часто знаком присутствия антифразиса является использование кавычек в тексте. «Кавычки, этот малозаметный знак препинания, был, между тем, самым любимым, самым агрессивным знаком препинания в советской печати. И в печати фашистской Германии тоже. Этот знак тоталитарной прессы» [Беззубов 1997], хотя в первую очередь это знак иносказания, позволяющий частично снять с себя ответственность за написанное, позволяя читателям самим додумывать. Ср.: *Организаторов переписи объявили «врагами народа» и репрессировали. Нетрудно догадаться, что повторная «правильная» перепись, проведенная в 1939 году, показала «небывалый размах социалистического строительства» и расцвет народного счастья* (АиФ. 2010. №41) (см. также: Крон А., Успенский Л. Кавычки и какбычегоневычки // Литературная газета, 16 октября 1965 г.; Беззубов А.Н. Еще раз о кавычкомании // Журналист. 1979. № 2; Васильев В. Оскорбление кавычкой // Литературная газета, 18 июня 1980 г.)

Основой для дефиниций антифразиса и астеизма, использующихся в настоящей работе, послужили следующие определения: «антифразис – употребление слова, а также словосочетания и предложения в значении, противоположном обычному, что достигается с помощью контекста и особой интонации (в устной речи)» [Энциклопедический... 2005: 50]; «астеизм состоит в употреблении слова, словосочетания или целого оборота в значении, противоположном обычному, но в отличие от антифразиса носит положительный характер: является похвалой, комплиментом в форме мнимого порицания или грубовато-шутливого упрека» [Энциклопедический... 2005: 74]. Антифразисно употребляться могут как отдельные слова, так и выражения, например, устойчивые выражения типа «Какой ужас!» или «Ага, верю-верю». **Антифразис – модель (прием) двусмысленности, заключающаяся в употреблении слова, словосочетания или предложения в значении, отклоняющемся от его прямого лексического значения вплоть до противоположного, как правило, маскирующая более или менее успешно негативную оценку под положительными или нейтральными словами, что проявляется через контекстуальную несогласованность, употребление кавычек и интонацию в устной речи.** Пример противоположного значения: *У пчелы все полезно. И готов он, «царский» бальзам от гипотиреоза, туберкулеза, простатита, гепатита, псориаза,*

эпилепсии и всех прочих «неизлечимых» заболеваний (ст. Бальзам «Ореховый»). Не упустите время. Шанс. Рекламно-информационный еженедельник. 13.01-19.01.2012. № 2) – в данном случае авторы рекламной заметки используют антифразис еще и как средство манипуляции, намекая на то, что читателей кто-то намеренно вводит в заблуждение относительно неизлечимости перечисленных заболеваний (классический ход разного рода «целителей» – обвинить официальную медицину в сокрытии рецептов исцеления от народа). Пример отклоняющегося значения: *Мужики часто лежат на диване, почёсывая **разбитое сердце*** (www.evgbur.ru/witticism/aneddot) – в данном случае антифразис проявляется через контекстуальную несогласованность.

Астеизм – модель (прием) двусмысленности, состоящая в употреблении слова, словосочетания или предложения в значении, отклоняющемся от обычного вплоть до противоположного, которое проявляется через контекстуальную несогласованность, употребление кавычек и интонацию в устной речи, но в отличие от антифразиса носит положительный характер: является похвалой, комплиментом в форме мнимого порицания или грубовато-шутливого упрека: *Подъехать к старенькой даче Михаила Петровича в окрестностях Базаихи оказалось не так просто. Уже минут пятнадцать наша «японка» едет мимо двух-, трехэтажных «**хибар**» из кирпича* (Красноярский рабочий. 2009. №3).

2.3.2. Амфиболия

Термин «амфиболия» упоминается в лингвистических работах, посвященных риторическим приемам, и, в частности, приемам двусмысленности, чаще, чем «диалогия». Это объясняется малым количеством научных работ по систематизации приемов двусмысленности. Поэтому во многих источниках «амфиболия» то слишком узкое, то неоправданно широкое значение, что является недостатком, т.к. затрудняет анализ текста и классификацию стилистических приемов. Ср. «Амфиболия, или адианоэта – стилистический прием, состоящий в таком построении высказывания, при котором в многозначном слове одновременно актуализируются два значения – прямое и переносное» [Дамм 2003]. Это определение настолько узкое, что не может быть использовано ни для одного из приемов двусмысленности, так как даже в диалогии ключевое слово может быть как многозначным, так и омонимичным.

Интересно, что определение, данное амфиболии Е.В. Клюевым, практически идентично указанному выше. Он считает, что в отличие от антанакласиса амфиболия строит аналогию не между двумя словами (одинаковыми внешне, но разными по значению), а между двумя значениями одного и того же слова. То есть данный троп не предполагает лексического повтора: “оба значения, заключены, так сказать, в одной оболочке”. При этом исследователь

приводит примеры, которые вообще не имеют отношения к полисемии, т.е. определение не отражает реальную сущность феномена: (амфиболия при слове) *он же ребенок*; (амфиболия при словосочетании) *чувство побеждает разум* (что побеждает что?), (амфиболия при предложении) *Страна не пережила революции* (в стране не было революции или страна погибла в результате революции?) [Клюев 2001: 205].

Ср. широту понятия амфиболии в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона: «Амфиболия – двусмысленность, двойственность понятий» [Брокгауз, Эфрон 2004: 27]. Следующее определение также является широким, включая в себя описание ряда приемов двусмысленности. Амфиболия (греч. *amphibolia*) – «двусмысленность, возникающая от многозначности (а) отдельного слова ("книга упоминается в ссылке", "рыбаки ели хлеб сухой"), (б) словосочетания ("мать любит дочь", "ум не победит любви холодными словами"), (в) предложения ("Крез, начав войну, разрушит великое царство" – не свое ли?). В ненамеренном употреблении ошибка (ср. *Солецизм, Анаколуф*), в намеренном – средство комизма» [Гаспаров 2001]. Кроме указанного выше недостатка, данное определение неудачно проиллюстрировано, так как пример (в) характеризует неопределенность, а не двусмысленность. Те же недостатки присутствуют и в следующих определениях, нередко сопровождаемых теми же самыми примерами: Амфиболия (греч.) – «двойственность или двусмысленность, получающаяся от того или иного расположения слов или от употребления их в различных смыслах, смешение понятий. Пример А. – надпись «Казнить нельзя помиловать», где смысл меняется в зависимости от места паузы после или перед словом «нельзя». Многочисленные примеры А. дают греческие легенды об оракулах» [Литературная энциклопедия 1930]; «Амфиболия – двусмысленность, возникающая от многозначности (а) отдельного слова ("Книга упоминается в ссылке"; "Рыбаки ели хлеб с-ухой"); (б) словосочетания ("мать любит дочь", "ум не победит любви холодными словами") (в) предложения ("Крез, начав войну, разрушит великое царство"). В ненамеренном употреблении – ошибка, в намеренном – средство комизма». [Кожевников, Николаев 1987: 23]

Был обнаружен еще один термин – синхизис, по мнению О.Н. Лагута это: «двусмысленность высказывания, возникающая вследствие свободного порядка слов» [Лагута 1999: 113]. Но если сравнивать данное определение с определением амфиболии, данным этим же автором – «двусмысленность предложения, возникающая вследствие синтаксической омонимии или лексической многозначности/омонимии» [Лагута 1999: 9], то становится видна избыточность первого понятия. Кроме того, амфиболия более распространенный термин, поэтому от термина «синхизис» было решено отказаться.

В логике АМФИБОЛИЯ понимается как двузначность в логическом смысле, двусмысленность; амфиболический – двузначный, двусмысленный. Так называется «двусмысленность, двойственность, которая получается как от расположения слов, так и от

употребления их в различных значениях или смыслах, иногда намеренно, иногда же вовсе бессознательно. В философии под этим словом понимают смешение понятий. Так, например, Кант говорит об амфиболии понятий, то есть о смешении логического и метафизического употребления соотносительных понятий, например единства и множества, согласия и противоречия и т. п., вследствие чего неправильное применение этих понятий к вещам по существу («Dinge an sich») привело к ошибкам старой, в особенности Лейбницевской, метафизики» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Россия, Санкт-Петербург, 1890–1907]. Трансцендентальной амфиболией, или амфиболией рефлексивных понятий, Кант называл смешение понятий при употреблении их в эмпирическом трансцендентальном значении. Иногда амфиболия рассматривается как синоним речевой логической ошибки: «Шуба - русское слово, но шуба греет, следовательно, некоторые русские слова греют". Здесь слово "шуба" употреблено в разных смыслах, поэтому и получился абсурдный вывод» [Словарь по логике 1997; см. также Литературная энциклопедия 1930].

В англоязычных источниках амфиболия (или амфибология) определяется как двусмысленность грамматической структуры, порождаемая часто отсутствием пунктуации (Sherry (1550) («*amphibologia*», «*ambiguitas*»); Peacham (1577)) [Silva Reticoricae]. В статье приводятся два синонима: *ambiguous*, термин, предложенный Джорджем Путтинхемом и *ambiguitas*, латинский вариант амфибологии. В испанской лингвистике амфибология определяется как «двойное значение слова или фразы» (*Doble sentido de una palabra o frase*) [Glosario de terminos linguisticos]. Еще Грегорио Майанс-и-Сискар в «Риторике» (1752 г.) называл амфибологией двусмысленность на основе синтаксической конструкции фразы (*si [ambigüedad] está dentro de la construcción, se llama amfibología*). [Майанс-и-Сискар 2003]. Профессор Х. Пенья также называет амфиболией выражения, которые являются двусмысленными, хотя ни один из их элементов не является многозначным, т.е. двусмысленность возникает на основе особенностей объединения элементов в предложении или его грамматической структуры [Peña 1982].

Некоторые ученые называют и другие синонимы амфиболии, кроме амфибологии. В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» под ред. Иванова Л.Ю., Сквородникова А.П., Ширяева Е.Н. и др. как синонимы также представлены диалогия и амфиболия.

Следующие определения амфиболии отмечают уже ее синтаксический характер, хотя и не выделяя этот факт в основной дефиниции: «Амфиболия 1 – риторический прием двусмысленности, конструктивным принципом которого является нарушение тождества семантики слова посредством постановки его в такой контекст, в котором это слово (или словосочетание) одновременно реализует два разных значения. Напр.: *Человек может вынести*

все, если его не остановить (“ТвойДодыр”. 2001. №18). В этом амфиболическом каламбуре глагол «вынести» имеет одновременно два значения: 1. Неся, удалить откуда-либо, доставить куда-либо. 2. Вытерпеть, выдержать.

Кроме амфиболии на лексической основе, выделяют амфиболию синтаксическую – двусмысленность предложения или его части, возникающую вследствие синтаксической омонимии, как, напр., в следующих стихотворных строках:

Брега Арагвы и Куры

Узрели русские шатры (А.С. Пушкин) (неясно, кто кого “узрел”)» [Культура ...2003: 149].

В «Поэтическом словаре» А.П. Квятковского: «Амфиболия (греч.- двусмысленность, неясность) – неясность выражения, возникающая в результате ряда причин стилистического порядка.

1) Структурная неясность в построении предложения, чаще всего двусмысленность, когда подлежащее в именительном падеже трудноотлично от прямого дополнения в винительном падеже, т.е., проще говоря, неизвестно – “кто кого”:

В Сенеке строгий стоицизм

Давно разрушил организм. (А. Майков)

2) Неудачный enjambement при резкой грамматической инверсии, иными словами, - неудачный перенос части фразы из одной строки в другую при нарушении синтаксического порядка слов:

И гордый ум не победит

Любви холодными словами. (К. Батюшков)

3) Слишком сложная или запутанная синтаксическая конструкция фразы при наличии резкой грамматической инверсии и при отсутствии точной пунктуации:

И завещал он умирая,

Чтобы на юг перенесли

Его тоскующие кости,

И смертью – чуждой сей земли

Неуспокоенные гости”. [Квятковский 1966: 26]

Определения амфиболии нередко однотипны: «Амфиболия, амфибология. 1. Раздвоение морфосинтаксической связи в предложении, возникающее вследствие формального совпадения семантически не связанных элементов; неумышленная двусмысленность, стилистическая ошибка, связанная с таким раздвоением. 2. Разновидность каламбура, основанная на намеренном использовании амфиболии (в 1-ом знач.): *Мы ели пирог с бухгалтером. Я несу шоколадку дочери, которую купил в гастрономе*» [Хазагеров, Ширина 1999: 191; Ахманова

1966: 36]; «Амфиболия – неясность выражения, допускающего два различных истолкования. Амфиболия в устной речи связана с морфологическим членением предложения: *Перевести текст размером не более восьми - десяти страниц* (при быстром произнесении может быть воспринято как “не более восьмидесяти страниц”); *Встретили нас под арками* (подарками). Чаще встречается синтаксическая амфиболия, вызываемая порядком слов, возможностью двоякого соотнесения местоименного слова, в частности союзного слова *который*, так называемым слабым управлением и другими причинами. Предложение *Ходить долго не мог* допускает два толкования, в зависимости от того, к какому из глаголов (предшествующему или последующему) отнести наречие долго: 1) *Ходить – долго не мог* (в течение длительного срока был лишен возможности передвигаться); 2) *Ходить долго – не мог* (не мог длительное время проводить в ходьбе)» [Розенталь, Теленкова 1985: 15].

Автор пособия по литературному редактированию А.Н. Беззубов пишет, что «двусмысленность на чисто лексической основе, когда неясно, в каком из двух значений употреблено многозначное слово, или в контексте подходят значения двух омонимов» происходит очень редко (в случае намеренного употребления он называет их стилистической амфиболией [Беззубов 1997]), а в основном она порождается синтаксическими причинами. Он выделяет слабое управление как разновидность амфиболии, приводя такой пример: *В чугуна печальный сторож бьет* (М.Ю. Лермонтов), особо отмечая, что амфиболия, в основном, вызывает затруднения лишь у читателя, воспринимающего подобный текст [Беззубов 1997]. Амфиболия, вызванная просодическими причинами, тесно связана с такими понятиями, как логическая пауза, что затрудняет восприятие на письме текста, предназначенного для устного произнесения. Такого рода амфиболия встречается при чтении текста, авторы которого не учли разницу между чтением и произнесением. Например, см. объявление в магазине:

Выделение амфиболии на уровне предложения является более традиционным, причем амфибологию можно считать ее полным синонимом, а дилогию – самостоятельным приемом, основанном на лексической двусмысленности. Таким образом, амфиболия – это модель двусмысленности, основанная «на синтаксической двусмысленности, возникающей вследствие формального совпадения семантически не связанных элементов, вызываемого порядком слов, возможностью двоякого соотнесения местоименного слова, в частности союзного слова *который*, так называемым слабым управлением и другими причинами» [Розенталь, Теленкова 2003: 21]. К другим причинам мы относим также неверное фонологическое членение фразы, в случае которого данный прием контаминирует с дилогией. Например: – «*По небу **полуночи** ангел летел*» – проникновенно начал мальчик. *Динка снова споткнулась на слове, и не выдержав, дернула Гогу за пиджачок.*

– Подожди... **по какой луночи** летел ангел? Что такое **луночь**? – с беспокойством спрашивала она, глядя то на сестру, то на Гогу (В. Осеева. Динка) – здесь существительное формально совпадает с окказиональной конструкцией «существительное с предлогом», и понимается двумя способами – общепринятым и частным, свойственным ребенку, не обладающему достаточным словарным запасом и лингвистическими знаниями. В анафорической амфиболии семантика сочетается с синтаксисом. Это пограничный тип между семантической и синтаксической двусмысленностью: *Вечером 4 ноября на улице укусила собака, ее привезли в «Скорую помощь», но она фамилии своей не помнит, так как страдает склерозом* (Вечерний Красноярск. 1991. №1(147) Развлекательная рубрика).

2.3.3. Антанаклаза

Надо сказать, что антанаклаза – один из самых спорных приемов двусмысленности, так как можно, опираясь на ее толкования и примеры в работах ученых, выделить несколько ее разновидностей, не все из которых способны породить двусмысленность.

Антанаклаза является стилистическим приемом с наиболее устоявшейся дефиницией, но ее место в системе стилистических приемов до сих пор не определено. Например, П. Фонтанье относил антанаклазу, наряду с антиметаболой и зевгмой, к общей категории силлепса [Фонтанье 1977]. Гидеон О. Бартон указывает, что антанакласис – это повторение слова или фразы, чье значение изменяется во втором случае [Silva Reticæ: <http://rhetoric.byu.edu/>]. В словарной статье приводится также смежное понятие «антистасис» – повторение слова в противоположном смысле (впрочем, говорится, что часто антистасис рассматривается просто как синоним антанаклазы). Также в качестве синонима указывается «refractio».

Г. Уильямс называет антанаклазой (antanaclasis) «повторение слова, но в двух разных значениях» (repetition of a word, but in two different meanings), не приводя таких терминов, как диафора или плока. Близким к антанаклазе в его классификации является полиптотон (polyptoton) – «повторение одного и того же слова или его корня в другой грамматической роли или форме» (repetition of the same word or root in different grammatical functions or forms) [Williams].

Ю.Н. Пугачева пишет: «Антанаклаза – симметрично-асимметричная стилистическая фигура, являющаяся семантически обусловленным видом синтаксического повтора, состоящая в реализации полисемантом в пределах микроконтекста двух или более значений, каждому из которых обычно соответствует отдельное словоупотребление: Que de **revers** à ses uniformes! Que de **revers** dans sa politique! (Pascal) – C'est le docteur Д., un homme charmant... Si vous saviez comme il prend gaiement **la vie**. – **La vie** des autres? (Scholl) – реализация второго значения антанаклазы в асимметричном риторическом вопросе [Пугачева 1999].

Антанаклаза – повтор слова в разных значениях, который встречается чаще всего в публицистике и в художественной литературе. Этот прием похож на дилогию, хотя и легко отличим по тому, что вместо совмещения значений в одном слове здесь имеет место повторение слова в разных значениях, например: *Некоторые мужчины способны **достать** даже звезду с неба, а некоторые женщины способны **достать** даже звезду на небе* (Комок. 2005. № 26); *Пошел мужик на охоту. Увидел дикого кабана. Прицелился, из двух стволов сразу – ба-бах. ба-бах!!! Думает: «**Попал** или **не попал?**» Дым развеялся. Кабан подходит: – Ну ты, мужик, и **попал*** (Комсомольская правда. 2011. № 43), в последнем примере обыгрывается сленговое значение глагола *попасть* (с нулевой валентностью) – «оказаться в затруднительной ситуации»). Нередко антанаклаза сочетается с полиптомом – повторением слова в разных грамматических формах. Подобный механизм нередко используется для создания так называемой эквивокации, одного из софизмов, где завуалированно происходит подмена тезиса с помощью изменения значения слова. Пример эквивокации: *Вор не желает **приобрести** ничего дурного. **Приобретение** хорошего есть дело хорошее. Следовательно, вор желает хорошего.*

Существует также точка зрения, что антанаклаза – это «общее название для приемов, связанных с употреблением в микроконтексте одного и того же слова в разных значениях (см. Диафора, Плока)» [Энциклопедический... 2005: 43], хотя и здесь нет определенности, например, Путтенхем и Дэй считали плоку (у Путтенхема *doubler*) общим термином для повторения слова в целях риторического эмфазиса (выразительности), разделяя ее на полиптомон (повторение слова с изменением его формы) и антанаклазу (повторение слова с изменением его смысла) [Puttenham; Day], а Г. Пичем вообще приравнивал плоку к антанаклазе (у него – антанакласису). Не проясняет ситуацию и толкование антанаклазы во франкоязычной книге «Фигуры стиля», где антанаклаза трактуется как диафора, используемая в жанре диалога, когда слово, произнесенное собеседником, используется с новым значением. То есть эти два понятия, по мнению авторов, различаются лишь функционально [Beth, Marpeau 2005: 34–35].

Диафорой Г. Пичем называл «повторение имени нарицательного с целью представления двух логических функций: обозначение конкретного лица или объекта и выражение качеств, подразумеваемых под названием этого лица или объекта/ повторение слова с целью представить две стороны значения слова: обозначение конкретного понятия или лица и качества, обозначенного этим лицом или понятием». (Repetition of a common name so as to perform two logical functions: to designate an individual and to signify the qualities connoted by that individual's name or title) [Peachem].

Н.Н. Романова и А.В. Филиппов выделяют два типа антанаклазы: 1. Употребление, повторение слова в фразе в разных, подчас в противоположных значениях. Вид игры слов; 2.

Фигура возвращения к теме после долгой вставки. Ср. парентеза, эпанодос. [Романова, Филиппов 2009: 204]. При этом диафорой они называют «повторение слова, употребленного немного раньше, но с новым нюансом. <...> Схожа с антанаклазой» [Романова, Филиппов 2009: 251]. В данном случае не вполне ясно, в чем же принципиальное различие антанаклазы и диафоры, или они разделяются лишь по субъективному признаку – степени удаленности двух значений друг от друга. Интересно, что в более ранней работе они указывали диафору синонимом антанаклазы [Филиппов, Романова 2002: 95].

В других источниках степень изменения значения не учитывается: А. – «повтор слова в ином или измененном значении, обычно в диалоге»: "Сын, я знаю: ты ждешь моей смерти [т.е. наследства]. – О, нет! - И все же прошу: подожди моей смерти [т.е. не отравляй меня]"; или: "У кого нет в жизни ничего милее жизни, тот не в силах вести достойную жизнь" (старинная сентенция)» [Литературная ... 2001; см. также Кожевников, Николаев 1987: 28].

У В.П. Москвина антанаклаза определяется как стилистическая фигура, основанная на повторении либо омонимичных, либо многозначных языковых единиц в разных контекстуальных значениях: *«Дрова разгорались в печке, и одновременно с ними разгоралась жестокая головная боль»* (М.А. Булгаков). Частным случаем антанаклазы является так называемая омонимическая рифма:

Ты белых лебедей кормила,

Откинув тяжесть черных кос...

Я рядом плыл; Сошлись кормила;

Закатный луч был странно кос [Москвин 2004: 96].

В приведенных выше примерах нарушения закона тождества нет, а следовательно, нет и двусмысленности. Но в этих же источниках (у В.П. Москвина и в Литературной энциклопедии) мы видим следующие примеры: *«Партия нового типа – это партия, которую возглавил новый тип»*, *«Иван Потелов, встречаясь с дзюдоистом В. Кряхтеловым, провел болевой прием. Прием прошел в сердечной и деловой обстановке»*.

Таким образом, можно заключить, что принцип двусмысленности является для одной из разновидностей антанаклазы – диафоры – рецессивным, т.е. «вспомогательным, дополнительным, то есть таким, который лишь усиливает стилистическую функцию доминантного». Доминантный принцип – «принцип, без которого фигура перестает существовать» [Кузнецова 2003: 16]. Не все примеры этого приема содержат в себе двусмысленность, но их все же достаточно большое количество. Так как антанаклаза – общее название для приемов плоки и диафоры, но данные приемы все-таки обладают определенной спецификой, то имеет смысл, не отказываясь в некоторых случаях от родового понятия антанаклазы, рассматривать по отдельности функционирование антанаклазы-плоки и

антанаклазы-диафоры, которые различаются в степени выраженности двусмысленности и, соответственно, в функционировании.

Опираясь на наиболее адекватные исследуемым явлениям дефиниции плоки и диафоры, приведенные в [Энциклопедический... 2005: 117], будем названные термины в данной работе толковать следующим образом.

Диафора – модель двусмысленности, представляющая собой повторение слова в микроконтексте в различающихся, но не контрастных значениях, имеющих иногда минимальную смысловую дистанцию.

Плока – модель двусмысленности, представляющая собой повторение слова в микроконтексте в разных, нередко контрастных значениях.

Антанаклаза (и плока, и диафора) нередко контаминирует с дилогией, практически не различаясь в пограничных случаях типа: «– *Таксист, увези тещу на дачу!* – *А с дачи? А сдачи не надо*» (анекдот) – формально здесь есть повторение ключевого слова, хотя бы омофоническое, т.е. перед нами антанаклаза (в частности, плока), но так как значения совмещаются уже в первом словоупотреблении, представляющем собой фонологический сдвиг, то данный случай можно отнести и к дилогии.

2.3.4. Буквализация метафоры

Ю.С. Степанов писал: «когда слово, не теряя прежней связи с денотатом, получает и новую связь, с новым денотатом – перед нами метафора как явление языка» [Степанов 1975]. Рассматриваемый нами феномен является обратным метафоризации процессом. Важным представляется разделение метафор на творческие и стертые, так как именно процесс деметафоризации стертой (языковой) метафоры является основой наиболее удачных реализаций стилистического приема буквализации метафоры.

Изначально любое переносное значение метафорично, то есть любой переход от переносного к прямому значению – буквализация метафоры, независимо от того, как называется результат переноса значений: метафора, метонимия, синекдоха. Возможно, подобный прием следует называть буквализацией переноса или буквализацией тропа [Сковородников 2012], но, следуя традиции, будем пользоваться привычным названием приема, не ограничиваясь, впрочем, случаями только метафорической связи.

В.И. Заика считает, что в каждом переносном употреблении стандартное значение «опережает» восприятие транспонированного значения [Заика 2006]. Но в случае буквализации метафоры происходит обратное, уже привычное переносное значение вдруг под влиянием контекста буквализируется. Чем привычнее, «стертее» метафора, тем дольше происходит мысленный «переход» от переносного к прямому смыслу, нередко вызывая удивление самой

возможностью такого возврата. Иногда буквализацию метафоры называют также реализованной метафорой, реализацией метафоры, оживлением внутренней формы слова (смешивая ее с приемом буквализации, или, иначе, этимологизации).

На буквальном понимании высказываний строится множество анекдотов и забавных ситуаций. Как правило, один из акторов не вполне владеет языком и/или не обладает фоновыми знаниями, обычно это либо ребенок или иностранец, например, в детском мультфильме «Лунтик» главный герой буквально воспринял фразу «встать не с той ноги» и выяснял, с какой же ноги нужно вставать для хорошего настроения.

В роли воспринимающего буквально также могут фигурировать машина (робот, компьютер), некая высшая сила (золотая рыбка, джинн и т.д.). Последние подходят к пониманию формально, воспринимая лишь совокупность всех слов, составляющих фразу.

Интересно, что, тогда как метафора однозначна, буквализация метафоры – двусмысленна, потому что вызывает в сознании обе возможные интерпретации. Чем более «стертой» является метафора, тем эффектнее, неожиданнее ее буквализация.

Буквализация метафоры – «актуализация внутренней формы слова, его первоначального смысла» [Филиппов, Романова 2002: 96]. Похожее явление Е.В. Клюев описывает как реализованную метафору, которая «предполагает оперирование метафорическим выражением без учета его фигурального характера, то есть так, как если бы метафора имела прямое значение. Результат реализации метафоры часто бывает комическим: “Я вышел из себя и вошел в автобус”» [Клюев 2001: 187]. «Стилистический прием, состоящий в намеренно прямом (буквальном) прочтении (интерпретации) метафорического выражения (“обратный ход” от переносных значений слов к их прямым значениям)» [Дамм 2003: 272]; «стилистический прием, который состоит в том, что метафорическое выражение нарочито осмысляется и употребляется в прямом (буквальном, непереносном) значении» [Энциклопедический... 2005: 258]. Толкование, принадлежащее Дамм, кажется нам наиболее удачным, так как обладает наибольшей объяснительной силой в сочетании с краткостью.

Буквализация метафоры сближается с понятием народной этимологии, когда «буквализируется» внутренняя форма слова. Похожее явление О.Н. Лагута называет индивидуально-авторской омонимией: «стилистический прием, выражающийся в использовании известных слов в новом значении при создании каламбуров. Я всю зиму провел в здешнем краю. Я говорю, что я остепенился, потому что зарылся в степь (П. Вяземский)» [Лагута 1999].

Опираясь на определение Т.И. Дамм, в котором буквализация метафоры заключается «в намеренно прямом (буквальном) прочтении (интерпретации) метафорического выражения («обратный ход от» переносных значений слов к их прямым значениям)» [Дамм 2003: 272] и

широко понимая «метафорическое выражение», которое, как уже было сказано выше, может представлять собой буквализацию любого смыслового переноса, мы будем использовать в работе следующее определение. **Буквализация метафоры – это модель двусмысленности, заключающаяся в буквальной интерпретации (от переносного к прямому) выражения, основанного на любом смысловом переносе.**

2.3.5. Диалогия

В толковых словарях русского языка слово «диалогия» толкуется преимущественно как ‘художественное произведение из двух частей’ [Толковый словарь Ожегова 1949-1992; Большой толковый 1998], хотя иногда вторым значением идет ‘синоним двусмысленности’ [Литературная энциклопедия 1929–1939]. Интересно, что в словарях синонимов и иностранных слов это значение первично [Словарь иностранных слов, вошедших ... 1910; Большой словарь ... 2007; Словарь синонимов ASIS, Тришин В.Н., 2010] или даже единственно [Михельсон 1865]. В данном семантическом поле диалогия понимается и в специальной лингвистической литературе. Например, «Риторика» Грегорио Майанса-и-Сискара называет диалогией двусмысленное высказывание, которое имеет два значения и вначале понимается под первым, а потом под вторым («dicho ambiguo, que significa dos cosas i primeramente se toma en un sentido i después en otro, se llama *dilogía*») [Mayans y Siscar 1984], то есть то, что мы сейчас именуем антанаклазой. Термин диалогия встречается и в других источниках [Llengua literaria. Recursos retóricos; Moreno Quibén]. В Академическом словаре испанского языка диалогия – это «использование слова, которое следует понимать в двух различных значениях одновременно в рамках одного высказывания¹¹» [Real Academia Española].

В отечественных источниках диалогию выделяют как самостоятельную фигуру относительно немногочисленные авторы, например, В.П. Москвин в «Стилистике русского языка»: «Диалогия – фигура речи, в основе которой лежит преднамеренная, стилистически оправданная двусмысленность, возникающая в результате особого контекстуального использования омонимов или многозначных слов» [Москвин 2004: 50]; «Диалогия (англ. ambilogy, исп. dilogia) – фигура речи, состоящая в одновременном употреблении слова в двух разных смыслах в пределах одного и того же высказывания:

*И железная лопата В каменную грудь,
Добывая медь и золото, Врежет страшный путь.*

Железная: а) сделанная из железа, б) непреклонная» [Ахманова 1966: 105].

Надо заметить, что О.С. Ахманова говорит об одном слове и о его разных смыслах, в то время как Москвин В.П. относит к диалогии и приемы, основанные на сдвиге –

¹¹ «Empleo de una palabra que hay que entender en dos sentidos distintos a la vez dentro del mismo enunciado»

«омофоническом осмыслении двух слов или их контактирующих фрагментов как одного слова» («*Зачем вести меня ко злу?*» ср. ко злу и козлу); «Особый вид диалогии основан на сдвиге, возникающем при повторении слова: “*Я назвал столицу Питер. Ты терпи, терпи, терпи, терпи...*” (А. Вознесенский)» [Москвин 2004: 51]. Следовательно, его определение является более широким.

Диалогия, как и многие другие стилистические приемы, «богата» синонимами. В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» как синонимы представлены диалогия и амфиболия: «риторический прием двусмысленности, конструктивным принципом которого является нарушение тождества семантики слова посредством постановки его в такой контекст, в котором это слово (или словосочетание) одновременно реализует два разных значения» [Культура русской речи 2003: 150]. А.В. Филиппов и Н.Н. Романова считают синонимичными термины «диалогия» и «амбилогия»: «Амбилогия (от лат. *ambo* – “оба” и греч. *Logos* – “слово” – “оба слова, оба смысла”) – двусмысленное употребление в высказывании многозначных слов, с тем, чтобы его можно было понять по-разному, двойко (в момент восприятия): *Не все люди сразу понимают даже простые вещи. Некоторым нужно дать срок, чтобы они посидели и подумали; Для богатых – ананасы, персики, маслины; для бедных – одни только фиги*» [Филиппов, Романова 2002: 97]. Кроме того, синонимами амбилогии авторы называют еще экивок и амфиболию.

Таким образом, **диалогия – это модель двусмысленности, в которой двусмысленность создается путем постановки многозначных слов или омонимов в такой контекст, где они могут пониматься несколькими способами одновременно.**

Как и большинство приемов двусмысленности, диалогия может строиться на нескольких языковых механизмах, в числе которых полисемия, омонимия (в том числе как полные омонимы, так и омоформы, омофоны и омографы, контекстуальная синонимия, прагматическая несогласованность, неопределенность и синкретизм.

Полисемическая диалогия может порождаться «мерцанием» как двух равноправных значений, так и прямого и переносного (в отличие от буквализации метафоры). Например: *Жизнь – как литература: с удачной фразы может начаться роман, а с неудачной – статья* (Комсомольская правда. 2010. № 47) – в данном случае контекст актуализирует равноправные значения (*роман*: «литературный жанр» / «любовные отношения между мужчиной и женщиной»; *статья*: «научное или публицистическое сочинение небольшого размера» / «параграф в юридическом документе») актуализируются при помощи постановки многозначного слова в антонимическое противопоставление. В следующем примере игра строится на сталкивании прямого и переносного значения: *Как-то странно получается. Надувают нас, а лопаются банки* (Комсомольская правда. 2010. № 46).

Пример омографической дилогии: *Иногда дарят гвоздики. Необычным способом: сначала проведя этим гвоздиком по автомобилю, а потом засовывают его в колесо* (Комсомольская правда. 2010. № 52) и омоформной: *Водитель сказал, что всех развезет. И всех развезло* (Аргументы и факты. 2006. № 11).

К этому типу примыкает омофонический сдвиг, который порождает двусмысленность лишь в устной речи, а на письме не более чем забавен. Ср. загадка: *На бал кони ходят?* (На балконе ходят?).

Рассмотрим ошибку, где двусмысленность порождается незнанием различной сочетаемости двух значений многозначного слова: *Обеспечу уход пожилого человека*. Употребление существительного *уход* с родительным падежом (*уход (кого?) пожилого человека*) вместо дательного (*уход (кому?) пожилому человеку*), вынуждает нас понять данное высказывание как предложение эвтаназии (от *уходить* вместо *ухаживать*)

Продуктивным примером дилогии является, например, грамматическая полисемия: *Я тебе покажу как целовать мою дочь! – Спасибо. Я и сам умею* (Из анекдотов).

Заслуживают внимания конструкции с возвратным глаголом, так как не всегда они предполагают направленность действия на субъект:

– *А у меня сосед холодной водой обливается.*

– *Ух ты, он что, морж?*

– *Нет. Просто хулиган!* (Комок. 2005. № 26).

Многочисленные шутки обыгрывают полисемию или омонимию с просторечиями, например: – *Дорогая, не парься! Давай лучше купим сауну. – Что?! Купим сауну и не будем париться?* (САЛОН-Интерьер. 2006. № 11) или со сленгизмами: *В футболе ситуация, в которой легче забить, чем не забить, случается редко. В жизни – постоянно* (Комок. 2006. № 9); *Если гвоздь в стуле мешает работать – забей* (Комок. 2006. № 50), где сочетаются значения «забить» – «вбить/загнать ударами» и «остаться равнодушным/перестать думать о чем-либо».

Особенностью русского языка является семантическая емкость многозначного глагола *любить*, который может обозначать как сердечную склонность, так и пристрастие к чему-либо. Это нередко используется в анекдотах: Пациент: – *Доктор, соседи считают меня сумасшедшим за то, что я обожаю сосиски. Доктор: – Какие глупости! Я тоже люблю сосиски! Пациент: – О, тогда пойдёмте ко мне! Я покажу вам свою коллекцию* (Анекдот).

Дилогия чаще всего наблюдается в рекламе и в развлекательных рубриках СМИ. Например, реклама «Моссельпрома» гласит: «У наших кур изысканный вкус». Создатели рекламы, изображая книгу Джойса с лежащим на ней пером, как бы подталкивают читателя к

мысли, что курицы «Моссельпрома» не только вкусны, но и высококультурны, так как читают Д. Джойса.

Пример диалогического механизма, который в школьной дидактике традиционно считается ошибкой: *У Ивана Николаевича была своя цель в жизни, но он в нее не попал* (из школьного сочинения) – будучи помещенным в развлекательную рубрику, например, газеты, он будет рассматриваться совершенно иначе, как прием.

Буквализация метафоры отличается от диалогии тем, что в ней переход между значениями направлен от переносного к прямому.

2.3.6. Зевгма

Зевгму нередко смешивают с эллипсисом и силлепсисом. Зарубежная и российская риторика, как правило, расходятся в своем толковании зевгмы. Ср. зевгма – понятие, заключающееся в том, что «один элемент высказывания (чаще всего основной глагол, хотя встречаются и существительные) управляет другими двумя или более элементами предложения (часто в периодах)¹²» [Silva Retoricae]. Иногда зевгма рассматривается как эллипсис (т.е. пропуск) глагола, когда один глагол используется для управления несколькими основами, не повторяясь при этом [Williams; Матвеева 2010: 115; Ахманова 1969: 158]. Иногда зевгма толкуется как силлепсис «прием усиления выразительности за счет нарушения семантической однородности в цепочке формально однородных членов предложения или целых предложений» [Матвеева 2010: 115].

При этом, в отличие от российской риторической традиции, приемом, в котором ядерное слово многозначно и реализует разные свои значения с разными зависимыми словами, называют силлепсис [Silva Retoricæ: <http://rhetoric.byu.edu/>]. Силлепсис вообще относится к приемам с размытой семантикой. Существует три основных точки зрения на данное понятие. Например, в общей риторике группы М (вслед за Фонтанье) силлепсисом называется то, что мы понимаем под диалогией: «силлепсис сводится к употреблению слова одновременно в прямом и переносном – “фигуральном” значении» [Дюбуа и др. 1986: 221]. Под этим же значением использует его Григорио Майанс и Сискар: «если выражение берется сразу в двух значениях, оно называется силлепсисом¹³» [Mayans y Siscar 1984]. Сезар Дюмарсе понимал ораторский силлепсис как разновидность метафоры или сравнения, в которой одно и то же слово используется в двух значениях, прямом и переносном, в одной и той же фразе [Dumarsais 1804: 126] А. Бет и Э. Марпо считают ораторский силлепс высшей разновидностью силлепса, игрой,

¹² one part of speech (most often the main verb, but sometimes a noun) governs two or more other parts of a sentence (often in a series)

¹³ si la voz espressada se toma con dos significaciones, se llama silepsis: figura de hablar

которая создается на основе многозначности слова [Beth, Marpeau 2005: 37]. Л.А. Пушина вслед за французскими исследователями называет семантическим силлепсом фигуру, «которая в близком или широком окружении слова актуализирует два его значения на основе полисемии лексической единицы, реализации лексикализованного образа или индивидуально-авторской образной номинации. Для восприятия этой фигуры, лишенной формальных признаков, необходимо общее смысловое поле автора и реципиента» [Пушина 2009: 157], т.е. фактически описывает дилогию, лишь сужая ее толкование, т.к. дилогия может строиться не только на полисемии.

Вторая точка зрения относит силлепсис к такому явлению, «когда одно слово, которое управляет двумя и более другими словами понимается по-разному в зависимости от каждого из этих слов. Комбинация грамматического параллелизма и семантического рассогласования, часто с остроумным или комическим эффектом. Не смешивать с зевгмой» (When a single word that governs or modifies two or more others must be understood differently with respect to each of those words. A combination of grammatical parallelism and semantic incongruity, often with a witty or comical effect. Not to be confused with zeugma.) [Silva Retoricae]. Фактически, силлепсис понимается так, как нами толкуется зевгма. Е.В. Клюев также говорит о том, что в некоторых случаях зевгма понимается как силлепс [Клюев 2001: 206]. Более общепринятым является понимание зевгмы и силлепсиса как отдельных стилистических приемов. Хотя, например, И.В. Арнольд, считая силлепс конструкцией с неоднородными связями подчиненных элементов с общим подчиняющим словом, зевгму относит к его разновидностям.

Можно выделить еще одну, третью, группу исследователей, которые понимают силлепсис как солецизм, т.е. как нарушение грамматической сочетаемости членов предложения. Например, А. Бет и Э. Марпо кроме ораторского силлепсиса выделяют еще две разновидности (надо заметить, что такое объединение кажется искусственным): силлепс имени и рода, т.е. нарушение согласования в числе и роде [Beth, Marpeau 2005: 36–37]. Не менее искусственным представляется и деление Л.А. Пушиной силлепса на семантический (представленный выше) и грамматический, который она понимает как нарушение правил согласования морфем или синтагм по грамматическим категориям. Здесь возникает вопрос о целесообразности объединения столь различных феноменов под единым понятием. О проблеме сумбура терминологии данной области см. [Пекарская 2000]. И.В. Пекарская понимает силлепсис (у нее силлепс) как разновидность анаколуфа и толкует его как «расподобление, “незаконное” рассогласование. Силлепс представляет собой смешанную контаминированную структуру. Рассогласование чаще всего наблюдается в роде, числе, падеже между различными членами предложения, однако встречаются и другие разновидности силлепса на уровне категории лица, наклонения» [Пекарская 2000: 72].

Мы придерживаемся третьей точки зрения, отграничивая, таким образом, силлепсис от зевгмы. Иногда понятие зевгмы понимают расширительно, например, О.С. Ахманова предлагает две очень разных точки зрения на зевгму, объединяя, по сути, понятия, которые, кажется, вообще нецелесообразно объединять в рамках одного приема:

«1. Зевгма – синтаксический прием экономии языковых средств, состоящий в том, что слово, образующее однотипные сочетания с несколькими разными словами фигурирует в высказывании только один раз – в начале (протозевгма), в середине (мезозевгма) или конце (гипозевгма): “Один ведерком черпает, другой – шапкой, третий – горстями”;

2. Зевгма – фигура речи, создающая юмористический эффект в силу грамматической или семантической разнородности или несовместимости сочетаний, образующихся при соединении языковых единиц: “Он пил чай с женой, с лимоном и с удовольствием”» [Ахманова 1966:158].

Как грамматическое языковое явление зевгму понимают, т.е. придерживаются первой точки зрения, следующие исследователи [Ахманова 2004: 158; Квятковский 1998: 20; Хазагеров, Ширина 1999: 267]. Но «поскольку зевгма в первом значении (у О.С. Ахмановой) дублирует термин эллипсис, при рассмотрении зевгмы как стилистического явления целесообразно отказаться от первого (грамматического) понимания» [Смолина 2004: 20]. Ср. «Эллипсис – лингвистический термин, имеющий два значения: 1) синтаксическая неполнота высказывания, незамещенность синтаксической позиции, неполное предложение любого типа, независимо от того, является ли оно стилистически маркированным или нет; 2) стилистическая фигура, заключающаяся в стилистически значимом (отклоняющемся от нейтрального варианта нормы) пропуске какого-либо члена или части предложения» [Энциклопедический... 2005: 364].

Другие ученые, и их большинство, трактуют зевгму как экспрессивную языковую единицу, основанную на объединении при многозначном ядерном слове семантически несовместимых компонентов в качестве однородных [Копнина 2000: 261; Пекарская 2000: 72; Сковородников 2005; Смолина 2004: 29; Филиппов, Романова 2002: 127]. Близким к указанному является толкование Н.В. Богдановой, которая понимает под зевгмой «стилистический прием, основывающийся на объединении разнопланового, когда в одной синтаксической конструкции сочетаются формально тождественные, но семантически разные понятия. 3. используется как средство создания комического эффекта, напр.: «пил чай с коньяком и поручиком»» [Богданова 2001: 19]. По мнению Е.В. Ключева, зевгма ставит конфликтующие понятия «лицом друг к другу», в самый близкий контекст, фактически сталкивая их значения. Он также замечает: «Поэтому, кстати, зевгма часто рассматривается как троп, создающий исключительно комический эффект, что, может быть, все-таки не вполне соответствует действительности» [Ключев 2001: 207]. Автор делает вывод, что суть зевгмы не в соотношении двух слов друг с

другом, а в одном слове, предусматривающем семантическое соответствие двум не соотносимым друг с другом понятиям.

Э.М. Береговская, рассматривая зевгму только со второй точки зрения, дает следующее толкование: «Зевгма – это экспрессивная синтаксическая конструкция, которая состоит из ядерного слова и зависящих от него однородных членов предложения, равноценных грамматически, но семантически разноплановых, вследствие чего в многозначном ядерном слове одновременно актуализируются минимум два разных значения или смысловых оттенка» [Береговская 1985: 59]. Исследователь выделяет 3 типа зевгмы:

- 1) слабый – «в ядерном слове реализуются не разные словарно зафиксированные значения, а только семантические нюансы»;
- 2) сильный – «в ядерном слове реализуются словарно зафиксированные разные значения»;
- 3) парадоксальный – «оба члена управляемой цепочки включают ядерное слово в два разных фразеологических единства или сращения, способствуя, таким образом одновременной реализации в нем двух разных фразеологических значений» [Береговская 1985: 63].

С.А. Лукьянов в статье «О классификации зевгматических конструкций» отмечает, что «классификация Э.М. Береговской при всей ее внешней стройности не лишена тем не менее определенной внутренней противоречивости, и противоречивость эта связана прежде всего со способами образования зевгматических конструкций» [Лукьянов 1993: 72]. Он отвергает необходимость выделения последнего, «парадоксального» типа, и, основываясь на способах образования зевгмы, предлагает свою классификацию:

- 1) Конструкции, образованные окказиональным сочинением (в ядерном слове актуализируется одно значение);
- 2) Конструкции, образованные способом синтаксической аппликации (аппликативные каламбуры), – в опорном слове актуализируются разные значения.

При построении конструкций второго типа «используется так называемый аппликативный способ: наложение двух словосочетаний, при котором в опорном слове происходит совмещение двух разных значений одного слова, а зависимые компоненты словосочетаний выстраиваются в виде сочинительной конструкции» [Лукьянов 1993: 80]. Интересно, что в статье «Экспрессивные конструкции как средство создания комического» С.А. Лукьянов писал о том, что при совмещении в опорном слове зевгмы двух значений комический эффект отсутствует [Лукьянов 1994: 80].

Но объединение в высказывании двух или более членов, оформленных как однородные, но различаемые в грамматическом и синтаксическом отношении обычно называется **силлепсисом**: «Силлепсис – риторический прием паралогического типа (в иной трактовке –

стилистическая фигура), близкий к зевгме, состоящий в объединении в перечислительном ряду логически, а иногда и грамматически неоднородных членов предложения как однородных» [Энциклопедический...2005: 286; Хазагеров 2009]. «Смешанные тропы, называемые иначе силлепс, состоят в употреблении одного и того же слова одновременно в двух разных значениях, одно первичное или предполагаемое таковым, но обязательно прямое; и другое образное или предполагаемое таковым, даже если оно не всегда таковым является; <...>» [La silleps. С. 122; цит. по Пушина 2009: 155]. А.В. Филиппов, Н.Н. Романова также предлагают термин **апокойну** – «конструкция с двумя неоднородными дополнениями к одному управляющему слову», но выделение приема, дублирующего силлепсис, представляется нецелесообразным.

Таким образом, мы видим, что оба значения, данные О.С. Ахмановой, относятся к эллипсису и силлепсису, а не к зевгме.

На основании всего вышесказанного представляется логичным различать понятия силлепсиса, эллипсиса и зевгмы, разграничивая их следующим образом: Силлепс – это «объединение неоднородных членов в общем синтаксическом или семантическом подчинении. Пример С. с синтаксической неоднородностью: “Мы любим славу, да в бокале топить разгульные умы” (А.С. Пушкин) – объединены дополнения, выраженные существительным и инфинитивом; с фразеологической: “У кумушки глаза и зубы разгорелись” (И.А. Крылов) – фразеологизм “глаза разгорелись” и внефразеологическое слово “зубы”; с семантической: “И звуков и смятенья полн” (Пушкин) – душевное состояние и его причина. В возвышенном стиле С. создает впечатление взволнованной небрежности, в “низком” – комизма (“шли дождь и два студента”) [Литературная... 2001: стб. 975]. Эллипсис – это синтаксическая неполнота высказывания, незамещенность синтаксической позиции. Пропускается, как правило, глагол.

Зевгма – это модель двусмысленности, представляющая собой синтаксическую конструкцию, в которой семантически разноплановые, но синтаксически однородные компоненты реализуют разные значения или смысловые оттенки объединяющего их многозначного ядерного слова, преимущественно глагола. Опорными значениями в зевгме могут быть и фразеологические. Зевгма эксплуатирует механизм полисемии, основанный как на совмещении двух равноправных значений (хрестоматийное: **Шел дождь и два студента**), так и на совмещении прямого и переносного. Ср.: *А чтобы ты могла при случае блеснуть и красивой улыбкой, и умом, упомянутым во второй части пословицы, мы собрали еще несколько фактов про уход за полостью рта* (Cosmopolitan. 09.2010). Ядерным словом может быть и другая часть речи, например, существительное: *Принимаем на работу стюардесс. Предоставляются соц. и бумажные пакеты* (Комок. 2006. № 46). Различие между зевгмой слабой и сильной

заключается в семантическом расстоянии между реализуемыми значениями ядерного слова. Иногда это могут быть лишь оттенки значения: *Преодолеваем себя и препятствия*.

Зевгма используется преимущественно для развлечения или в качестве стилизации высказывания под неграмотную речь: *В начале 19го века некто, чье имя не известно, а известно лишь то, что жил этот изобретатель в нижегородской губернии, первым додумался валять не Ваньку и даже не дурочку, а войлочную обувь без единого шва* (Комок. 2006. № 50); *И в то время как славные рыцари состязались на ристалище, группа поддержки всячески выражала свои эмоции, срывая горло и головные уборы* (Cosmopolitan. Март 2012).

Зевгму не так просто создать непреднамеренно (необходимо удовлетворить нескольким строгим условиям ее создания), но, тем не менее, перечисляя что-либо, надо следить, чтобы неуместная зевгматическая конструкция не вызвала нежелательного комического эффекта: *Сердце больного и он сам ритмично бьется* (Из медицинских записей) (Комок. 2006. №2).

2.3.7. Каламбур и некоторые другие смежные с приемами двусмысленности явления

Сущность каламбура в общем не вызывает сильных разногласий среди ученых. Исследователи отмечают, что эта фигура речи строится на юмористическом использовании таких явлений, как полисемия и омонимия, причем рассматривают каламбур как синоним игры слов [Ахманова 2004: 188; Ключев 2001: 207; Розенталь, Теленкова 1985: 103; Филиппов, Романова 2002: 97]. Надо отметить, что, например, А.П. Сковородников выделяет игру слов, как самостоятельное понятие: «Игра слов – разновидность языковой игры, в которой эффект остроты достигается неканоническим использованием слов и фразеологизмов (трансформациями их семантики и/или состава)» [Сковородников 2004: 86]. Разграничивает их также К. Фишер: «Каламбур – это неудачная игра слов, потому что он играет словом не как словом, а как созвучием» [цит. по Фрейд 1997: 47]. В некоторых работах как основа каламбура выделяется шуточная этимологизация [Елисеев, Полякова 2002: 73; Кожевников, Николаев 1987: 145]. Некоторые ученые каламбур рассматривают не только как фигуру, но и как самостоятельную миниатюру, определяя его, таким образом, как жанр [Елисеев, Полякова 2002: 73], причем не всегда комический [Тимофеев, Тураев 1985: 53].

Каламбур «использует фонетическое сходство между двумя словами, между словом и группой слов, или между двумя группами слов, с целью их сближения в семантическом плане» [Beth, Marreau 2005: 34]. Наиболее удачными каламбурами считаются те, в которых сближаются не только форма, но и содержание. При этом существует точка зрения, что содержательная часть каламбура не важна: каламбур – это «создающее комический эффект соединение (обычно намеренное) двух очевидно различных смыслов, ни один из которых не

“имеется в виду” (так как в намеренном каламбуре имеется в виду – рассмешить, и только)» [Зализняк 2004; Падучева 1982]. Для каламбура характерна не протиположность значений, а ненаправленное противопоставление.

Наиболее емким является следующее определение: каламбур – «разновидность Языковой игры с установкой на комический эффект, конструктивную основу которой составляют стилистические фигуры, опирающиеся на такие парадигматические отношения в лексике, как полисемия, омонимия, антонимия и паронимия (в широком смысле, включая паронوماзию). Отличительными признаками каламбура как разновидности языковой игры являются: наличие двух контрастирующих смысловых компонентов и комический эффект. Каламбуры употребляются либо в определенном контексте как стилистические приемы, либо как самостоятельные высказывания, обладающие грамматической и смысловой завершенностью, в комических афоризмах, комических пословицах, шутках (приколах) и т.д. В таком случае каламбуры выступают как стилистическая основа соответствующих речевых жанров» [Энциклопедический... 2005: 149].

Данная дефиниция подтверждает наше предположение о том, что каламбур является родовым понятием по отношению к дилогии, антанаклазе, амфиболии, буквализации метафоры, а также к некоторым другим (использование паронимии, различных сдвигов и т.д.). Основное различие двусмысленности и каламбура, как родовых понятий к нескольким явлениям, состоит в том, что, во-первых, в случае каламбура «играют» смысл и форма, а при двусмысленности – два смысла, а во-вторых, в функциональной ограниченности каламбура.

Проблему различения каламбура и игры слов мы решим следующим образом: вслед за большинством ученых будем считать их синонимами, так как данная проблема требует отдельного внимательного изучения, что не входит в задачи нашего исследования.

Кратко охарактеризуем ряд других смежных с приемами двусмысленности явлений. В эту группу входит, например, *doublespeak* (двойная речь) – двусмысленная демагогическая речь. Это «многословие, разглагольствование и околичности, которые направлены на обслуживание некоторых политических и идеологических целей <...> такое употребление языка, которое отвлекает внимание от истинного смысла, или скрывает истинный смысл того, что хочет сказать говорящий или выступающий» [Филиппова 2007: 15]. Результатом воздействия двусмысленного демагогического языка является то, что часто в итоге он лишает людей, которые его воспринимают, способности критически осмысливать происходящее или ограничивает такую их способность.

Адианоэтой, разновидностью иронии, Квинтилиан считал выражение, которое помимо очевидного смысла, несет еще и дополнительный смысловой оттенок (часто противоречащий первому). Эффект строится на различном понимании выражений разными людьми (одни

понимают буквальное, другие – переносное). Еще одним смежным с адианозтой понятием считают аллегорию, так как и там тоже используются сразу и буквальное понимание фразы и переносное [Silva Retoricae].

Бет и Марпо выделяли отдельно прием, основанный на омофонии, – метанализ, который трактовали как основанный на «двусмысленности, которую может вызывать звучание (произнесение) слова или группы слов». Метанализ порождается тогда, когда адресат понимает не то, что хотел сказать ему адресант, потому что фонетическая двусмысленность приводит его к неверному членению фразы или ослышке [Beth, Marpeau 2005: 36]. Как правило, на обыгрывании ослышки строится комический эффект.

Как видно, термины эти малочастотны, не имеют развитой лексикографической традиции использования, а главное, в целом дублируют более традиционные термины, поэтому их включение в перечень стилистических приемов двусмысленности представляется неоправданным.

2.4. Проблема различения приема/ошибки

Одна из глобальных проблем элокуции – отсутствие единой удовлетворительной терминосистемы. В громоздких перечнях стилистические приемы часто расположены вообще вне какой-либо системы, вызывая вопрос о наличии для их выделения единого основания. В связи с возрождением интереса к риторике актуализировалась и проблема традиционных (еще с Античности) непоследовательных попыток создания бинарной системы терминов, именующих отдельно ошибки и приемы. Во-первых, существует множество явлений, имеющих нулевую оппозицию, таких, например, как метафора или какофония (хотя и метафора может быть неудачной, а какофония, использованная уместно и повлекшая за собой ожидаемый стилистический эффект, может рассматриваться как прием). Во-вторых, вряд ли можно считать оправданным наличие двух названий для одного и того же языкового механизма, выступающего то в качестве выразительного средства, то в качестве речевой оплошности. Наконец, сложной представляется и сама задача различения приема и ошибки.

Намеренность использования какого-либо языкового явления, которая считается у многих исследователей чуть ли не главным критерием разграничения приемов и ошибок, не может им являться, ведь не всегда то, что употреблено намеренно, – удачно и наоборот. Например, ошибочная двусмысленность иногда трактуется как неснятая полисемия, т.е. речевая ошибка, возникающая «из-за возможной двойственной интерпретации слова или целого высказывания и приводящая к непониманию, иногда комическому эффекту» [Лагута 2000 73], но ведь и прием двусмысленности может вызывать комический эффект, значит в функциональном плане ошибки и приемы также могут совпадать. Поэтому приводимые

некоторыми учеными механизмы возникновения случайной двусмысленности [Москвин 2007, Емельянова 2005] являются в равной степени и механизмами создания приемов. Следует помнить, что в системе стилистических средств под специальными названиями находятся регулярно используемые в речи модели языка, те же, что порождают и ошибки.

Отнесение какого-либо явления к приему или ошибке зависит в большой степени от восприятия. Намеренность/случайность его появления при этом не всегда играет главенствующую роль (если, конечно, нет никаких авторских указаний на этот счет). Причем непосредственными собеседниками явление может восприниматься как ошибка, а третьим лицом – как прием. Так, примеры, регулярно печатающиеся в газетных и журнальных рубриках «Милицейский эпистолярый», «Медицинский юмор», «Из школьных сочинений», по сути, являются ошибками, но будучи намеренно представленными читателям в юмористических рубриках, «перевоплощаются» в приемы, выполняющие развлекательную функцию.

Проблема разделения приемов и ошибок довольно сложна, т.к. обычно критерием отнесения к той или иной группе является лишь мотивированность рассматриваемого явления, или, упрощая, намеренность/случайность [Олешков 2006]. Например, Ю.Д. Апресян, описывая речевую двусмысленность, выделяет как особый случай намеренную многозначность, используемую для создания «каламбура, поэтической метафоры или иного стилистического приема, построенного на одновременном обыгрывании сразу нескольких значений слова или иной лексической единицы» [Апресян 1971]. Мы согласны с точкой зрения А.Н. Беззубова: «описание экспрессивных речевых приемов можно строить параллельно с описанием речевых ошибок: каждому приему соответствует ошибка, ибо прием в широком понимании есть нарушение речевой нормы» [Беззубов 1997].

Иногда явления при использовании в качестве приема имеют одно название, а при ошибочном употреблении – другое. Такой принцип терминологического обозначения, если не принимать во внимание вопрос дидактики, представляется неоправданным, т.к. нарушает тягу системы к экономии. Бинарная система названий неудобна в практическом применении. Называние явления безотносительно его функционирования предпочтительнее, т.к. правильность и ошибочность нередко довольно субъективны, ведь даже ошибка может считаться приемом, если она забавна и развлекла реципиента или оказала какой-то иной эффект. Например, если адресант рассмешил адресата двусмысленной фразой, не имея такой интенции, то ее можно считать приемом, ведь адресат мог и не подозревать о случайности фразы. Таким образом, не существует способов создания двусмысленности, с помощью которых создаются только ошибки, речь здесь может идти лишь о причинах, условиях.

Отнесение того или иного явления к ошибке или к приему является одной из самых сложных проблем не только применительно к двусмысленности, т.к. исследователь не имеет возможности узнать интенцию автора и вынужден интерпретировать ее исходя из своей интуиции, фоновых знаний, предположений о том, что имел в виду автор. В данном случае неуместна категоричность. Так, например, Н.В. Перцов считает совмещение значений в строчке из стихотворения М.Ю. Лермонтова «*Пустое сердце бьется ровно, / В руке не дрогнул пистолет*» ненамеренным. Можем ли мы быть уверены в этом? Нет. Далее, рассматривая отрывок из А.С. Пушкина «*Фигурно иль буквально: всей семьей, / От ящичка до первого поэта, / Мы все поем уныло <...>*», он пишет, что многозначность слова *поем*: «несмотря на предупреждение в первой строке, большинством читателей не замечается» [Перцов 2000: 58]. Н.В. Перцов несомненно был бы прав, не будь в тексте прямого авторского указания на двусмысленность, но оно есть, и прямо побуждает найти слово, где совмещаются значения (см. [Зализняк 2004]).

Чаще всего двусмысленность, конечно, является нарушением такого качества речи, как ясность. Но, несмотря на «отрицательный образ» двусмысленности, она способна функционировать и в качестве стилистического приема, то есть для намеренного создания (и, как правило, последующего разрешения) двусмысленности с целью достижения определенных коммуникативных целей (например, привлечь внимание, развлечь, продемонстрировать свое владение языком и речевое мастерство или, может быть, запутать адресата). Пользуясь идеей О. Дюкро о различии нормального функционирования каких-либо лингвистических явлений и их функционирования, возможного в речи (учитывая их отклонение от нормы) [Дюкро 1982: 278], при рассмотрении фактического материала мы пришли к выводу, что ошибочная двусмысленность – это нарушение нормального функционирования речевых единиц, а стилистические приемы двусмысленности – его (нарушения) возможное использование, более или менее заметное в зависимости от степени отклонения от нормы. Например:

Элис: болит живот

Элис: вероятно, тому виною сожранная редиска и тугие колготки
Соммик: зря ты ела тугие колготки, зря зря зря зря..... (bashorg.ru).

В данном случае во фразе Элис допущена ошибка присоединения понятийно неоднородных зависимых членов к одному главному, в нормальном функционировании речи – явление нежелательное, но возможное, на что и указывает Соммик, фактически превращая ошибку в прием.

Ошибки, по понятным причинам, нечасто встречаются в текстах СМИ и в научной и художественной литературе, но, тем не менее, реальные сценарии ошибочного понимания речи

наиболее хорошо иллюстрируют тексты малоформатных комических жанров, в которых присутствует больше одного собеседника. Например, в комическом диалоге: – *О Хаим, если бы вы знали, как это **тяжело** – потерять жену... – Я знаю, Моня. Практически невозможно!* (www.evgbur.ru/witticism/anekdot). Другая возможность: приведение оригиналов ошибок в речи под рубрикой «Милицейский эпистолярый» или «Армейский юмор» и т.д., т.е. из социальных сфер речи, эксплуатирующих стереотип о невысоком уровне речевой культуры участников. Такие примеры хоть и используются в развлекательной функции, но отражают модели, использованные случайно или неудачно: *Муму была очень **привязанной** собачкой* (из школьного сочинения) (www.evgbur.ru/witticism/anekdot).

Для решения указанной задачи продуктивной является идея определения стилистического (риторического) приема как прагматически мотивированного и моделируемого отклонения от нормы или ее нейтрального варианта, осуществляемого в речи с целью оказания определенного воздействия на адресата, предложенная А.П. Сковородниковым и Г.А. Копниной [Сковородников, Копнина 2002]. Такое определение позволяет отказаться от намеренности как критерия разграничения приемов и ошибок, но не решает задачу в целом (ср., намеренное, но неудачное использование кавычек как маркера двусмысленного толкования: *Столичные милиционеры всерьез обеспокоены появлением на северо-востоке Москвы маньяка, грабящего женщин при помощи молотка. Жертвами «**нелюдя**», как правило, становятся женщины 40 — 60 лет, после нападения маньяк забирает у них сумочки и личные вещи. Одна из «**несчастных**» от полученных травм скончалась* (Новости мэйл.ру. 2011)). Указанное определение описывает технику стилистического приема с точки зрения коммуникатора, но не учитывает роль реципиента, так как в силу различных причин прием может как не оказать нужного воздействия на адресата, так и быть расцененным как ошибка. В большинстве случаев языковая интуиция помогает определить прагматическую мотивированность и эффективность того или иного приема и отличить его от ошибки. Рассмотрим, например, такое высказывание директора рекламного агентства в журнале: *"Наша политика – максимально **сокращать сроки и бюджеты** клиента, давая оптимальные предложения по размещению и организации рекламных кампаний от самых маленьких до мультимиллионных"*. Название журнала «Деловой квартал» и продолжение текста исключают юмористические намерения высказывающегося.

Неудачность некоторых рекламных слоганов (намеренно эксплуатирующих двусмысленность) наглядно иллюстрируется авторами следующих демотиваторов (интернет-жанра, состоящего в контаминации изображения с комментарием, помещенным на черном поле):

Рассмотрим также, например, диалог в аське, иллюстрирующий ошибочную двусмысленность:

Vova: А я не понимаю, зачем электро-механику философия, социология, религиоведство, психология, педагогика и правозащитное?

lovesun: как зачем? А кругозор!

lovesun: я б еще живопись и культурологию добавила.

*Vova: Культурология у нас была на втором курсе. Вместо живописи у нас была инженерная графика. **Кругозора** не было и надеюсь, что не будет (www.bash.im) – один из собеседников считает кругозор названием учебной дисциплины.*

Если подобные высказывания и вызывают улыбку, то скорее ироническую. В то же время подобные явления в других случаях рассматриваются как прагматически мотивированные и выполняющие определенную функцию (как правило, развлекательную). Например, забавная интерпретация потенциально двусмысленной фразы:

*xxx: тут по радио: "Водитель, не пропустивший **пешехода на зебре**, рискует заплатить штраф в размере 1000 руб."*

xxx: во-первых, это не пешеход, а наездник (www.bash.im/quote/403314),

или основанный на двусмысленности анекдот: Петька вбегает в штаб и кричит:

*– Василий Иванович! **Белые** в лесу! Чапаев солидно отвечает: – Не время, Петька, грибы собирать (анекдот).*

Таким образом, видно, что только прагматическая мотивированность и эффективность отличают прием от ошибки. Соответственно, контекст и, шире, дискурс являются определяющими факторами при квалификации различных лингвистических явлений. Здесь применим также критерий оправданности явления, в нашем случае двусмысленности,

художественным замыслом (предполагающий учет специфики творчества писателя, жанровой формы произведения, принадлежности высказывания речи персонажа в художественном произведении и т.д.) [Дюкро 2013: 151].

В связи с этим актуальной является проблема различения приемов и ошибок, так как не всегда сразу ясно, специально ли используется двусмысленность или это просто нежелательная неоднозначность. Например: *Новая выставка живописных работ Анатолия Чехлова экспонируется в Шушенской школе искусств* (Красноярский рабочий 1991. № 3). Использование в данном контексте определения *живописный* может восприниматься двояко (хотя их и нельзя назвать равноправными). При этом важно отметить, что не всякая преднамеренная двусмысленность удачна и не всякая случайная – плоха. Например, следующие образцы намеренного создания двусмысленности вряд ли можно назвать очень удачными: *Любители паниковать вспомнили, что есть же еще Красноярская ГЭС, и вот уж если она упадет, то.... В ход пошли расчеты сроков бегства из центральных районов в места скопления деревьев и камней, а также карты затопления города с немногочисленными островками суши, саими и роллов* (журнал ВЫБИРАЙ № 21(180) 2010) или реклама магазина «Техносила»: *Техносила: у нас все получают!*, в то время как некоторые примеры случайной двусмысленности могут оказаться весьма забавными: *<МонголШуудан> Сааб 9-3 Аэро – автомобиль, который способен ехать быстрее, чем вы думаете. Интересно, ЧЕМ думал автор фразы? <shatterOMG> он американец <Zeld> Скорее эстонец....* (bash.im).

Кроме того, в некоторых случаях различение приема/ошибки не является релевантным. Например, в «Песне о вещем Олеге» читаем: *И вскрикнул внезапно ужаленный князь* (А.С. Пушкин). Двусмысленность этой фразы снималась бы при декламировании, если бы было известно, что имел в виду автор. Выбор одного из пониманий практически не изменяет общего смысла текста, что обусловлено легкой степенью двусмысленности. Так как стилистическая функция такого употребления неочевидна, то мы не можем назвать это приемом, но и ошибочным его назвать нельзя (очевидно, что автор при декламировании избирал какой-то один вариант и тем самым разрешал потенциальную двусмысленность).

Проведенный анализ показал, что не вполне оправданно выделять отдельно механизмы создания ошибки и приема, так как различает их только наличие интенции и результат воздействия. В связи с такой «зыбкостью» границ между приемом и ошибкой нельзя признать удачным выделение сугубо отрицательных или сугубо положительно оцениваемых языковых явлений. Полагаем, что не существует таких языковых явлений, которые представляют собой только ошибку и не могут в определенных условиях получить статус приема [Мурзин 1989]. Считаем, что множество явлений языка и речи в зависимости от совокупности нескольких

факторов: интенции адресанта, особенностей восприятия адресата, контекста и внеречевой ситуации – могут рассматриваться и как речевой недочет, и как стилистический прием.

В результате анализа нескольких механизмов создания приемов двусмысленности (связанной с омонимией падежных форм, с порядком слов или с неправильным фразовым ударением) были выделены пары «прием-ошибка», что подтверждает мысль о принципиальной возможности подобрать такие пары для всех существующих механизмов создания двусмысленности. Например, амфиболия: *Обрыв проходит всегда по самому интересному месту, и если узнаешь из кусочка газеты, как зал аплодисментами встретил **товарищей такого-то** и **такого-то**, начинаешь думать, что эти двое — очень крутые люди, раз даже их товарищей специально встречают какими-то аплодисментами* (В. Пелевин. Желтая стрела) – синтаксическая двусмысленность выполняет в данном случае эстетическое задание и является приемом; *Защита **сбитой машиной** **Анны Шавенковой** обжалует приговор* (http://rapsinews.ru/judicial_news/20110311/252011206.html) – ошибочное построение фразы в новостном заголовке затрудняет понимание, кто же кого сбил; Два примера диалогии: *Людмила Гурченко установила новый олимпийский рекорд: она **подтянулась** 55 раз* (Комсомольская правда. 26.05-05.06. 2006) – стилистический прием в развлекательной функции; *Офицеры и курсанты учебного военного центра СФУ прошлой весной провели поисковую работу: **убрали** братские могилы солдат, облагородили захоронения, а в архивных данных обнаружили 93 фамилии воинов, умерших от ран в эвакуационных госпиталях Красноярска, ранее нигде не числившихся* (АиФ. 2011. №7) – ошибка: неясно, что автор подразумевал под словом «убрали» – почистили или перезахоронили останки воинов индивидуально.

Итак, любой стилистический прием в случае неэффективного употребления становится ошибкой. Для упрощения терминологии кажется разумным давать названия только приемам (вернее, самим общепринятым моделям языковой трансформации, отклонениям от нормы).

Одним из способов различения ошибки и приема может быть установление жанра, в котором встречено явление, и определение его функций, обусловленных жанром, так как существует явный жанровый и функциональный детерминизм: в качестве стилистического средства двусмысленность используется в основном в художественных текстах и малоформатных комических жанрах, выполняя функции развлекательную и эстетическую. В текстах же научного, официального-делового стиля подобные явления преимущественно являются ошибкой в силу своей неуместности. Но безошибочно определить тонкую грань между ошибкой и приемом поможет лишь отличное знание языка и развитой языковой вкус.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

В русском языке существует множество механизмов порождения двусмысленности, зависящих в том числе от особенностей его грамматического строя, при этом роль контекста, который может не только разрешать двусмысленность, но и создавать ее, является главенствующей. Некоторые из выявленных механизмов порождения двусмысленности могут создать двусмысленность лишь на письме, другие – только в устной речи, третьи являются универсальными.

Механизмами порождения двусмысленности являются лексическая, грамматическая и контекстуальная полисемия, лексическая и синтаксическая омонимия, антонимия, контекстуальная антонимия и контекстуальная синонимия, синкретизм, неопределенность, анафора, дейксис, прагматическая рассогласованность, альтернативное фонологическое членение фразы.

Указанные механизмы более или менее частотно используются в основе моделей двусмысленности, способных функционировать в качестве стилистических приемов, которые мы определяем, как прагматически мотивированные, моделируемые, отклоняющиеся от нормы использования любых языковых средств для создания определенного эффекта, достижения определенных коммуникативных целей.

Исследователи не отмечают как возможный механизм порождения двусмысленности ни контекстуальную полисемию, ни контекстуальную антонимию, встреченные в нашем корпусе, при этом среди исследованных двусмысленных речевых единиц очень редки приемы, основанные на грамматической полисемии (всего 38 случаев), и всего 1 прием, связанный с омонимией аббревиатур. При этом более 53 % всех двусмысленных речевых высказываний основаны на полисемии. Это говорит о том, что не все теоретически возможные механизмы порождения двусмысленности в русском языке активно используются для создания стилистических приемов.

Так как механизмы создания приемов и ошибок тождественны, мы считаем оправданным не стремиться к бинарной системе именовании ошибок/приемов, а номинировать лишь модель того или иного приема/ошибки, допуская, что одно и то же явление может функционировать и как стилистический прием, и как ошибка в зависимости от совокупности факторов, например, интенции адресанта, особенностей восприятия адресата, контекста и внеречевой ситуации. Следовательно, механизмов создания двусмысленности, с помощью которых возможно порождение лишь ошибок, не существует, а одним из важнейших критериев определения статуса того или иного двусмысленного высказывания (прием или ошибка) является его контекстуальная уместность.

Порождение двусмысленности зависит от совпадения нескольких параметров: соответствующего контекста, модели двусмысленности и релевантных для данной модели языковых единиц, то есть сама по себе модель (схема), будучи наполненной конкретными речевыми единицами, не способствующими порождению двусмысленности, и помещенная в контекст, снимающий всякую возможность иной интерпретации, двусмысленной не будет.

В результате анализа специальной литературы и конкретного речевого материала были выявлены, охарактеризованы и дефинированы следующие стилистические приемы двусмысленности: диалогия, амфиболия, антанаклаза (разделяющаяся на диафору и плоку), буквализация метафоры, антифразис, астеизм, зевгма.

ГЛАВА III. ТИПОЛОГИЯ ДВУСМЫСЛЕННЫХ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Для типологизирования двусмысленных речевых единиц, как и любого другого явления, необходимо вначале определить все его основания и возможные типы. Ключевые основания и выделенные на их базе типы были представлены в предыдущих главах, но понятие стилистической функции неразрывно связано с идеей функционирования и логично встраивается именно в данный раздел. Поэтому в данной главе речь идет вначале о понятии стилистического приема, его функциях, как одном из оснований для типологизирования, а также представлены предварительно выявленные функции стилистических приемов двусмысленности, а потом уже предложена комплексная типология двусмысленных речевых единиц, включающая в себя и такое основание как прагмастилистическая функция.

3.1. Основные прагмастилистические функции приемов двусмысленности

Если понимать функцию «каузально» как зависимость, то функция приемов двусмысленности – быть выражением двусмысленности, которая, в свою очередь, служит для создания комического эффекта, для создания образности и некоторых других целей. Мы опираемся на толкование телеологическое, которое трактует функцию с точки зрения значения, функционирования, т.е. особенностей существования в определенных условиях с определенной целью (см. о различных пониманиях функции [Бернацкая 2008: 16]). Еще А.М. Пешковский отмечал, что «стилевая сторона речи добавочна по отношению к основной целевой установке автора» [Купина, Матвеева 2013: 319].

Таким образом, функциональность в данном исследовании понимается как «достижение определенной цели, решение определенной внеречевой задачи» [Леонтьев 2001: 215]. А так как речь всегда «ситуативно привязана» [Звегинцев 1973: 238], то любое изучение речи является в некотором смысле прагматическим, то есть к языковым координатам – семантике и синтактике – изучение речи добавляет еще и прагматику. Прагматика в этой концепции устанавливает, каковы цели и результаты использования языка в человеческой деятельности, а семантика – каковы значения выражений (J. Sadock, J. Morgan). Кроме того, нам близко деление Дж. Личем языка на две подсистемы: структурную (грамматика в широком смысле) и акциональную (прагматика), где именно ко второй подсистеме относится собственно функциональность (см. также работы О. Дюкро по «интегрированной прагматике»). Таким образом, в данном исследовании, говоря о функционировании двусмысленных речевых единиц, уместно использовать понятие прагмастилистической функции, предложенное Н.Н. Акуловой:

«стилистически (функционально и экспрессивно) значимая роль, выполняемая этой единицей для достижения поставленной цели в той или иной речевой ситуации» [Акулова 2013].

Употребление любого языкового средства детерминировано языковой функцией. Быть функционально обусловленным – значит служить определенным целям, хотя функция и не равна цели, т.к. несколько функций могут преследовать одну цель. Например, функции привлечения внимания и эстетическая преследуют цель обратить внимание реципиента в первую очередь на саму форму высказывания.

С одной стороны, функции любого средства выразительности, в том числе и приемов двусмысленности, обусловлены функцией самого текста, в котором находится явление (до XIX века существовало еще более строгая зависимость языка от жанра, после Пушкина язык коррелирует уже не столько с формой текста, сколько с содержанием). В пользу этого положения выступает тот факт, что функции приема вне широкого контекста не всегда возможно определить. Кроме того, возможно выявить закономерность использования того или иного приема в текстах той или иной направленности. Например, в текстах рекламы у приемов двусмысленности функция привлечения внимания доминирует. С другой стороны, фактический материал показывает отступления от данного положения. Вероятно, здесь не может быть однозначного решения: корреляция функции и типа текста между собой несомненна, но в то же время она не имеет статуса закона.

Примем за аксиому (в некоторой степени упрощая реальность), что «значения, которые можно извлечь из определенного содержания, соответствуют значениям, которые говорящий или пишущий «вложил» в свой текст, и тем значениям, которые получатель слышит или читает» [Тичер, Мейер и др. 2009: 23].

В научной литературе встречаются многочисленные перечни функций, приписываемых стилистическим приемам вообще и приемам двусмысленности в частности, например: текстообразующая, жанрообразующая, смыслогенерирующая, контактоустанавливающая, актуально-выделительная, характеризующая, персуазивная, информативная, функции разъяснения, критики, акцентирования внимания, призыва, языковой экономии и др. «Перечислить все существующие стилистические функции в принципе невозможно, поскольку путей решения коммуникативных задач очень много...» [Щербаков 2006: 102], кроме того, все стилистические приемы выполняют эти функции в большей или меньшей степени, но выделить основные, характерные для нашего предмета исследования, представляется вполне возможным. Начнем с базовых функций, общих для всех стилистических приемов двусмысленности.

«Организирующий признак искусства, которым последнее отличается от других семиологических структур – это направленность не на означаемое, а на сам знак» (Тезисы

Пражского лингвистического кружка). В практической коммуникации актуализация на плане выражения избыточна. Когда же мы сталкиваемся с противоречием, с возможностью выбора, с каким-либо затруднением интерпретации, то начинаем видеть и сам знак. «Поэтическая функция состоит именно в этом усилии “возместить”, пусть и иллюзорно, произвольность знака, мотивировать язык» [Женетт 1998, I: 355]. «Эстетическое отношение к языку проявляется в том, что говорящие начинают замечать сам текст, его звуковую и словесную фактуру. Отдельное слово, оборот, фраза начинает нравиться или не нравиться, восхищать своей ладностью, точностью, глубокой осмысленностью, красотой. Эстетическое отношение к языку, таким образом, означает, что речь (именно сама речь, а не то, о чем сообщается) может восприниматься как прекрасное или безобразное, т.е. как эстетический объект» [Мечковская 2000: 21–22].

Л.В. Щерба и Р. Якобсон связывали с выполнением данной функции все выразительные средства языка. Так как в речи мы воспринимаем смысл знака, лишь переставая воспринимать сам знак [Степанов 1975], то основная цель большинства стилистических приемов заключается в переносе акцента на сам знак, то есть возвращении от смысла к форме, в реализации вышеупомянутой поэтической, или эстетической, функции. Особенно это заметно в процессе чтения, так как чтение – процесс в значительной мере автоматизированный, который нередко осуществляется как процесс «узнавания» смысла без вчитывания в собственно слова, когда большее внимание уделяется содержанию, нежели форме (поэтому мы способны читать тексты с множеством опечаток, например). Двусмысленность в большинстве случаев снимает автоматизм восприятия, порождая экспрессию. На этом зиждется одна из характерных черт языка СМИ – «жажда, поиск экспрессии» [Солганик 2012: 145], что сближает в настоящее время тексты художественные и медийные. Так как основной сферой реализации приемов двусмысленности являются именно медиа- и художественные тексты, то базовыми функциями стилистических приемов двусмысленности можно назвать эстетическую и креативную.

Под эстетической функцией мы понимаем, вслед за Н. Мечковской, способность обращать внимание адресата на речевую единицу как на эстетический объект, т.е. вызывать эстетический эффект. Важно, что эстетический эффект можно получить и от случайной двусмысленности, но в подавляющем большинстве случаев случайное (читай – ошибочное) употребление становится стилистически оправданным лишь во вторичном тексте, ретранслирующем изначальный речевой акт, поэтому в данном исследовании мы подобные, первичные, случаи рассматривать не будем.

Креативная функция стилистического приема – служить средством словесного творчества для создания единиц, обладающих эстетической значимостью. Подобное творчество

возможно в любой сфере языка, хотя именно «в художественной сфере креативность возводится в принцип» [Купина, Матвеева 2013: 299]. Креативность речи противопоставляется ее стереотипности. Креативная речевая деятельность предполагает «мотивированный отбор, сочетание языковых средств, их выдвижение, преобразование, а также создание единиц, отмеченных новизной плана выражения и/или плана содержания» [Там же: 308]

Среди работ, посвященных двусмысленности или смежным явлениям, чрезвычайно мало тех, которые хотя бы поверхностно затрагивали функциональную сторону вопроса. Например, О.Б. Пономарева считает, что двусмысленность (у нее – многозначность) выполняет три функции: когнитивную, коммуникативную и поэтическую, не конкретизируя, что именно понимается под каждой из них.

Н.Д. Голев предложил для обозначения функционирования двусмысленных высказываний использовать термин «амфиболическое функционирование», но так как очевидно, что всем приемам двусмысленности свойственна функция создания двусмысленности (это и их цель, и основная онтологическая характеристика), этот термин нами использоваться не будет.

Применительно к метафоре Е.В. Стоянова выделяет «прагматическую интерактивную функцию, проявляющуюся, с одной стороны, в сглаживании острых углов, а с другой – в снижении ответственности за сказанное» [Стоянова 2012: 82], что можно с некоторой долей абстракции применить и к стилистическим приемам двусмысленности: эта функция послужила прототипом одной из определенных нами функций – иносказательной.

На основании анализа научной литературы и имеющегося корпуса двусмысленных контекстов были выделены следующие основные (наиболее частотные) частные прагмастилистические функции приемов двусмысленности. Расположим их по частоте, от наиболее частотных к менее частотным (хотя любое деление условно, т.к. можно говорить лишь о степени проявления какой-либо функции в тексте в силу их обычной контаминированности друг с другом).

3.1.1. Развлекательная функция

Развлекательная функция – функция эмоционального удовольствия, вызванного восприятием некоего содержания, выраженного определенным образом.

Двусмысленность является идеальным средством для создания комических высказываний согласно теории В. Раскина, который полагает, что текст тогда можно назвать шуткой, когда в нем совмещается два семантических скрипта. В таких примерах двусмысленность показывает неожиданное столкновение смыслов, что рассматривается во

множестве работ как основной источник юмора (см. работы С. Аттардо, В. Раскина, В.З. Санникова и др.). Двусмысленность действительно является богатым источником юмора, особенно при опоре на акцентуацию и интонацию, широко распространены неверные интерпретации ударения или эмфазиса: *Лекция началась. Один студент опоздал. Лектор: – Почему вы опоздали? – Я участвовал в соревнованиях по ралли... Через некоторое время заходит ещё один студент. Профессор спрашивает: – Вы тоже с ралли? Студент обалдело: – Нет, я курил....* (www.anekdot.ru/id/163798/).

Отсутствие в тексте прямых указаний на наличие второго смысла, совмещение смыслов позволяет потребителю «самостоятельно» находить второй план и, благодаря этому, получать удовольствие от инсайта. Дешифровка обычно вызывает положительные эмоции, т.к. повышает самооценку реципиента, хотя в случае, если она чересчур очевидна или каким-то образом оскорбляет чувства читающего, эффект получается прямо противоположный (в связи с этим актуально рассмотрение двусмысленности с точки зрения проблемы этичного-неэтичного, в частности, изучение проблемы неэтичных ассоциаций (намёков)).

Но, в то же время, нельзя считать двусмысленные высказывания сугубо развлекательными, это лишь одна из функций, хотя и самая частотная (24, 8 %, или 623 случая). Частотность примеров, выполняющих развлекательную функцию, связана, особенно в текстах медиасферы, с популярным заблуждением относительно того, что все развлекательное – эффективно.

Такое функционирование приемов двусмысленности дает «позитивные эмоции от проникновения в суть комического – оно приносит удовлетворение слушающему, обнаруживающему в себе способность заглядывать за пределы поверхностного и ожидаемого, “вычислять” пресуппозиции персонажей, понимать суть по (тонкому) намеку» [Голев 2000].

Развлекательная функция реализуется в шутках, построенных на обыгрывании двусмысленных высказываний, причем в некоторых случаях, это фразы, вырванные из контекста и в своем обычном окружении совершенно однозначные. Например, вырванная из контекста строчка А.С. Пушкина «*Души прекрасные порывы!*» обыгрывается следующим образом «*Душу прекрасные порывы, как завещал великий Пушкин. Ах, знали б вы, как некрасивы задушенных порывов тушки*». Развлекательность может реализовываться и в креолизованных текстах, представляющих собой иллюстрированные тексты, где двусмысленность реализуется именно в сочетании двух фактур: вербальной и невербальной. Например: на рисунке изображены юноша, джин и корова. Сопровождающий его текст: *Ты же сам просил телку с большими сиськами и длинными ногами!* (Комок. 2006. № 44).

Связывание несвязываемых понятий, как правило, происходящее при нарушении логического закона тождества, может порождать обманутое ожидание: «Всякое противоречие есть источник комического и смешного» (В.Г. Белинский). Комичное всегда смешно, а вот смешное не всегда комично. Кроме того, комическое «имеет социальный и общественный смысл, связано с утверждением положительного эстетического идеала» (Философская энциклопедия. Т.2. М.: Советская энциклопедия, 1962: 573), поэтому развлекательную функцию мы понимаем шире, чем функцию создания смешного, но, в то же время, отграничиваем ее от функции оценочной, где за шуткой может скрываться высмеивание и, соответственно, выражение своего отношения к объекту насмешки.

Развлекательная функция реализуется в двух ипостасях: для развлечения публики ради развлечения, в качестве бонуса к основному содержанию представленного текста, или с некоей прагматической целью, в последнем случае сближаясь с оценочной и иносказательной функциями.

3.1.2. Textoобразующая функция

Текстообразующая функция – функция служить основным организующим признаком текста.

Эта функция реализуется в подавляющем большинстве случаев в малоформатных комических (хотя изредка встречается и не в комических) жанрах, где стилистические приемы двусмысленности являются базой и организуют весь текст: важность не только плана содержания, но и плана выражения таких жанров проявляется в сложностях их перевода с одного языка на другой. Наличие этой функции легко верифицировать: при изъятии приема двусмысленности такие тексты подвергаются разной степени разрушениям. Например, если в следующем анекдоте заменить в последней реплике слово «стрелы» словом «патроны», пропадет неоднозначность глагола «стрелять» и, соответственно, пропадет не только двусмысленность, но весь анекдот (так как он невозможен без юмора): *Однажды два чукчи заблудились в тайге. Один говорит: – Когда русские заблудятся, они **стреляют** в воздух. Так что – стреляй. Второй чукча стал стрелять. Стрелял, стрелял и перестал. – Ты что стрелять перестал? – А у меня стрелы кончились!*

Следует заметить, что текстообразующая функция двусмысленности может быть связана с понятием эффективности и «времени жизни» семантической двуплановости. Другими словами, существуют контексты, двусмысленность которых временна. Как только у адресантов исчезают коннотации, приводящие к проявлению второго значения, рассыпается и смысл фразы. Например: – *Почему на Кавказе все время идут войны? – Так представляете, сколько*

там горцев – а в живых должен остаться только один! (СГ. 2002. № 172) – аллюзия на сериал «Горец», популярный узкий период времени и у ограниченной аудитории: – *Дневальный, объяви построение в коридоре. – Товарищ прапорщик, а нам как строиться – в х/б или в парадной?* – Я же сказал: *построение в коридоре!* (анекдот) – обыгрывается устаревшее, сохранившееся лишь у жителей Санкт-Петербурга именование подъезда парадной, известное далеко не всем носителям русского языка.

Способность воспринять эти шутки в некоторой степени характеризует читающего. Несоответствие культурных и семиотических фонов коммуникантов может привести к разрушению смысла текста, когда он останется непонятым, что, следовательно, вызовет коммуникативный сбой.

Итак, текстообразующая функция является частотной (на втором месте после развлекательной) в связи с тяготением приемов двусмысленности к использованию в малоформатных комических жанрах в медиасфере и сфере художественной литературы (хотя и может организовывать тексты широкого жанрового диапазона, см., например рассказ «Ника» В. Пелевина).

3.1.3. Оценочно-характеризующая функция

Оценочно-характеризующая функция – функция речевой характеристики или оценки объекта. Данная функция опирается на «суггестивность слова, т.е. его способность внушать определенные представления» [Купина, Матвеева 2013: 307]. Особенно активно она эксплуатируется в медиатекстах, так как их задача в настоящее время не столько информирование, сколько воздействие на ценностные установки людей. Такое воздействие осуществляется путем авторского оценивания всего описываемого. Нередко ироническое отношение автора информационного материала к событию или лицу, их высмеивание, формирует у реципиентов подобное отношение к объекту речи, принижает их в глазах публики и заодно формирует определенный образ журналиста.

Если согласиться, что сарказм – «гневная, язвительная ирония, исключаящая двусмысленное толкование» [Русова 2004: 208], то примеры с сарказмом не могут быть двусмысленными. Рассмотрим имеющиеся в картотеке случаи язвительной иронии: *Между тем всем российским служащим правопорядка, включая министра внутренних дел Рашида Нургалиева (в противном случае он обязательно поправил бы своих подчиненных), давно известно о существовании не только швейцарского, но и бельгийского, австрийского, американского, австралийского и люксембургского языков* (Комок. 2006 №37); *А уж*

тогдашние ведущие журналисты типа Киселева были так **честны и стыдливы**, что по сей день плачут по ним Рост и ему подобные (Завтра. 2006. №48). Это примеры антифразиса, основанного на контекстуальной антонимии. В данных примерах механизмы двусмысленности очевидны, как и отношение авторов текстов к описываемому. Неоднозначность отношения, в отличие от двусмысленности формы, здесь действительно практически нивелирована, то есть сарказм совершенно недвусмыслен, в отличие от двусмысленности высказывания, его репрезентирующего. Следовательно, сарказм вполне может быть двусмысленным, если речь идет о двусмысленности речевого выражения при недвусмысленном осмеянии кого или чего-либо.

Цель автора анекдота – не только доставить удовольствие слушателю и, тем самым, получить его самому, но и, зачастую, выразить свое отношение к затронутой теме (анекдоты, как правило, ситуативны), к героям анекдота и т.д. Двусмысленность является одним из основных источников иронии¹⁴ [Рефа 1982]. «На протяжении семидесяти лет существования тоталитарного государства анекдот был своего рода клапаном, который позволял хотя бы частично ослабить идеологический пресс, давал выход стихийному протесту народных масс. В определенном смысле юмор компенсировал отсутствие возможных свобод» [Иссерс, Кузьмина 2000: 143].

Оценочно-характеризирующая функция имеет две основных разновидности: она направлена, как правило, либо на субъект, которому приписывается двусмысленное высказывание, либо на объект, который характеризуется двусмысленным высказыванием.

В первом случае эта функция характеризует речь людей с необычным взглядом на мир и язык: детей, иностранцев, персонажей-животных, и отражает процесс освоения ими языка, их наивный взгляд на мир: – *Нарния родилась, – сказал лев, – теперь мы должны беречь ее. Я хочу позвать кое-кого из вас на совет. Подойдите сюда, главный карлик, и ты, речной бог, и ты, дуб, и ты, филин, и вы, оба ворона, и ты, слон. Нам надо посоветоваться. Ибо хотя этому миру еще нет пяти часов от роду, в него уже проникло зло. Создания, которых позвал лев, подошли к нему, и все они побрели в сторону, на восток. А остальные принялись на все лады тараторить: — Что это такое проникло в мир? Лазло? Кто это такой? Клозло? А это что такое? (К.С. Льюис. Нарния); Ужасно это нравится Алексею Петровичу! Он широко смеется, обнажая желтые зубы, радуется, топает ногой.*

То как зверь она завоет,

То заплачет, как дитя!

¹⁴ «La ironía también tiene en la ambigüedad una de las más ricas fuentes de inspiración»

Так вот слова до конца дойдут - и назад поворачивают, снова дойдут - и снова поворачивают.

***Бурям, глюю, небак, роем,
Вихрись, нежны, екру, тя!
Токаг, зверя, наза, воем,
Тоза, плачет, кагди, тя!***

Очень хорошо! Вот так она завоет: у-у-у-у!

– *Тише, тише, Алексей, успокойся!* (Т. Толстая. Ночь); *Взгляд Наташи упирался в огромный живот знакомой цыганки - этот живот был одинаково велик и на май, и на ноябрь. Наташа думала, что тетя больна страшной неизлечимой болезнью, но няня сказала, поджав губы, что цыганка опять **ждет** ребенка. Наташа представляла себе, как она его **ждет** – простаивая часами у окна или выходя вечерами на развилку дорог* (Т. Толстая. Быть как все).

Оценочно-характеризующая функция реализуется в описаниях носителей языка, обладающих низкой речевой культурой: *Мышка по своему обыкновению, держит на коленях книгу; Никич (старый малообразованный рабочий, не имеющий привычки шутить. – М.Ю.) молча забирает у нее эту книгу и строго говорит: – Пей чай с пирогами, а не с книгой* (В. Осеева. Динка); *За что же вы вредите мне на каждом шагу? Что я сделал вам дурного, скажите бога ради? Я и жена изо всех сил стараемся жить с вами в мире и согласии, мы помогаем крестьянам, как можем. Жена моя добрая, сердечная женщина, она не отказывает в помощи, это ее мечта быть полезной вам и вашим детям. Вы же за добро платите нам злом. Вы несправедливы, братцы. Подумайте об этом. Убедительно прошу вас, подумайте. Мы относимся к вам по-человечески, **платите и вы нам тою же монетою.***

Повернулся и ушел. Мужики постояли еще немного, надели шапки и пошли. Родион, который понимал то, что ему говорили, не так, как нужно, а всегда как-то по-своему, вздохнул и сказал:

— *Платить надо. **Платите**, говорит, братцы, **монетой**...*

— *По дороге около Никитовой гречи того... инженер с собачкой... — начал Родион, отдохнув, почесывая себе бока и локти. — Платить, говорит, надо... Монетой, говорит... Монетой не монетой, а уж по гривеннику со двора надо бы. Уж очень обижаем барина. Жалко мне... (А.П. Чехов).*

Во втором случае, реализация данной функции служит для представления объекта с какой-либо стороны, чаще всего отрицательной, с целью внушить какие-либо мысли по поводу характеризуемого объекта, вызвать какое-либо к нему отношение. Например: *Его объявили в*

*розыск летом 95-го – отряд Басаева прошел маршем Ставрополье, захватив роддом в Буденновске, где **храбрые** чеченские воины прятались за юбки беременных* (Комок. 2006. № 28).

Выделяется также инвективная функция языка, которая «непосредственно связана с оценочными высказываниями» [Чернышова 2012: 106]. Инвективность в медиасфере является причиной все возрастающей эфемистичности: «Оценочность в языке масс-медиа постепенно переходит из эксплицитного формата в имплицитный» [Стоянова 2012: 81]. В статье, посвященной лингвистической этике, Т.И. Сурикова пишет о грамматическом явлении безличности, которое «часто оценивается как грамматическая лазейка для ухода от ответственности в языковой, точнее коммуникативной картине» [Сурикова 2012: 137], подобным же средством «снятия ответственности» является и двусмысленность. В данном случае оценочно-характеризующая функция сближается с иносказательной. Например, в социальной рекламе, пропагандирующей здоровый образ жизни и занятия спортом слоган «Бей по чуркам!» может быть воспринят как экстремистский, но авторы этого текста защищены, ведь они рекламируют игру в городки и с точки зрения официальной лингвистической экспертизы совершенно «чисты». Восприятие же негативного смысла – целиком плод «испорченного» мышления отдельных индивидов. Этот пример иллюстрирует случаи, когда альтернативный смысл затмевает основной (по мнению создателей, конечно), что включает «зеленый свет» подобным недобросовестным рекламистам, готовым на все ради воздействия на аудиторию.

В анекдотах – чужими словами, прикрываясь смехом, можно высмеять кого-либо, показать свое отношение (Ср. анекдоты про военных, хохлов, евреев, эстонцев и т.д.), оставляя себе «дорогу к отступлению»: В этом случае мнение как бы приписывается автору шутки, а не говорящему, который «просто» передал ее содержание, не подтверждая и не отвергая солидарности с мнением автора. В этом случае, как правило, используется открытая ссылка на источник или указание авторства для снятия с себя ответственности. Например: *Несколько лет назад полковникам перестали выдавать папахи. Возмущенные этим фактом военные чины потребовали разъяснения. На что им резонно заметили, что нет смысла снимать шкуру с одних **баранов** и надевать ее на других* (анекдот).

Оценочно-характеризующая функция имеет, таким образом, несколько основных типов: та, которая формирует определенный, необходимый адресанту, образ у оцениваемого объекта путем либо приписывания ему двусмысленной фразы, либо его описания с использованием двусмысленности, причем последний тип может быть реализован как через слова автора, так и использованием чужой речи.

3.1.4. Функция привлечения внимания

Функция привлечения внимания – функция выделения текста или языковой структуры на общем контекстуальном фоне.

«Одной из важнейших интенций в современной сфере массовой коммуникации является стремление привлечь как можно более широкую аудиторию для восприятия сообщения» [Семенец 2012: 46]. Двусмысленность – один из приемов интимизации диалоговых отношений, так как реципиент в процессе отгадывания смыслов становится соавтором коммуникативного процесса, включаясь в двустороннюю коммуникацию. Создатель рекламы как бы передает код для потребителей, рассчитывая, что читающий обладает определенным интеллектуальным уровнем и набором фоновых знаний, которые позволят ему понять закодированное послание. Человек же устроен таким образом, что «дешифровка», повышая самооценку, вызывает у него положительные эмоции и способствует закреплению в памяти рекламного образа. Кроме того, функция привлечения внимания проявляется в том, что двусмысленность замедляет скорость чтения, снимая автоматизм восприятия, что является способом воздействия в медиатекстах, особенно рекламного характера. В рекламе все стилистические приемы, по сути, выполняют функцию привлечения внимания. Такие тексты характеризуются предназначенностью для массовой аудитории, как правило, неспособной критически оценивать информацию: *По четвергам: БИТВА ПО LOVE / самое нескромное шоу про любовь* (Щитовая реклама бара «XXX»); *И дым отечества... нам вреден и опасен* (Красноярский комсомолец. 2008. № 1). Для этой сферы характерно сокращение стилистической дистанции с разговорной речью. Например: *Запарья (найди себе пару, и звоните друг другу по центру)* (Реклама ЕТК GSM-MAX).

Мы привыкли к эмоциям «через край», стандартное кажется нам уже скучным: «около 80% читателей сегодня уделяют внимание только заголовкам» [Уманцева 1997: 16]. Чем мощнее (чем чаще повторяется) информационный поток, тем сильнее рекламная функция заголовка: особенно она сильна в Интернете, что связано с нелинейностью текстов в нем. Если заголовок «не зацепил», то материал останется в большинстве случаев непрочитанным, поэтому рекламность, сенсационность заголовков иногда бывает мало связана с реальным содержанием текста, что все чаще вызывает досаду читателей и заставляет еще меньше полагаться на содержание заголовков. На этом строится известный прием обманутого ожидания, использующий предвосхищение продолжения высказывания. Меньше слов – больше смысла; в известное содержание – новый смысл. В случае с заголовками реализуется эффект обманутого содержания: *Ельцин нищает на глазах* (Комок. 2006. № 46) – заголовок статьи о незначительном снижении немаленькой пенсии бывшего президента; *Возвращение вождя* (Красноярский рабочий. 2009. №2 (25734)) – заголовок статьи о возвращении статуи Ленина с

реставрации. Ср. англоязычные двусмысленные заголовки: http://www.alt.aasn.au/events/altss_w2003_proc/altss/courses/somers/headlines.htm.

Еще одной областью реализации данной функции являются креолизованные тексты: приемы двусмысленности нередки в текстах иллюстраций и в слоганах, сопровождающихся какими-либо изображениями. В таких случаях внимание привлекается за счет некоего несоответствия изображения и текста. Например: *Цены ниже* [реклама фирмы «Сибвез»: нарисован поющий мужчина, слова написаны на нотной линейке сверху вниз] (КП, 16-23 марта 2006).

Интересны случаи, когда пишущий, употребляя слово, учитывает его значения и подчеркивает разницу между ними, чем и привлекает внимание читателя – это случаи так называемого авторского разрешения двусмысленности. Например: *Впрочем, обо всем этом вы узнаете из газеты, что держите сейчас в руках. И из других номеров «Красноярского рабочего», которые появятся следом. Но сможете ли при том сделать какой-либо однозначный вывод об этом пусть и не очень прекрасном, но до рези в глазах пестром и обязательно **дорогом** (естественно, не только в прямом, но и в переносном смысле) мире?* (Красноярский рабочий. 1991. №4-5 (21595-21596)).

Таким образом, можно сказать, что функция привлечения внимания реализуется преимущественно в рекламных текстах, которые привлекают внимание, нарушая автоматизм восприятия своей формой, непривычностью сочетания слов, необычностью смысловых сочетаний; в заголовках, для того чтобы заставить любой ценой прочесть материал; для привлечения внимания к отдельным участкам текста (где нередко контаминирует с функцией проявления остроумия). Приемы в функции привлечения внимания привлекают внимание не только к тексту, но и к структуре языка вообще.

3.1.5. Функция проявления остроумия

Функция проявления остроумия – функция самопрезентации адресанта как человека (или персонажа), наделенного остроумием, то есть обладающего языковым чутьем и изобретательностью.

Прежде всего, уточним понятие остроумия, используемое в работе: «Изошренность мысли, изобретательность в нахождении ярких, острых или смешных выражений, определений» [МАС 1999: 658].

В отличие от функции развлекательной, направленной на адресата, функция проявления остроумия направлена на самовыражение адресанта, с ее помощью происходит демонстрация его языковых и ментальных способностей. Она проявляется тогда, когда автор двусмысленной

фразы или ее адресат хотят проявить замеченную ими (или намеренно созданную) потенциальную двусмысленность, усилить ее. Такие примеры могут быть по-настоящему остроумными, демонстрируя с новой стороны хорошо известные нам вещи: *Истинную цену общения понимаешь, только глядя на счета за Интернет* (Комок. 2006. № 8).

Человеку свойственно переосмыслять все воспринятое, так как мы не передаем мысли, а вызываем у собеседника его собственные, связанные с предметом речи. Особенно частотны попытки переосмысления чужой речи. Даже прекрасно понимая сказанное, мы стремимся продемонстрировать свое остроумие, указав на второе возможное осмысление фразы. На этом основана еще одна разновидность данной функции – переосмысления реплик, которая в основном реализуется в контекстах, где двусмысленность разрешается (а перед этим и создается) собеседником. Например: Она: *О святая **простата!*** Он: *Э... либо тут незнание грамматики и пунктуации, либо – рождение нового религиозного культа!* (bash.im); X: *Мой одноклассник в университете собирал такую пушку буквально около месяца назад. Работала от 4 больших батареек. Стреляла гвоздями правда. Была тяжелой очень и выглядела не столь элегантно как на видео. Но преподаватель все равно был **поражен**.* Y: *куда?* (bash.im) – в этих примерах первые говорящие случайно создали потенциальную двусмысленность, которая была замечена и остроумно реализована их собеседниками.

К этому разряду можно отнести такие примеры, в которых двусмысленность создается и обыгрывается без какой-либо очевидной цели, просто для того, чтобы реципиент оценил креативные возможности автора. Такие примеры, как правило, достаточно «топорны», и при их восприятии возникает ощущение, что двусмысленность в них «притянута за уши», например в таком заголовке: ***Сударь, вы меня убиваете!*** Лид: *Десятка самых необычных убийств* (Комок. 2008. № 17); *Последнее вселит уверенность в завтрашний день – среду, которая, оправдывая эту уверенность, непременно **наступит**.* *На горло, высокими ценами* (Вечерний Красноярск. 1991. № 1). Очевидно, остроумие как явление индивидуальное имеет различные степени развитости у разных людей, чем и объясняется разница в качестве «остроумных» выражений.

Таким образом, функция проявления остроумия реализуется в нескольких основных случаях: наиболее тонкие примеры остроумия связаны с тем, что адресат, проявляя наблюдательность и языковое чутье, демонстрирует известное с новой стороны; второй тип связан с более-менее креативным переосмыслением слов собеседника; третий тип демонстрирует наименее удачные примеры игры ради игры самой по себе, нередко выглядящих довольно неуместно независимо от сферы их функционирования; встречаются примеры подобного рода и в художественной литературе: *На дочек рассчитывать особенно не*

приходилось – они страстно предавались молодой жизни, в которой было множество разных предложений, как в газете «Из рук в руки» (Л. Улицкая. Искусство жить).

3.1.6. Иносказательная функции

Иносказательная функция – функция непрямого указания на имеющийся второй смысл речевой единицы.

В медиатексте двусмысленность создает эффект обратной связи с реципиентом, эффект вовлеченности. Намек на второй смысл подразумевает, что этот второй смысл известен реципиенту. Автор как бы говорит «Ну мы-то с тобой знаем». В данном случае происходит манипулирование мнением, ведь когда цель – увидеть второй смысл, необходимость его критической интерпретации, как правило, снимается, т.е. больше внимания уделяется не содержанию, а самому факту наличия двух пониманий. Кроме того, избыточность смысла «работает» на создание информационного шума, способствующего запутыванию читателя, отключению критического восприятия окружающих его текстов. Например: *Вышла новая книга Пелевина, а вот книги Сорокина в магазинах всегда лежат **аккуратными маленькими кучками*** (Комок. 2006. № 46) – здесь автор намекает не только на непопулярность Сорокина, но и на качество его произведений, так как маленькими кучками, как правило, лежат испражнения; *И только горные пейзажи с извилистой дорогой, по которой герои «Бриллиантовой руки» ехали на рыбалку, остались нетронутыми: даже **костлявая рука Олимпиады** не поднялась на святое* (Выбирай. 2010. №21 (180). Ст. Киносъемочные площадки страны) – Олимпиада оценивается как явление негативное, отрицательно повлиявшее на сочинские пейзажи.

Следующие примеры иллюстрируют также частную разновидность иносказательной функции – эвфемистическое употребление двусмысленности: *Да еще и народная особенность сказывается – **кто празднику рад, тот накануне пьян**. Бабурин предлагает продлить этот **карнавал** на всю оставшуюся жизнь. Никакого человеколюбия. Вот если б депутат отдельной статьей закона предложил удалять соотечественникам за казенный счет одно легкое – чтобы печени было куда расти, тогда его еще можно было бы понять. Тогда мы перенесем переход и на лунный календарь. Если уж решили, что – назад, в пещеры, так надо идти до конца* (Комок. 2006. № 2); – *Идем, Лелечка, вниз. Не удалось нам с тобой побыть в тени. – Милый, когда кончится война, мы всегда-всегда будем вместе. А сейчас лучше не думать об этом. – Когда тебя нет рядом, я об этом не думаю. Я думаю о тебе, а не об **этом**. Но раз ты здесь...* (В. Шефнер. Война – сестра печали.).

Иносказательная функция очень близка и нередко контаминирует с функцией развлекательной. Например, при нежелании реагировать на чьи-то высказывания, как этого

ждет их адресант, может использоваться буквализация метафоры для перевода их в юмористическую плоскость: – *Что это лицо у тебя такое кислое?* – *А вот облизывать было не обязательно* (www.porjati.ru/jokes/47559-izbrannoe.html).

Кроме того, «шутка – сообщение чего-либо серьезного, подчас небезопасного, под видом легкой игры ума, что придает высказыванию внешне безобидный характер. Так часто подают то, что иначе сообщить просто нельзя. Она часто используется как специфический страховочный топ» [Муштук 2008: 76]. Второй «план» позволяет автору выразить свои мысли, при этом не рискуя быть за них осужденным. Поймать его за руку можно лишь хорошо разбираясь в предмете речи. При этом, будучи разоблаченным, автор может сказать, что второй смысл случаен. Недаром говорят, что в каждой шутке есть доля шутки: *О. Морозов, 1-й вице-спикер Госдумы: «Пока многие депутаты понимают ситуацию через обменный пункт. А хотелось бы послушать ответ профессионалов, чтобы понять стратегию государства».* [комментарий] *Что, молчат профессионалы? Значит, ещё циферки над окошечком меняют. И вообще: давно пора привыкнуть, что во времена нестабильности в России всё делается через... обменник!* (АиФ. 2009. № 6) – аллюзия на широкоизвестную фразу о том, что в России все делается через ж... .

Маркером иносказательной функции в письменной речи выступают преимущественно кавычки. Они очень частотны в текстах, представляющих собой образцы тоталитарного языка: «Кавычки выполняли также очень специфическую функцию подстраховки автора текста: как бы меня не поняли превратно, как бы чего не вышло. Закавычивались газетные метафоры: “второй хлеб”, “королева полей”. Вдруг читатель поймет буквально? Закавычивалось ироническое словоупотребление: “солидная” газета, новая “конституция”. Вдруг читатель не поймет иронии? <...> Рухнула советская идеология, и кавычки незаметно исчезли со страниц обновленных газет. Следы старой болезни можно встретить у журналистов старшего поколения. Молодежь от нее свободна» [Беззубов 1997]. Утверждение о том, что кавычки не характерны для постсоветской прессы, кажется в настоящее время не вполне верным. Ср.: *Вячеслав Колосков нанес визит в администрацию президента, после чего принял решение «добровольно» покинуть пост. Весьма элегантно* (Комок. 2005. № 6); *События, связанные с отставкой московского мэра, лишний раз подтвердили: чиновники видят и слышат лишь то, что им хочется видеть и слышать. На следующий же день после отставки Ю. Лужкова на головы москвичей обрушилось столько «новой» информации по поводу его «художеств» в Москве, что хоть уши затыкай* (АиФ. 2010. №41).

Одно из основных назначений двусмысленности, которое выделяют авторы работы «The puzzle of ambiguity» – возможность создавать высказывания для нескольких групп реципиентов

одновременно, когда одним предназначен один смысл, а другим – второй [Wasow et al. 2005], также является одной из частных реализаций иносказательной функции: *Степа проплатил рекламную плоскость на Рублевском шоссе, как раз в том месте, к которому выводила тропинка с его дачи. На этой плоскости поместили огромную эмблему ФСБ – щит и меч – и придуманный специалистом текст: «ЩИТ HAPPENS!»* (Пелевин В. Числа) – здесь двумя группами реципиентов являются те, кто знает английский язык, и те, кто нет (на англ. Shit – ‘дерьмо’); *Что одинокий «горец» не бессмертен, обнаружилось очень символично и вовремя. Да, охота на него [Бен Ладена], затянувшаяся на 11 лет, – позор* (Комок. 2006. №28) – фраза читается несколько иначе теми, кто знает о существовании сериала «Горец», и теми, кто его не знает.

Итак, иносказательная функция имеет несколько основных разновидностей: отвлечь внимание адресата вторым смыслом, снизив критичность восприятия текста, избежать прямого выражения своих мыслей и обезопасить себя, подстраховавшись идеей об ответственности читателя за понимание текста.

3.1.7. Функция создания образности

Функция создания образности – функция преподнесения известного с неожиданной стороны для усиления изобразительности текста с целью эстетического наслаждения адресата.

Эта функция тесно связана с функциями эстетической и креативной, являясь их общей «усиленной» реализацией среди частных функций, и сложнее в выделении, чем остальные, так как чаще выступает в роли функции дополнительной. Кроме того, она является смежной с функциями выражения остроумия и характеризующей: *Важничаящая серебробокая рыбка, возмнившая себя (и не безосновательно) золотой, сейчас лежит и глазом не ведет на ту, кто от нее глаз не отрывает, да зуб у которой неймет* (Завтра. 2006. № 48); *Я сама была свидетельницей нескольких сценок с этими нежно мной любимыми пушистыми негодьями [о котях]* (Комок. 2006. № 46) – в данном случае функция создания образности контаминирует с функцией оценочно-характеризующей.

К особенностям примеров, выполняющих эту функцию, относится желание продуцента украсить текст, хотя и в согласии с общей стилистикой контекста, то есть не нарушая, а обогащая его. Преимущественная сфера ее реализации – художественные и публицистические тексты:

– *Знаете, – сказал Андрей, – я себе сейчас представил такого огромного пьяного мужика с гармошкой, до неба ростом, но совсем тупого и зыбкого. Он на этой своей гармошке играет и поет какую-то дурную песню, уже долго-долго. А гармошка вся засаленная и*

блестит. И когда внизу это замечают, это называется отблеском высшей гармонии (В. Пелевин. Желтая стрела). Созданный героем рассказа образ гармониста позволяет на примитивном уровне объяснить непонятную фразу, опираясь, в первую очередь, на буквальное понимание абстрактного понятия с опорой на описание реальных физических объектов.

Функция создания образности не характеризуется наличием ярковыраженных разновидностей, хотя и имеет, как и другие функции приемов двусмысленности, некую градацию степеней интенсивности проявления образа. Ср.: *«Здесь, в Управлении, находился мозг всех станций, сетей, строителей, ремонтных заводов — всего сложного гигантского хозяйства системы. Сюда приезжали директора предприятий договориться о подключении нового цеха, нового дома. Домашние хозяйки хлопотали о своих счетчиках. Управхозы приходили с жалобами на плохое напряжение. Разговор происходил у дверей с надписью «Отдел приключений». Андрей понимал истинный смысл этих слов, но, посмотрев на унылого сотрудника этого отдела, улыбнулся. А жаль, что действительно не существует на свете такого отдела увлекательных, волнующих приключений!.. И вдруг эта смешная надпись как-то по-новому осветила и его приход в лабораторию и путешествие по зданию Управления. Начинались удивительные события в его жизни»* (Д. Гранин. Искатели); *Мышка осторожно просовывает в дверь свою голову. Прямые белые волосы ее рассыпаются по плечам, серые глазки смотрят озабоченно. У Мышки нежный, тоненький голосок и подвижной носик, которым она очень хорошо **чувет** всякие неприятности. Она входит бочком и старается не скрипеть дверью, потому что Катя запретила ей утешать сестренку* (В. Осеева. Динка); *Такие **складки**, оборки и жирные рюшечки носить уже не модно* (Комок №17 2008 Рубрика «У нас в гостях 13 причин, чтобы похудеть»). В первом примере дистанция между значениями слова «приключений» довольно велика, само сопоставление неожиданно и свежо, что создает совершенно противоположный ореол Управлению, демонстрируя образное мышление главного героя; во втором примере образ героини по имени Мышка дополнен с помощью довольно стандартной конструкции, представляющей собой игру на значениях полисеманта «чувать»; третий случай представляет собой попытку обыграть сходство «рельефов» тела и одежды, что не только порождает малопривлекательный образ, но и вызывает вопрос о необходимости такого сравнения.

3.1.8. Сферы и жанры функционирования приемов двусмысленности

Если ошибки, вызывающие двусмысленность высказываний, встречаются во всех сферах речи, то стилистические приемы подобного рода имеют ограниченную сферу применения. Прежде всего, они, как любое моделируемое явление, требуют больше времени на

обдумывание и построение фразы, следовательно, чаще встречаются в письменной речи. Стилистические приемы встречаются не только в книжных стилях. Письменная фактура речи не является достаточным условием успешности их порождения, необходимо еще и функциональное «совпадение» приемов и текстов-источников, поэтому основной сферой их функционирования являются художественная литература, медиасфера и ретранслированная (письменная) разговорная речь (представленная преимущественно интернет-текстами и анекдотами). Рассмотрим сферы функционирования стилистических приемов двусмысленности подробнее.

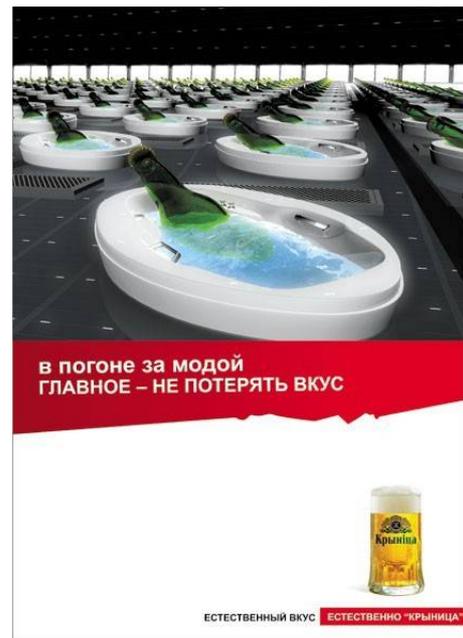
Научная и деловая речь хотя и допускают изредка наложение смыслов (скорее как исключение из правил), но, как правило, за рамки научно-популярной литературы и дипломатических текстов оно не выходит. В научно-популярных текстах двусмысленность отчасти развлекает и заставляет задуматься, взглянуть на привычное с неожиданной стороны, дипломатия же преследует цели более утилитарные – замаскировать четкую позицию или выиграть время. В юриспруденции двусмысленность может служить для достижения тех же целей, что и в дипломатии, а может быть случайной помехой, которой стараются избегать (с чем связан особый стиль изложения юридических документов).

Наиболее органично использование двусмысленности в текстах медиасферы (82,8 %), которая с трудом поддается какой-либо дифференциации: «... журналистика, пиар и реклама четко не дифференцированы, они проникают друг в друга, формируя диффузный конгломерат воздействия, направленный на массовую аудиторию» [Семенец 2012: 47]. Мысль В. Кару о том, что реклама «представляет собой сознательно организованное и планомерное применение средств воздействия на людей, направленное на достижение какой-либо цели» (цит. по [Шатин 2002: 41]) можно свободно отнести к большинству российских СМИ, поэтому рекламу мы будем считать органичной частью средств массовой информации. «Характерной чертой языка современных масс-медиа выступает эклектика стилей, жанровая и тематическая разноплановость текстов [Стоянова 2012: 81], в связи с этим, так как в цели нашего исследования не входит анализ и разграничение жанров СМИ, было осуществлено лишь приблизительное распределение примеров по основным жанрам.

В рекламе двусмысленность позволяет не только передать максимальное количество информации в минимальном контексте, но и привлечь внимание потенциальной аудитории, обеспечив продление зрительного контакта, вызвать положительные эмоции от «разгадывания» многослойности текста. Двуплановость текста делает его более запоминающимся, и, кроме того, позволяет снизить ответственность рекламодателя в случае спорного содержания дополнительного смысла: каждый видит то, что хочет видеть, «в меру своей испорченности» и

проч. «Эксплуатация языковой неоднозначности – излюбленный прием рекламы <...> “успехом” адресата рекламы как партнера в этой игре является обнаружение им обоих смыслов, одновременно присутствующих в том или ином рекламном тексте» [Зализняк 2004]. Реципиент в процессе отгадывания смыслов становится соавтором коммуникационного процесса. «Тем самым функционально реклама ближе к поэтическому тексту, чем к текстам практической коммуникации, где неоднозначность оценивается однозначно отрицательно и по возможности избегается» [Зализняк 2004].

Двусмысленность нередко встречается не только в тексте, но и в сочетании текста с изображением [Ferraz Martínez 1993; Fuchs 1994]. Невербальная двусмысленность бывает самостоятельной, без текстового сопровождения и креолизованной, представляющей собой симбиоз текста и изображения. К «чистым» видам относятся изображения. В современных СМИ, в частности, рекламе, активно используются креолизованные тексты, где двусмысленность создается сочетанием не текста и ситуации, а текста и изображения [Южанникова 2009], например, в следующих рекламных плакатах:

На стыке медиасферы и художественной сферы располагается область развлекательно-художественных жанров: как авторских, так и «фольклорных», таких как анекдоты, шутки, загадки, афоризмы и т.п. В малоформатных комических жанрах приемы двусмысленности выполняют текстообразующую функцию: *Немногие знают, что однажды Ленина арестовали на субботнике за ношение **ствола*** (Вечерний Красноярск. 2008. № 1) – «ствол» в данном случае можно понять и как ствол дерева и как жаргонное обозначение огнестрельного оружия.

Очень часто приемы двусмысленности встречаются в анекдотах, цель которых не только рассмешить адресата, но и «скрыто» высмеять что-либо, кого-либо, т.е. дать свою оценку

«чужими словами». Это подтверждается наличием постоянных сценариев (фреймов), ключевыми в которых являются языковые механизмы создания комического. «Чем чаще и легче воспроизводится какой-либо прием в единстве его формы и содержания, тем ближе он перемещается по градационной шкале «отклонение от нормы – норма» в сторону нормативности и тем быстрее закрепляется (как результат нейтрализации отклонения) в языковой системе в качестве устойчивой единицы» [Копнина 2010: 20]. Подобным образом «ведут себя» и чрезмерно продуктивные схемы создания анекдотов, которые постепенно теряют комизм и выходят из активного употребления, так как становятся предсказуемыми, уже не вызывают эффект инсайта. Наиболее интересные случаи двусмысленности встречаются в художественной литературе, так как они, преимущественно, окказиональны и предполагают некоторое усилие по осознанию задумки автора. Пример: *В николаевской России курение на улицах запрещалось: жестокость, думается, скорее противопожарная, нежели протекающая из тиранического характера режима. Из искры возгорится пламя, – полагал самодержец, не доверяя верноподданным самим затаптывать окурки, бычки и махнарики. По старой статистике, деревянная Россия полностью выгорала за 25 лет, так что смысл в запрете был* (Т. Толстая. Николаевская Америка); – *Не сказала бы, – ответила Дама с собачкой. – Это очень поверхностное наблюдение. Как если бы кто-нибудь сделал вывод, что вы любите вертеть задом из-за того, что вы сидите во вращающемся кресле* (В. Пелевин. Фокус-группа). Образец избитой темы для анекдотов, в настоящее время практически вышедшей из обихода: *Учительница младших классов: – Дети, сейчас я расскажу вам сказку: – Жила была на свете девочка... Класс хохочет. Учительница смутилась и покраснела. – Дети, ну это же сказка!* (анекдот); *Учитель физики подходит к старшеклассникам:*

– *Тут надо пол помыть. Может быть, вы, девочки...*

Те хмуро:

– *А кто здесь девочки?*

Он шарахнулся и решил поискать кого-нибудь помладше. Видит пятиклассниц.

– *Девочки, вы не могли бы...*

Те заржали:

– *А где ты тут девочек видел?*

Он в ужасе подходит к первоклашке, которая прыгает через веревочку.

– *Ну ты-то хоть девочка?*

Та подмигивает:

– *Не знаю. Вчера пьяная была* (анекдот)

Рассмотрим подробнее жанровую дифференциацию стилистических приемов двусмысленности в рамках медиасферы. В основном они используются в:

- рекламной заметке (жанр, демонстрирующий конвергенцию рекламы и публицистики – когда рекламное сообщение скрывается под обликом газетной статьи). Например: *Потеря слуха может протекать по-разному. Если вы совсем не воспринимаете речь своих сотрудников, это уже глухота. Если же вы не слышите только просьбы о повышении жалования, то это, скорее, тугоухость. И такую болезнь можно и нужно лечить, пока за вас не взялась трудовая инспекция. ...* (Рекламно-информационный журнал «Выбирай соблазны большого города». 2010. № 21 (180);

- рекламном объявлении: *Свежие впечатления* [реклама свинокомплекса Томский] (Телевизор. 2006. № 46);

- газетной/журнальной статье (наиболее естественном и распространенном жанре периодики): *Эта защищает мозг от вредного воздействия свободных радикалов и снижает риск развития болезни Альцгеймера. Корица, базилик, куркума, орегано также являются гарантом того, что старость ты встретишь с умом и в уме.* Ст. Ешь розмарин (Cosmopolitan. 09. 2010);

- сатирическом комментарии: *Р. Гениатулин, губернатор Забайкальского края: «Сегодня аппарат разросся до таких пределов, что их не было во времена, когда существовали профсоюз, комсомол и партия».*

А с другой стороны: должно же в нашей зоне рискованного земледелия хоть что-то расти опережающими темпами (АиФ. 2009. № 6);

- новостной заметке (или, иначе, новостном сообщении в печатном периодическом издании): *Банкомат зажимает деньги* [несколько банков ввели ограничение по снятию наличных денег через банкоматы] (АиФ. 2006. № 11);

- интервью (особом жанре, где публицистика объединяется с разговорной речью, хотя и стилистически обработанной): *Я как-то спросил у своего приятеля: «Почему мы историю учим, а она нас нет?»* [Ст. Борис Хасан: «Человеку мало одной жизни?»] (Красноярский комсомолец. 2005. № 2 (9205));

- малоформатных комических жанрах (пограничных для медиасферы, разговорной и художественной сфер, которые мы формально относим к медиасфере в связи с особенностями функционирования: частоте, функциональной обусловленности и др.), таких как анекдот и шутка:

- анекдот: *Продавщица в магазине, получив крупную купюру от покупателя: -Мужчина, у вас других денег не будет? -Не каркай, дура!* (Комсомольская правда. 2010. № 52 30.12–6.01);

- шутка: *Еще Пушкин говорил, что кот, когда **ходит налево**, всегда при этом сказки рассказывает...* (СГ. 2003. № 10).

Афоризм мы относим к этой группе лишь по признаку объема, в то время как комичность не является его онтологическим свойством, хотя и возможна. Например: *Зачем **жечь мосты**, когда их можно просто развести?* (Комок. 2009. №11) – буквализация метафоры служит здесь для выражения глубокого содержания в наименьшем объеме.

Второй основной сферой использования стилистических приемов двусмысленности, помимо медиасферы, является сфера художественной литературы (32,2 %). В художественной речи эстетическая (поэтическая) функция, в том числе людическая функция «игры со словом», иллюстрирующая свежесть взгляда писателя на язык, демонстрирующая выразительные возможности языковой системы, сочетается с функцией создания комического, когда двусмысленность развлекает, фокусирует наше внимание на многомерности и несогласованности мира. Например: *То ей начинало казаться, что дорогие – в три-четыре советских зарплаты каждый – флаконы со сказочными названиями, стоящие на длинной полке за спиной продавщицы, недаром находятся в том самом месте, где раньше бодро журчали писсуары; и само название «туалетная вода», выведенное красным фломастером на картонке, вдруг приобрело свой прямой смысл* (В. Пелевин. Девятый сон Веры Павловны).

Кроме того, приемы двусмысленности в художественной литературе могут быть средством характеристики персонажей, как правило, тех, кто способен взглянуть на язык «со стороны», кто еще не овладел им в полной мере (иностранцы, начинающие изучать язык, дети), например: – *Мама, крапива **кусается**? – Да. – А как она лает?* (анекдот).

В художественной сфере стилистические приемы двусмысленности могут встречаться практически во всех жанрах. Мы же, хотя и несколько условно, выделяем основные жанры (ориентируясь на относительную частотность двусмысленности в них):

- роман, повесть или иное крупноформатное художественное произведение: *К официальной церкви Степа относился не лучше, полагая, что единственный способ, которым она **приближает человека ко Всевышнему**, – это торговля сигаретами* (В. Пелевин. Числа); ***Сматывай удочки** сейчас же, – обратился Сухарько к Павке. «– Ну, быстрее, быстрее», – говорил он, видя, что тот спокойно продолжает удить* (Н. Островский. Как закалялась сталь).

- литературный рассказ или иное художественное произведение относительно малого объема: *Так я прочитала около 80 романов Агаты Кристи, к большому маминому неудовольствию, – она считала, что читать надо Шекспира и всякое такое. Когда я закончила первую дюжину «агатников», – к двенадцатилетнему возрасту, – отец подарил мне наручные часики. В том смысле, что на них тоже двенадцать цифр, и так далее. Я через две недели*

потеряла их в дачном черничнике и горько рыдала, ползая в кустах до темноты, но так и не нашла. Часы **потеряла**, но время, как выяснилось, нет (Т. Толстая. Переводные картинки);

- стихотворное произведение:

В тени косматой ели

Визжат, кружась гурьбой:

- Попался на качели,

*Качайся, **черт с тобой!**-*

Я знаю, черт не бросит

Стремительной доски,

Пока меня не скосит

Грозный взмах руки... (Ф. Сологуб. Чертовы качели).

- нарратив (который в равной степени можно считать жанром как художественной, так и разговорной сферы): *Случилась эта история, когда мне было лет пятнадцать (эх какое время было). Моя мама послала меня в магазин за продуктами. Это был обычный такой магазин, не супер-маркет с самообслуживанием, а тот где говоришь тётке продавцу, что тебе надо. И так уж получилась, что моя мама решила приготовить в тот вечер на ужин жареные куриные грудки. Ну я подхожу к продавице и без всякой задней мысли говорю: - Здравствуйте, девушка, а у вас грудки есть?*

Глаза девушки округлились, она впала в ступор, стоит и молча, смотрит на меня. Покупатели сзади напряглись. Я в полном не понимании, что происходит, повторяю вопрос: - Девушка, мне грудки нужны.

Продавица стоит и пырится на меня, сзади в очереди начали раздаваться смешки и тут блин до меня доходит вся соль ситуации, я начинаю ржать, аки конь и сквозь смех говорю продавице: – КУРИНЫЕ!!

Очередь валяется, я стою, давлюсь смехом, а продавица с ледяным взглядом взвесила мне килограмм грудок, молча приняла деньги и больше не смотрела в мою сторону. Да кстати, важной деталью являлось то, что грудь у девушки-продавицы отсутствовала напрочь, и судя по всему её это ну очень беспокоило! (2011. <http://www.yaplakal.com/forum7/topic281041.html>)

Разговорная речь представляет собой третью важную сферу функционирования стилистических приемов двусмысленности. В потоке устной речи двусмысленность частотна, но в большинстве случаев не является смоделированной и прагматически мотивированной,

другими словами, преимущественно она представляет собой ошибку. А будучи воспроизведенной во вторичном тексте с определенной целью (чаще всего развлекательной или характеризующей), такая ошибка может считаться приемом. Итак, стилистические приемы двусмысленности встречаются преимущественно в письменной разговорной речи или в ретранслированной устной. Ср. пример: – *Машиа, посикай на дорожку!* – *Папа, ты что? На горшок надо!* (из устной речи). Этот минидиалог превращается в шутку, а двусмысленное понимание фразы ребенком – в прием лишь при пересказе очевидцев этой сцены с целью посмеяться над наивностью ребенка, буквально понимающего фразу.

Таким образом, в связи с особым статусом разговорной речи и указанным ограничением нашего исследования, в данной сфере мы не будем выделять жанры, ограничься указанием на то, что разговорная речь с двусмысленностями ретранслируется, как правило, либо в разговорном рассказе (нарратив), либо в каком-либо из малоформатных комических жанров, т.е. теряет свои изначальные характеристики.

3.1.9. Функционирование приемов двусмысленности в структуре текста

Существует определенная корреляция между используемыми приемами, их функциями и их позициями в тексте. Традиционно известно выделение таких ключевых отрезков, как сильные позиции текста, под которыми понимаются формально выделенные части текста, восприятие которых наиболее эффективно, к которым относятся название, эпиграф, пролог, первые строки и предложения, а также конец и начало текста. Понятие сильных позиций текста может быть связано с понятием креативного аттрактора, под которым понимается область текста, где концентрируется максимум творческих усилий автора. Однако традиционно понятие креативного аттрактора связывается с литературоведением [Пищальникова, Герман 2000], тогда как его роль в процессе становления формы текста в лингвистическом аспекте не была детально изучена. Вариативное положение креативного аттрактора дает основание для создания типологии структуры текста на основе моделирования его формы [Белоусов 2005; Москальчук 2003]. В большинстве текстов медиасферы таким аттрактором становятся заголовки, как превалирующие над собственно текстом, следующим после них, что связано с обилием окружающей нас информации и необходимостью отбора текстов для более тщательного ознакомления.

Было установлено, что текст неоднороден относительно видов информации, получающих выплеск в той или иной области текста [Болдырева 2007], что также справедливо по отношению к присутствию приемов двусмысленности в различных текстовых позициях.

Рассмотрим функционирование приемов двусмысленности в зависимости от их расположения в тексте.

Прежде всего надо выделить наиболее многочисленную группу двусмысленных контекстов, границы которых совпадают с границами собственно текста. Это, в первую очередь, малоформатные комические жанры, где прием двусмысленности реализуется в целом тексте – в текстообразующей функции. Например: – *Какой у вас традиционный стол? – Круглый* (Комсомольская правда. 2010. № 52) (хотя существуют и исключения, когда двусмысленность реализует текстообразующую функцию в текстах других жанров и форматов, например в стихотворении Ф. Сологуба «Чертовы качели»);

Следующей группой являются примеры, функционирующие в заголовках – наиболее сильной позиции любого текста. Например: *Кремль взял ипотеку. На контроль* (АиФ. 2009. № 17); *Отцы и «деды»* [о священниках в армии] (АиФ. 2006. №11) – здесь они в основном реализуют функцию привлечения внимания.

Нередка двусмысленность в подзаголовках: *Уиллиса все еще нелегко расколоть. Брюс Уиллис сообщил о своем намерении сыграть в “Крепком орешке – 4”* (Комок. № 6. 2002); *С такими женщинами мы придавим криминал* [женщина целый час пролежала на грабителе] (КП. 26 мая-июня 2005). В лиде: *Самое женское дело* (Ст. Девушка со штангой; АиФ. № 11. 2009); *В будущем планируется «охватить весь сегмент рынка», а затем удовлетворить нужды хоккейных, баскетбольных и других болельщиков* (Ст. о спортивной атрибутике на гробах и урнах). В начале текста: *В Британии вышел путеводитель по Киеву, изданный туристической компанией Thomas Cook. В нем содержится немало любопытных фактов и указаний, без которых английский путешественник в украинской столице просто как без рук. Например, туристу, если он хочет выжить, необходимо покупать импортное пиво (ни в коем случае не местное)* (Комок. 2006. № 20).

Двусмысленность по-разному проявляется в устной и письменной речи. Например, в устной речи двусмысленность нередко устраняется путем интонационного выделения ключевых слов или структуры фразы. Нейтрализуемая при произнесении синтаксическая омонимия на письме приводит к затруднению понимания. При переносе речи на письмо решающую роль начинает играть порядок слов и пунктуация, следовательно, приемы двусмысленности и речевые ошибки тяготеют к эксплуатации различных механизмов порождения двусмысленности, входящих в единый перечень (см. первый раздел главы II). Например, двусмысленность заголовка диссертации «Формирование текстовой компетенции у учащихся с тяжелыми нарушениями речи в процессе чтения» при верном интонировании исчезает.

3.2. Предлагаемая типология двусмысленных речевых единиц

Рассмотрев все описанные в специальной литературе разновидности двусмысленности, мы обратились к фактическому материалу и на основании предварительного анализа имеющихся примеров выделили следующие основные ее типы (с кратким описанием):

1) По уровням порождения двусмысленности:

1) Семантическая:

А. Лексическая. Вариации лексического значения слова, в том числе лексические, грамматические и контекстуальные полисемия, омонимия, антонимия, паронимия и т.д. Например, лексическая полисемия: *Кроме того, поступки учеников он [учитель зоологии – М.Ю] ставил в прямую зависимость от семейных условий, в которых мы жили и произрастали. Одни были из неблагополучных семей, другие – из благополучных. Но только я один был из семьи образцовой! <...> Может быть, это зоология приучила его все время помнить, кто к какому **семейству** принадлежит?* (А. Алексин. А тем временем где-то).

Б. Рамочная (скопальная, или двусмысленность охвата). Отношения «часть-целое», «объект-класс», «единица-множество», «однократность-многократность»: – *Ну и времена настали – ни работы, ни денег!*

- *А где ты раньше работал?*

- *Я?! Да я 25 лет на базаре **птицей** торговал!*

- *А почему сейчас не торгуешь?*

- *Как почему? Умерла моя **птица**!* (Сегодняшняя газета, 27.06.2005).

В. Референциальная. Такое название в какой-то мере условно, т.к. любая двусмысленность строится на конфликте референций (см. [Language Topology 2001]). Мы же под референциальной двусмысленностью понимаем случаи, основанные на анафоре и дейксисе, т.е. не связанные с лексическим значением слов: *xxx: помнишь, я тебе вчера говорил: "отдам долг **завтра**"?*

ууу: угумс.

*xxx: так вот, я сдержу своё слово и отдам его **завтра**!* (bash.im. 2012); *Тебе пакет?*

Не тебе, а Вам.

А нахрена он мне нужен? (КП. 2010. № 39).

2) Синтаксическая:

А. Поверхностная. Двусмысленность связей внутри предложения, которая снимается перестановкой слов/частей предложения. Двусмысленность группировки или неверная фонологическая сегментация. Например: ... *В шестой класс одной из сельских школ Новгородчины пришла новая девочка. Коллектив ее сразу не принял: она была замкнута, держалась в стороне, не хотела общаться с ребятами* (Комсомольская правда. 2010. № 45) – не принял с самого начала или принял не сразу, а через некоторое время?

Б. Глубинная. Двусмысленность структуры, не снимающаяся перестановкой слов: название статьи *«Дагестанские авиалинии» предупреждали еще год назад...* Лид. *Но они не согласились с претензиями к организации безопасности полетов* (Комсомольская правда. 2010. № 49); *Некоторые из них походили на родительские, некоторые — на голоса друзей, а произносимые ими слова дымились каким-то тягостным и смутным, но совершенно неизбежным смыслом (например, голос, похожий на Кимин, повторял раз за разом странную фразу: «глянцевая аналитика романтической щетины, которой контркультурные герои щекочут системе яйца Фаберже»).* Лена даже хотела спросить у Кимы, чем они щекочут — романтической щетиной или глянцевой аналитикой — но поняла, что вопрос прозвучит странно (В. Пелевин).

3) Прагматическая:

А. Пресуппозиционная. Предполагает различное подразумевание разными людьми при едином словарном значении слова/слов, составляющих фразу; сдвиги коннотации. Например: – *Может, хотите вина, шампанского, бассейн...* – *Я столько не выпью* (к/ф «Жена по контракту»); *Разговор с ветераном. – А сколько людей вы убили за время войны? – Ни одного. – А откуда у вас столько наград? – Фашистов убивал.* (<http://zagony.ru/2012/05/10/raznoe.html>).

Б. Иллокутивная. Нарушение коммуникативных ожиданий, различное понимание действий, желаемых в процессе коммуникации, разное понимание цели речевого действия. Или игра на таком нарушении. Например: *Так, милочка, прописываю вам постельный режим! Завтра приду, проверю как вы!*

-О доктор, вы не представляете как я хороша в постели! (Комок. 2006. № 50);

X: Из уроков латыни помню только "Ergo Vibatus!"

Y: как переводица?

X: Давай выпьем!

Y: Я собственно непротив, но как фраза-то переводится? (bash.im).

II) По типу разрешения двусмысленности:

1) Полная. Повторное чтение речевой единицы не дает ответа: выбор либо невозможен, либо осуществляется на основании онтологических знаний реципиента, без опоры на собственное лингвистическое содержание фразы. Например: Реклама на микроавтобусе: *Доставка товаров Ikea. Везет кому-то!*

2) Частичная контекстная. Контекст подсказывает, какой вариант выбрать, для этого обычно требуется повторное чтение. В данном случае двусмысленность чаще всего заключается в так называемом ложном предвосхищении, когда правый контекст нарушает предсказуемость текста (смысл, воспринимаемый из его начала) и тем самым, собственно, и реализует потенциальную двусмысленность, превращая ее в актуальную. Подобное явление связано с частотностью предвосхищаемого смысла. Делится на эксплицитную (в тексте имеются маркеры двусмысленности) и имплицитную (выбор значения на основе языкового опыта, без опоры на маркеры). Ср.: Реклама. *Авиакомпания «Сибирь». РОСТОВ – новый город на карте «Сибири»* – эксплицитная; Реклама сока «Я». *Где наслаждения – там Я!* – имплицитная.

3) Частичная авторская. Автор прямо указывает на наличие двусмысленности и способ ее разрешения: *Ст. Seeker Lover Keeper. ... аранжировки песен всегда просты, мелодии жалобны, а трехголосие чудесное. Как в финальной песне с двусмысленным названием «Оставь свою голову на моем плече»: не группа, а какая-то трехголовая сирена, сводящая с ума честной народ* (ВЫБИРАЙ. Рекламно-информационный журнал. 2012. № 04).

4) Частичная интерлокуторная (двусмысленность создается и разрешается высказыванием собеседника или читателя, воспринимающего текст). Следует заметить, что если двусмысленность разрешается собеседником в рамках одного жанра (в анекдоте, например), то это считается контекстуальным разрешением, а не диалогическим, например: – *Мальчик, ты кого слушаешь больше, маму или папу?* – Маму. – Почему? – *Она говорит больше* (Комок. №6. 2006). Пример диалогического (интерлокуторного) разрешения: <[sky]NinGAZ> на улице *не сахар* :(<[Sky]Куплю_БК0011> [sky]NinGAZ: *Это снег!* (bash.im. 2011-02-16).

III) По механизму:

1) Полисемия:

А. Лексическая: *Перелом в судьбе может быть открытым* (АиФ на Енисее. 2012. № 15).

Б. Грамматическая: *Кстати, есть такой анекдот. Старик поймал золотую рыбку, та пообещала выполнить одно желание. Он говорит: «Хочу, чтобы у меня **все было!**» А рыбка: «Будь по-твоему! Иди домой – у тебя уже **все было!**» (Cosmopolitan. Февраль 2012).*

В. Контекстуальная: *Очень хотелось **спать**, и было с кем, но сон сморил (Телевизор. 2006. №46).*

2) Омонимия:

А. Лексическая:

1) Полная лексическая: *Счастье **есть** [ст. о кулинарии] (СГ. 2006.№9);*

2) Неполная лексическая: *У каждой девушки есть свой **тип** мужчины. И часто этого типа хочется спустить с лестницы (Cosmopolitan. Март 2012);*

3) омофон: *Я хочу вам передать привет от сказочного персонажа.*

*Привет вам **от Морозки!** (Реклама ТНТ. 23.02.12.) – привет вам, отморозки;*

4) омограф: *Пора старику и на покой, на теплую печку, да заместиться некем, а тут вот еще Гришутка на руках очутился, о нем нужно позаботиться... <...> Емеля, заслонив глаза от солнца, долго глядел на свою избушку и думал о **внучке** (Д. Мамин-Сибиряк. Емеля-охотник);*

5) оформ: *«**Певцов** много, **Певцов** один» (Гастрольная программа Д. Певцова).*

Б. Структурная. Совпадение различных синтаксических организаций в одной структуре:

*Мы предлагаем пациентам качественное медикаментозное лечение для прерывания заповей, купирования абстинентного синдрома, восстановительное лечение (в том числе иглорефлексотерапию, гирудотерапию), психотерапевтическую и психологическую помощь, проверенные методики программирования (кодирования). Действует **служба консультирования врача на дому и доставки пациента в клинику** (ШАНС. 2012. №30) – консультирование врачом или консультирование для врача; *Но, видимо, не все было гладко, потому что очень скоро Владимир с новой семьей (у «молодых» родилась общая младшая дочка – Миллионна) съехал в дом Микены. А 16-летнего сына оставил в квартире одного... Правда, **по его настоянию бросивший школу Саша пошел учиться в ПТУ** (Комсомольская правда. кр.ru; рубрика Татьяны) – по его настоянию бросивший или по его настоянию пошедший учиться?**

3) Антонимия: *Джек и Роза находят друг друга в первом и последнем плавании «**непотопляемого**» Титаника. (Телевизор. 2006. № 46)*

Контекстуальная антонимия: *Самолечением лучше не заниматься. Не слушать «чудолекарей» с их «чудодейственными» напитками, настоями. Можно лишь запустить болезнь, упустить время* (Комок. 2006. № 20).

4) Синкретизм: *Ночь, тишина, дежурная часть милиции. За столом сидит лейтенант. В окно влезает пьяная рожка: – Лейтенант, не **видели** Вы тут ма-а-аленькой белой собачки? – Нет, не видел... – А сколько Вы здесь работаете? – Двадцать лет, а что? – Столько лет проработали и ни разу не **видели** маленькой белой собачки?! (анекдот) – синкретизм временной формы, которая может выражать как ближайшее, так и давно прошедшее прошлое.*

5) Неопределенность: *Поэтому мы приобрели факоемульсификатор Infinity – на сегодня **единственный** в мире аппарат, работающий на ультразвуке в торсионном и поперечном направлениях* (КП. 2011. № 4. Реклама. Катаракта и глаукома) – единственный в мире вид устройства (самих аппаратов несколько) или одно единственное устройство в единственном экземпляре?

6) Анафора: *Лужкова ранили* [про внука мэра Москвы] (АиФ. 2005. № 41) – фамилия принадлежит различным референтам; *Телефонный звонок:*

– *Алло, доктор, помогите. У моей жены болит голова и температура.*

– ***Высокая?***

– *Да, метр восемьдесят пять!* (www.tophumor.ru/doctor_1.html) – речь идет про температуру или про жену?

7) Дейксис: *Когда мужчине плохо, он ищет **жену**. Когда мужчине хорошо, его ищет **жена**.* (Телевизор. 2006. №14) – двусмысленность «класс/объект».

8) Прагматическая рассогласованность: *Психиатр говорит пациентке:*

– *У вас явно не всё в порядке с психикой.*

– *Вы меня извините, доктор – но я бы хотела выслушать и **ещё одно мнение!***

– *Ну что ж, раз вы настаиваете – пожалуйста: вы ещё и страшная...* (2005. www.yaplakal.com/forum7/topic29091.html) – пациентка имела в виду мнение еще одного врача, а не еще одно мнение того же самого врача.

9) Альтернативное фонологическое членение фразы:

– *Вот тебе гитара!*

– ***Настроена?***

– *Нас двое, на... Пой давай, на!..* (Комок. 2006. №6); *l: слушай, **мед ведь** остается нормальным, если его слегка прокипятить? R: Какой **медведь?**!* (bash.im. 11.03.2008); *Совершенно летнее кафе* (рекламный слоган кафе) – на слух воспринимается как «совершеннолетнее».

IV) По модели (с кратким определением: развернутые определения см. в § 4 главы II):

1) Амфиболия. Модель двусмысленности, базирующаяся на вариантивности синтаксических связей (омонимии конструкций): *ст. БЕЗ ОБИД. Поздравляем близких с опозданием* (Cosmopolitan. Февраль 2012).

2) Антанаклаза. Модель двусмысленности (в случае диафоры находится на периферии поля двусмысленности), в которой коннектор (ключевое слово) повторяется имплицитно или эксплицитно еще раз в отличном от первого словоупотребления значения:

Диафора – разница между значениями коннектора незначительна (вплоть до оттенков значения): *Ст. Ну что ж, прощай! **Принять** извинения и **принять** ситуацию – разные вещи. Алексей Варламов, который умеет легко просить прощения, но с трудом забывает плохое, выяснил, кто великодушнее – мужчины или женщины – и где именно следует записать тещин день рождения* (Cosmopolitan. Февраль 2012).

Плока – разница между значениями существенна: *Для нас, людей, был черный ход, а ход парадный – для господ.*

Хоть нашу братию подчас

***Людьми** не признавали,*

Но почему-то только нас

***Людьми** и называли* (С.Я. Маршак).

3) Антифразис. Модель двусмысленности, основанная на употреблении слова/словосочетания в смысле, противоположном (или противопоставленном частично) его прямому лексическому значению, как правило, маскирующая более или менее успешно негативную оценку под положительными или нейтральными словами: *Александр Иванович, девственник и монах от чрева матери, не замеченный во всю жизнь ни в каких шапках с дамами и на этом основании подозреваемый **доброжелательным** обществом в каких-то более интересных грехах, был единственным во всей компании, кто воспринял это трио как вполне естественное* (Л. Улицкая. Сонечка).

4) Астеизм. Модель двусмысленности, обратная антифразису, подразумевающая положительную оценку под негативными словами (или меньшую степень признака по сравнению с эксплицитированной): *А дядя Паша – муж такой страшной женщины. Дядя Паша – маленький, робкий, затюканный. Он **старик**: ему пятьдесят лет* (Т. Толстая. На золотом крыльце сидели); *Зубной врач по-прежнему занимает одно из лидирующих мест в списке человеческих страхов. Очевидно, что «**злодей**» находится там абсолютно незаслуженно. Ведь без стоматолога избавиться от зубной боли практически невозможно* (ШАНС. 2012. №17).

5) Буквализация метафоры. Модель двусмысленности, основанная на переносе значения слова/словосочетания от переносного к прямому, предполагающая буквальное понимание выражения: *Кладу плитку **на совесть** (газета рекламных объявлений, г. Электросталь, прислал Beauty). Да, у нас много на что кладут. «А совесть не треснет?»* (1159. КП. 2010. № 45 – рубрика «Тоска объявлений»).

6) Дилогия. Модель двусмысленности, сочетающая с разной долей очевидности несколько значений в одном словоупотреблении, вызывающая возможность двойного (или множественного) понимания выражения: *Вчера на сельской дискотеке банда лесорубов подралась с бандой пекарей, и со стороны было непонятно – то ли это **заруба**, то ли это **замес*** (Комок. 2011. № 5).

7) Зевгма. Модель двусмысленности, совмещающая в одном предложении несколько слов/конструкций, объединенных единым ядерным словом, реализующемся в каждой зависимой конструкции в одном из возможных значений/оттенков смысла: *держались они по-семейному, так и сидели за столом домашним треугольником: Роберт Викторович посредине, по правую руку на пол-головы над ним возвышалась Сонечка, по левую **сияла** Ясенька своей близной и маленьким острым бриллиантом на пальце* (Л. Улицкая. Сонечка).

V) По статусу:

1) Стилистический прием: *Чем **больше** сила воли, тем труднее **собрать** ее в кулак* (Комок. 2006. № 50).

2) Речевая ошибка: *Похитители Касперского оказались **родственниками*** (www.news.mail.ru. 28.04.2011)

3) Спорный (неоднозначный случай): *В детстве она хотела быть балериной, но родители отдали ее в фигурное катание. Когда на Рождество они подарили ей коньки, маленькая Инга от **счастья** чуть не упала в обморок* (Комок. 2006. №46).

VI) По функции (характеристика, неприменимая к речевым ошибкам):

1) Текстобразующая: *В этом случае диагонально переводишь мяч налево, **подключается** Дима, **подключается** Иванов, а теперь неожиданно **подключается**... Вадик? Ты когда должен **подключиться**? – До 30 апреля. А че, 10 баксов-то не лишние. Джинс, **подключись** до 30 апреля и получи 10%* (Реклама. Сотовый тариф «Джинс»).

2) Развлекательная: – *Ватсон, что хлюпает в моем ботинке? – Овсянка, сэр. – А что она там делает?! – Хлюпает, сэр* (ШАНС. 2012. №32).

3) Создания образности: *Из диоксида кислорода CO₂ и воды образуется глюкоза С₆H₁₂O₆, а «нежелательный» кислород O₂ выделяется в атмосферу. Энергия, необходимая для осуществления этого синтеза, передается фито-планктону солнечным светом* (Степин Б.Д., Аликберова Л.Ю. Книга по химии для домашнего чтения. М.: Химия. 1994. 400 с.).

4) Привлечения внимания: Ст. *Шагал по Витебску шагал* (Речь идет о фильме про Марка Шагала) (Сегодняшняя газета. 2012. № 17); Ст. *Богатырская кузница*. Подзагол. *Музей Ивана Ярыгина – на грани закрытия* (АиФ на Енисее. 2012. № 15); Ст. *Рыбацкое счастье чистой воды* (Красноярский рабочий. 1991. № 4–5).

5) Выражения остроумия: *А какая же зима может обойтись без развлечений со снегом? Правильно, австралийская. Ну а раз нам посчастливилось жить в Сибири, то необходимо пользоваться этим. <...> А быть может, создать из снега настоящий замок, достойный самой Снежной Королевы, для этого нужно всего лишь выйти в свой двор и **взять снег в свои руки**. Дерзайте!* (УМЫ.2012. №15).

6) Иносказательная: *Я была ленивая и закомплексованная, а Оля писала стихи и даже читала их по радио в «Пионерской зорьке»: Мы колхозу помогаем,*

Сено в поле убираем,

И за это бригадир

*Нас флажками **наградил**.*

Через сорок лет я напомнила Оле ее стихи. Она улыбнулась:

*— Хорошо, что тот бригадир чем-нибудь другим не **наградил**. Он нас, девчонок, в амбар заманивал* (Т. Толстая. У себя дома).

7) Оценочно-характеризующая: *Можете обвинять нас в простодушии, но мы ознакомились с трудом одного, как бы помягче выразиться, **британского ученого**. Если честно, мы купились на название <...>* (Cosmopolitan. Февраль 2012).

Кроме того, двусмысленные речевые единицы можно типологизировать по нескольким частным (применимым не для всех видов двусмысленности) основаниям:

1. По конфигурации коннектора-шифтера: последующий, предшествующий, совпадающий и неполнокомплектный.

2. По структурной организации двусмысленного высказывания: коннектор (ключевое слово) повторяется эксплицитно с изменениями, без изменений, повторяется имплицитно и не повторяется.

3. По наличию формальных маркеров двусмысленности: вербальные маркеры, кавычки, другие знаки пунктуации, пауза, дополнительная объяснительная конструкция, иллюстрация, нет маркеров.

4. По степени изменения значения ключевого слова: сильное (разные слова), среднее (отчетливо различающиеся значения одного слова) и слабое (оттенки значения или очень близкие значения одного слова).

5. По направлению изменения значения: переносное-буквальное, буквальное-переносное, буквальное-буквальное, переносное-переносное, в границах одного значения (случаи так называемых оттенков значений) и буквальное-оказиональное.

Данная типология была применена к имеющемуся корпусу двусмысленных речевых единиц с помощью базы данных, описание которой представлено в следующем параграфе.

3.3. Описание базы данных, использованной для комплексного описания корпуса двусмысленных речевых единиц

Для аннотирования имеющегося корпуса контекстов была использована база Open Access, находящаяся в свободном доступе на компьютерах с операционной системой Windows. База данных представляет собой таблицу, которая позволяет настраивать необходимые для конкретного исследования поля и возможные варианты меток. Для применения разработанной типологии для комплексного описания примеров двусмысленности была создана таблица, состоящая из 21 столбца, которая позволяет описать каждый пример как с лингвистической, так и с экстралингвистической точки зрения (См. Таблицу 1). Процедура классифицирования двусмысленных фраз представлена в [Yuzhannikova 2015].

Следует заметить, что большинство указанных в типологии видов не взаимообусловлены и могут сочетаться друг с другом. В некоторых случаях выбор лишь одного ярлыка не представляется возможным, поэтому по некоторым пунктам типологии возможен выбор нескольких меток сразу, этим объясняется наличие трех типов заполнения поля: 1) свободный выбор, куда заносится информация, плохо поддающаяся категоризации (в частности, это столбцы с текстом примера, его источником, датой публикации, темой и столбцом описания, предназначенным для внесения факультативных сведений о примере); 2) выбор лишь одной из возможных меток (для информации не предполагающей наличия вариантов или промежуточных значений: в столбцах «Позиция в тексте», «Расположение коннектора-шифтера», «Структура» и «Статус»); 3) выбор одного, нескольких или даже всех пунктов (будь такая необходимость) из всех возможных. Немаловажно также наличие пункта «Другое» во

всех столбцах, предполагающих выбор, т.к. всегда возможно существование примера, не вписывающегося в разработанную типологию.

В таблице каждый пример может быть описан с помощью 21 столбца, но обязательными являются лишь 12. Рассмотрим все.

Столбец №1 – порядковый номер примера, позволяющий видеть их общее количество. Столбец № 2 – непосредственно сам пример, контекст, содержащий двусмысленность. Следующие несколько столбцов содержат информацию об источнике контекста, содержащего двусмысленность: № 3 – название газеты, журнала, книги, веб-страницы, телепередачи, радиостанции и т.д., № 4 – дата публикации или появления в тексте-источнике. Начиная со следующего пункта, в таблице даны варианты ответов. №5 – сфера функционирования текста-источника: художественная литература, научная литература, средства массовой информации (газета, журнал, веб-страница, радио, телевидение), ретранслированная (пересказанная) устная речь (произнесенная или записанная), другое. Пункт № 6 определяет жанр текста-источника: крупное художественное произведение (роман, повесть и т.п.), рассказ, басня, поэтическое произведение, анекдот, шутка, афоризм, реклама (наружная, печатная, теле-/радиореклама, рекламная статья), новость, печатная статья, интервью, короткий комментарий, научная статья, нарратив, другое). Пункт № 7 - позиция в тексте-источнике. Контекст мог быть изъят из заголовка, подзаголовка, лида, начала текста, середины текста, финальной части, из слогана, иллюстрации, или мог являться целым текстом, если его позиция неизвестна, возможен выбор вариант «Другое». Следующий столбец (№ 8) является факультативным, в нем в произвольной форме можно указать общую тему текста. В основном, это нужно при анализе политического, образовательного и прочих институциональных дискурсов. На этом заканчивается часть таблицы, посвященная экстралингвистическим данным. В поле столбца № 9 указывается, содержит ли пример двусмысленность (встречаются примеры с тем или иным механизмом, типичным для создания двусмысленности, но не содержащий ее, поэтому для демонстрации различия между такими примерами, они также могли быть внесены в базу) и имеет 3 взаимоисключающих варианта ответа: пример двусмысленный, недвусмысленный, спорный, когда отнесение к то или иной категории затруднено. В следующем столбце (№ 10) отмечаем, каков тип разрешения двусмысленности: полный, частичный контекстный (эксплицитный или имплицитный), частичный авторский, частичный интерлокуторный, тип «садовая дорожка». В столбце № 11 описывается конфигурация коннектора-шифтера, которые не всегда возможно определить, поэтому данная характеристика относится к группе факультативных. Следующие 2 поля являются одними из наиболее важных при описании любого контекста с двусмысленностью. Это тип двусмысленности (№ 12) и механизмы (№ 13), список которых

определен в разработанной нами типологии. В данных полях возможен выбор нескольких вариантов, для обозначения синкретичных примеров. В № 12 категории следующие: семантический (лексический, скопальный, референциальный), синтаксический (поверхностный и глубинный), прагматический (пресуппозиционный и иллокутивный). В № 13: полисемия (лексическая и грамматическая), омонимия (лексическая (омоформы, омографы, омофоны) и структурная), контекстуальная антонимия, контекстуальная полисемия, контекстуальная синонимия, синкретизм, неопределенность, анафора, дейксис, прагматическая рассогласованность, неверная сегментация фразы на слова (как фонологическая, так и пунктуационная). Столбец № 14 «Структура» посвящен узкой характеристике, имеющейся у ограниченного количества примеров, это наличие повторений у ключевого слова (коннектора): одиночное, повторяющееся с изменением, повторяющееся без изменений), другое. Данные категории позволяют точнее разграничить примеры диалогии и антанаклазы. Очередная категория, которую невозможно опустить, находится в столбце № 15, это стилистические приемы, или, вернее, модели, некоторые из которых, в зависимости от контекста и интенции автора, могут быть как приемами, так и ошибками: антифразис, антанаклаза (диафора и плока), амфиболия, буквализация метафоры, диалогия, зевгма. В пункте № 16 выбираем формальные маркеры двусмысленности: нет маркеров, вербальные маркеры, кавычки, другие знаки пунктуации, пауза, дополнительная объяснительная конструкция, иллюстрация. Статус модели (прием это или же ошибка) выбираем в столбце №17, в данном случае поля «Другое» нет и вариантов всего три: стилистический прием, ошибка и неоднозначный (спорный) случай. Последняя из категорий, заполняемых для всех приемов, «Функции», под № 18, здесь можно выбрать один или несколько вариантов из списка: текстообразующая, развлекательная, создания образности, привлечения внимания, оценочно-характеризующая, выражения остроумия, иносказательная. Следующие два столбца характеризуют лишь отдельные группы примеров, в частности, основанные на лексическом типе двусмысленности: это, во-первых, степень изменения значения (№ 19) характеристика, важная для различения плоки и диафоры, вариантов здесь всего три: сильное (разные слова), среднее (отчетливо различающиеся значения одного слова) и слабое (оттенки значения или очень близкие значения одного слова). № 20 – направление изменения значения (№ 20), полезное для более тщательного разграничения диалогии, буквализации метафоры и антанаклазы, всего шесть возможных переходов: переносное-прямое, прямое-переносное, прямое-прямое, переносное-переносное, в границах одного значения (случаи так называемых оттенков значений) и буквальное-прямое. Данные показатели субъективны, поэтому их можно считать также факультативными. В случае, если какой-то пример не предполагает характеристики по факультативным показателям, в них

проставляется ярлык «Другое». Последнее поле «Описание», в столбце под № 21, не предполагает заранее установленных ярлыков, сюда в свободной форме можно вносить любые комментарии по поводу того или иного примера.

Представленная таблица была использована для аннотирования 1200 примеров из корпуса фактического материала (50 % от общего количества), результаты которого представлены далее. Образец аннотирования двусмысленной речевой единицы см. в таблице № 2.

Табл. 1 – база данных для комплексного описания двусмысленных речевых единиц

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
№	При мер	Источник	Год/дата	Сфера употребления	Жанр текста-источника	Позиция в тексте	Тема	Феномен	Тип разрешения двусмысленности	Конфигурация коннектора-шифтера
		Свободный выбор	Свободный выбор	Художественная литература, Научная литература, СМИ (газета, журнал, интернет-страница, радио, телевидение), Ретранслированная речь, Другое	Роман, Рассказ, Басня, Поэзия, Анекдот, Шутка, Афоризм, Реклама (наружная, телереклама, рекламная статья), Новость, Газетная статья, Интервью, Короткий комментарий, Статья, Нарратив, Другое	Заголовок, Подзаголовок, Лид, Начало текста, Середина текста, Конец текста, Слоган, Иллюстрация, Полный текст, Другое	Свободный выбор	Двусмысленный, Недвусмысленный, Спорный	Полная, Частичная (авторская, интерлокуторная, контекстная (ИмPLICITная, ЭкPLICITная), Другое), Garden path (Садовая дорожка).	Предваряющий, Последующий, Совпадающий, Неполнокомплектный, Другое

12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Тип двусмысленности	Механизмы	Структура	Модели	Формальные маркеры	Статус	Функция	Степень изменения значения	Направление изменения значения	Описание
Семантический (лексический, скопальный, референциальный), Синтаксический (поверхностный, глубинный), Прагматический (прессупозитивный, иллюкутивный), Другое	Полисемия (лексич., грамматич., контекст.), Омонимия (лексическая (полная, неполная, омофоны, омографы, омоформы), контекстуальная, синтаксическая), Антонимия, контекст. антонимия, Контекст. синонимия, Синкретизм, Неопределенность, Анафора, Дейксис, Прагматическая рассогласованность, Неверная сегментация, Другое	Простой, Повторяющийся (эксплицитно, имплицитно)	Антифразис, Антанаклаза (диафора), Антанаклаза (плока), Амфиболия, Буквализация метафоры, Дилогия, Зевгма, Другое	Кавычки, Иные пунктуационные знаки, Паузы, Вербальные маркеры, Немаркированный, Другое	Стилистический прием, Ошибка, Спорный	Текстообразующая, Развлекательная, Оценочно-характеризующая, Привлечения внимания, Создания образности, Выражения остроумия, Иносказательная	Сильная, Средняя, Слабая	Переносно-прямое, прямое-переносное, Переносно-переносное, В рамках одного значения Прямое-оказиональное, Прямое-прямое	Свободный выбор

Табл. 2 – описание примера из корпуса

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№	Пример	Источник	Год/дата	Сфера употребления	Жанр текста-источника	Позиция в тексте	Тема	Феномен	Тип разрешения двусмысленности
1202	Гаишник в одиночку отбился от стаи волков. Потом подумал и прибился снова.	ШАНС. Информационно-развлекательный журнал	2012. июнь	СМИ (журнал)	Шутка	Полный текст	Социальная сфера	Двусмысленный	Частичная контекстная эксплицитная

11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
Конфигурация коннектора-шифтера	Тип двусмысленности	Механизмы	Структура	Модели	Формальные маркеры	Статус	Функция	Степень изменения значения	Направление изменения значения	Описание
Последующий	Семантический лексический	Полисемия лексическая	Простой	Диалогия	Нет маркеров	Стилистический прием	Текстообразующая, Развлекательная, Характеризующая	Средняя	Прямое-прямое	Ключевое слово «отбился»

3.4. Комплексное (структурно-функциональное) описание корпуса двусмысленных речевых единиц

«Лингвистика функционирования может быть только статической» [Фрей 2006: 26], поэтому мы привлекли для анализа тексты преимущественно второй половины XX века и до настоящего времени. «Функциональная лингвистика единственным и истинным предметом своим считает речь, которая воспринимается как система приемов, построенная в соответствии с потребностями, которые она призвана удовлетворять» [Фрей 2006: 32]. Функциональная теория опирается на идею «функционирования языка в процессах его употребления для удовлетворения разнообразных целей коммуникации» [Медиатекст... 2012: 9]. Методологической основой анализа послужило положение Л.В. Щербы о единстве языка, речи и речевой деятельности. Текст рассматривается как репрезентация речи, т.е. как результат речевой деятельности говорящего (пишущего) и объект интерпретационной деятельности слушающего/читающего. Вслед за А.А. Леонтьевым мы считаем текст функционально завершенным речевым целым [Леонтьев 2001: 215]. «Под речью понимают как сам процесс говорения (речевую деятельность), так и его результат (речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом)» [Арутюнова 2000: 414]. В аспекте нашей проблематики мы разделяем точку зрения А.А. Зализняк, которая пишет, что: «... при практической речевой коммуникации из двух возможных пониманий одно является правильным, а другое – неправильным относительно намерений говорящего», в то время как «для речевого произведения, выполняющего поэтическую функцию, неоднозначность как сосуществование множества различных осмыслений является его ингерентным свойством» [Зализняк 2003]. Устная речь довольно сложна для документирования (фиксации), поэтому она не вошла в корпус для выборки (встречаются лишь примеры ретранслированной устной речи), поэтому можно лишь гипотетически утверждать, что в устной речи наиболее частотна анафорическая двусмысленность. Случаи, основанные на одном и том же механизме, но с незначительными изменениями в действующих лицах, сюжете, мы причисляли к повторяющимся и в исследовании не учитывали. Продуктивность приема – не количество повторений одного анекдота, а количество различных анекдотов, порожденных той или иной конструкцией. Например: – *Ну что, будете еще пить? На что проснувшийся слушатель реагирует репликой: – Наливай!* Данный анекдот был учтен всего один раз, несмотря на его частотность в прессе, т.к. небольшие модификации не позволяют считать его другим анекдотом.

Итак, вначале на основе данных из специальной литературы и предварительного анализа фактического материала были выделены основные категории, по которым характеризуется каждый пример двусмысленности (используемая типология представлена выше). Затем была

составлена база данных с возможностью аннотирования при помощи выбора одного или нескольких из имеющихся вариантов. «Увеличение объема выборки влечет повышение достоверности результатов исследования. Однако достоверность в первую очередь обеспечивается характером отбора элементов генеральной совокупности: выборку должны составлять только случайно взятые элементы, поскольку, в противном случае можно создать выборку какого угодно объема из нужных для исследователя единиц» [Белоусов, Блазнова 2005: 62], в связи с этим необходимое число двусмысленных речевых единиц, содержащих двусмысленность, было извлечено из имеющейся выборки в случайном порядке. Проаннотировать всю выборку не представилось возможным в связи с ее большим объемом (более 2400 контекстов), после завершения аннотирования мы получили описанный корпус из 1200 двусмысленных речевых единиц, на основе которого стало возможным сделать некоторые выводы о функционировании двусмысленности в русском языке. Рассмотрим подробнее процедуру исследования.

Каждая двусмысленная речевая единица была отнесена путем присвоения меток к той или иной категории (или нескольким категориям) согласно разработанной типологии. Следует заметить, что языковые и тем более речевые явления трудно поддаются непротиворечивому классифицированию, чем объясняется наличие синкрет (примеров, имеющих в той или иной категории две или более метки одновременно), поэтому совокупность процентных долей, приведенных далее, в совокупности может превышать 100 %). Приведем основные полученные результаты комплексного анализа двусмысленных высказываний.

После тщательного анализа полученного корпуса (1200 единицы) было выявлено, что 23 контекста, несмотря на наличие в них механизмов, участвующих в построении двусмысленности, двусмысленными не являются. Например: *Здесь с 2002 по 2006 г. сидел Слободан Милошевич, который жил и умер назло Евросоюзу* (АиФ. 2006. №11) – в данном примере имеется ядерное словосочетание «назло Евросоюзу», относящееся одновременно к двум глаголам, т.е. потенциально двусмысленность возможна, но контекст выстроен таким образом, что реализует лишь одно значение; заголовок статьи про удешевление технологии укладки дорог «*А дороги-то не дорогие!*» – полисемия слова «дорогие» не реализуется в двусмысленность.

Кроме того, 57 примеров оказались, с нашей точки зрения, спорными, т.е. не являющимися однозначно двусмысленными. Например: *Дается ряд рецептов изготовления снадобий и лекарств из компоста, применяемых при артритах, артрозах, психозах, неврозах и **навозах*** (Комок. 2006. № 36).

Таким образом, дальнейшему анализу подверглись оставшиеся 1120 примеров.

Опишем механизмы, на основе которых они построены, расположив их в порядке возрастания частотности:

- 1) Лексическая полисемия – 47 %.
- 2) Контекстуальная антонимия – 13 %.
- 3) Прагматическая несогласованность – 9,7 %.
- 4) Лексическая омонимия – 9 %.
- 5) Контекстуальная полисемия – 8,3 %.
- 6) Контекстуальная синонимия – 5,3 %.
- 7) Структурная омонимия – 5 %.
- 8) Дейксис – 4,2 %.
- 9) Анафора – 4 %.
- 10) Неопределенность – 3,5 %.
- 11) Грамматическая полисемия – 3 %.
- 12) Неверная фонологическая сегментация – 2,6 %.
- 13) Синкретизм – 0,8 %.

Анализ был осложнен тем, что некоторое количество двусмысленных речевых единиц оказались синкретичными, обладающими признаками сразу двух моделей. Например: *Заходит как-то Петька к Чапаеву, в штабное помещение, а там запах такой – прямо святых выноси.*

Сидит Чапаев за столом, картошины по карте перемещает – будущее сражение обдумывает. А сапоги у него – вместо артиллерии, значит... Петька от вонищи нос зажал и спрашивает:

*– Василий Иванович, ты портянки-то **меняешь**?*

– Не мешай, Петька. А впрочем – только на сало (анекдот). Формально данный пример относится к диалогии, так как ключевое слово (шифтер) не повторяется, но имплицитно здесь повторяется глагол «менять», причем первое словоупотребление отличается по смыслу от второго, что является признаком антанаклазы (в данном случае – диафоры), т.е. можно данные примеры либо считать синкретами диалогии и антанаклазы, либо ввести понятие **имплицитной антанаклазы**.

Образец контаминации диалогии и амфиболии:

Держусь, томлюсь, качаюсь,

Вперед, назад,

Вперед, назад,

Хватаюсь и мотаюсь,

И отвести стараюсь

От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели

Хохочет голубой:

– Попался на качели,

Качайся, черт с тобой! (Ф. Сологуб. Чертовы качели) – где за счет возможного двойного осмысления конструкции реализуется два значения слова «голубой»: как определения по цвету, относящегося либо к ели, либо к персонажу (черту), в настоящее время добавилось и третья возможная трактовка, как субстантивированного прилагательного, вызывающая комический эффект.

Приведем статистику синкретичных примеров (Табл. 3), а после отграничивания синкрет от общего их количества можно подсчитать процентное соотношение различных моделей (приемов) в имеющемся корпусе (Табл. 4).

Табл. 3 – статистика синкретичности моделей (приемов)

Модель (прием)	Дилогия	Антифразис	Буквализация метафоры	Амфиболия	Антанаклаза диафора	Антанаклаза плока	Астеизм	Зевгма
Дилогия	X							
Антифразис	6	X						
Буквализация метафоры	16		X					
Амфиболия	21	1		X				
Антанаклаза диафора	3	1	4		X			
Антанаклаза плока	6	1	5	1	2	X		
Астеизм	2	X	1				X	
Зевгма	1	3	1					X
Другое	8	1		3				
Итого	87							

Табл. 4 – численные характеристики моделей (приемов) двусмысленности с учетом речевых ошибок

Модель (прием)	Общее кол-во (несинкреты + синкреты + ошибки + спорные случаи (не прием и не ошибка))	Кол-во спорных случаев и ошибок	Кол-во стилистических приемов (несинкреты + синкреты)	Количество синкрет среди стилистич. приемов	Количество несинкретичных стилистич. приемов	% каждого приема от общего количества «чистых» стилистич. приемов
1. Дилогия	627	22	605	62	543	55,2
2. Антифразис	178	3	175	14	161	16,4
3. Буквализация метафоры	156	0	156	27	129	13,1
4. Амфиболия	76	26	74	15	59	6
5. Антанаклаза-плока	75	1	50	10	40	4,1
6. Антанаклаза-диафора	50	0	50	24	26	2,64
7. Астеизм	25	0	25	3	22	2,23
8. Зевгма	8	0	8	5	3	0,3
9. Другое	13	0	13	12	1	0,1
Итого	1208	52	1156			

Опишем полученные количественные данные. Из таблицы 1 видно количество синкретичных примеров (имеющих метки более одного приема). Прием, имеющий наибольшее количество синкретичных примеров в абсолютном выражении (62 случая) – диалогия, она может взаимодействовать со всеми остальными моделями, в том числе и с моделью «Другое» (к ней мы отнесли примеры, находящиеся в поле двусмысленности ближе всего к тому или иному приему, но не удовлетворяющие его формальным требованиям). Например, в случае с диалогией, это случаи двусмысленности, основанные на пресуппозиции и реализующиеся не на полисемии или омонимии, а на прагматической несогласованности. Ср.: – *А вы знаете, что сейчас ваши зубы и десны **находятся под угрозой?** – Почему, доктор? – Да потому что ты, дура, своим «Матизом» полпарковки заперла* (Комсомольская правда. 23-30.12.2010). Для подобного вида экземпляров в научной литературе не существует собственного названия, для удобства будем называть подобные случаи (25 единиц) **парапрагматической диалогией** – то есть диалогией, базирующейся на отклонении от собственно прагматических норм.

Некоторым моделям не свойственно контаминировать друг с другом: амфиболия не образует синкрет с буквализацией метафоры, диафорой, зевгмой и астеизмом, а буквализация метафоры – с антифразисом и амфиболией. Менее всего склонен к образованию синкрет астеизм – в абсолютном выражении (2 случая с диалогией и 1 с буквализацией метафоры), и антифразис – в процентном (7,5 %). Эти данные можно узнать из таблицы № 3.

Эта же таблица демонстрирует и данные по количественному соотношению моделей: из общего количества двусмысленных речевых единиц (1120) «чистых» – 1033 (87 примеров синкретичны). Наиболее частотна диалогия (54.5 %), наименее – зевгма (0.3 %). В связи с этим следует упомянуть единственный случай, помеченный нами как «Другое» без контаминации с другими приемами: <Хр0М0и> *Читаю книжку, там фраза " – О-о, так вы барон?" и думаю – фигасе, в книгах уже смайлами пишут...* <Хр0М0и> **О_о** вы барон ??? (2007. bash.im). С формальной точки зрения это нечто среднее между антанаклазой (смена значений), диалогией (неверное понимание языковой единицы) и амфиболией (т.к. фигурируют знаки пунктуации), но в целом это совершенно особая разновидность двусмысленности, основанная на визуальном восприятии знаков, которую условно можно назвать **«символьной двусмысленностью»**.

До сих пор, говоря о статистическом анализе корпуса фактических данных, мы подразумевали двусмысленные речевые единицы как таковые, не разделяя стилистические приемы и ошибки, далее же сконцентрируемся на описании именно стилистических приемов (1070 примеров из 1120 двусмысленных), чтобы описать стилистический потенциал рассматриваемого предмета.

Анализ фактического материала показывает, что соотношение между приемами (моделями) по численности идентично независимо от того, считать ли их вместе с ошибочными или брать только стилистические приемы (диалогия лидирует с большим отрывом). Кроме того, данные таблицы № 3 свидетельствуют о том, что больше всего спорных и ошибочных примеров у диалогии и амфиболии, и если в первом случае их обилие можно объяснить многочисленностью примеров данной модели, то во втором случае, очевидно, дело в самой природе модели.

Стилистические приемы двусмысленности распределены в нашем корпусе по сферам и жанрам следующим образом (тексты из разных сфер, подвергшиеся сплошной выборке, примерно равны):

1. Сфера масс-медиа: 886 примеров (928), причем 644 из них, или 72, 6 %, извлечены из газетных текстов. На втором месте располагаются контексты из интернет-источников (15 %), где наиболее многочисленную группу составляют примеры с сайта *bash.im*, представляющие собой ретранслированную разговорную речь (63, или 47, 7 %, из 132).

2. Художественная литература: 183 (185). К художественной литературе в чистом виде относится лишь 59, или 32,2 % примеров, в то время как 124 извлечены из сборника анекдотов, являющегося в некотором роде объединением литературы (т.к. изданы в виде книги) и фольклора (т.к. представленные там анекдоты не имеют авторства).

3. Научная литература: 1 пример (7). Среди контекстов из научной литературы лишь один являлся стилистическим приемом: *Если же говорящий не находит поддержки у аудитории, то и реакция слушающих будет соответственной: гул неодобрения, посторонние разговоры – все это свидетельствует о «мастерстве» оратора* (Л.М. Линецкая. Условия эффективности речевого поведения в современном обществе // Язык и образование. Сб. науч. Тр. / Редколл.: Т.А. Лисицына, Л.А. Гореликов, Р.Н. Шабалин: НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2001. С. 46–47), остальные представляли собой ошибки. Ср.: *Не случайно при прослушивании звукового файла продолжительностью 22 минуты 36 секунд (продолжительность разговора с матерью) девочка пытается заплакать семь раз* (девочка плачет не при прослушивании, а в записи, т.е. при прослушивании записи мы слышим, как девочка пытается заплакать).

Цифра в скобках в каждом случае демонстрирует общее количество двусмысленных контекстов, извлеченных из указанных сфер, т.е. вычтя приемы, мы можем сделать выводы о количестве спорных случаев или ошибок. В численном выражении наибольшее количество двусмысленностей-речевых ошибок встречается в сфере масс-медиа, в процентном же – в

научной сфере, что подтверждает гипотезу о том, что научные и деловые тексты не входят в сферу функционирования стилистических приемов двусмысленности.

Наиболее популярными жанрами ожидаемо стали анекдот и шутка (в совокупности 50,4 % всех примеров), на втором месте идет газетная статья (30,6 %). Вообще, из чисто журналистских жанров (статья, комментарий, новостная заметка и интервью) было извлечено 39 % примеров, из художественных – 5,6 %, а из рекламных – всего 2,1 %.

Функциональная градация приемов двусмысленности выглядит следующим образом:

1. Развлекательная функция – 632 случая (24,8 %)
2. Текстобразующая – 586 (23 %)
3. Оценочно-характеризующая – 327 (12,8 %)
4. Иносказательная – 322 (12,7 %)
5. Функция выражения остроумия – 317 (12,5 %)
6. Функция создания образности – 196 (7,7 %)
7. Функция привлечения внимания – 165 (6,5 %)

Следует иметь в виду, что приемы выполняют лишь одну функцию крайне редко, в подавляющем большинстве случаев это контаминация двух или более функций, поэтому сумма случаев выполнения той или иной функции значительно больше совокупности приемов (2545 против 1071: в среднем 2,4 функции на один прием), что, тем не менее, позволяет выявить процентное соотношение частотности функций. Кроме того, иногда определение функций представляется затруднительным, например, в следующем примере очевидна лишь функции демонстрации авторского остроумия, т.к. развлекательность в статье о протестах автомобилистов против повышения цен на бензин маловероятна и даже нежелательна: *Автовладельцы встанут и подмигнут. <...> Представление назначено на 22 января. Мигать будут в прямом смысле* (Вечерний Красноярск. 2008. №1. ст. Казус-бензинус).

Итак, наиболее частотной является функция развлекательная, которая в большинстве случаев контаминирует с текстобразующей (92,7 % случаев) в малоформатных комических жанрах (анекдот, шутка, афоризм), хотя есть и исключения: *А надо ли колотьяся?* [заголовок статьи про плюсы и минусы вакцинации от гриппа] (Комок. 2006. №44) – здесь текстобразующая функция контаминирует не с развлекательной, а с аттрактивной функцией.

Теперь рассмотрим каждый стилистический прием двусмысленности по отдельности, отмечая его ключевые характеристики, начиная с наиболее частотных. Напомним, что общее количество стилистических приемов двусмысленности в имеющемся корпусе речевых единиц равно 1070.

1) Диалогия является самым распространенным стилистическим приемом: 605 единиц, или 56,5 % от общего количества стилистических приемов, она способна контаминировать со всеми остальными приемами (62 случая). Диалогия не встречается лишь в научной речи, преимущественно функционирует в сфере массовой информации, причем в развлекательной функции. 360 примеров из 605 – это анекдоты и шутки (59 %): *Если вы в казино ставите на красное, а вам не везет, попробуйте на красное **положить*** (Сегодняшняя газета. 27.06.2005). Помимо случаев, где она организует целый текст (372 примера), диалогия чрезвычайно частотна в заголовках (106 случаев), что намного чаще, чем у всех остальных стилистических приемов двусмысленности вместе взятых (79,6 % от общей суммы приемов в заголовках): *Экстремалов ждал **провал!** Как мы прыгали с 40-го этажа* (Комок. 2005. № 6. Заголовок ст.) – поражение / Туимский провал. Большим количеством использований диалогии в заголовках объясняется и большой процент случаев дефектной организации коннектора и шифтера (67 % от всех случаев), когда в заголовке находится только шифтер, а коннектор отсутствует или находится в подзаголовке, лиде или основном тексте, что препятствует пониманию заголовка без чтения (восприятия) всего текстового комплекса: *Что было... что будет... главное, что **есть!*** (реклама авторской программы «Рестораны и рестораторы», называемой в аудиоролике чуть позже). В численном же выражении для большинства стилистических приемов двусмысленности традиционной комбинацией коннектора-шифтера является последовательная, когда коннектор находится после шифтера (328 случаев из 540). У зевгмы, например, она составляет 100% всех приемов.

Вернемся к диалогии. Она опережает остальные приемы по количеству примеров полной двусмысленности, не разрешающейся лингвистическим контекстом (54,8 % от общего количества), например: *Каждый новенький ребенок вылезает из пеленок и терется повсюду и **находится** везде!* (детская песня) – быть / быть найденным; *Марина заезжала даже к матери Миши Жиронкина, но, узнав, что та ни разу не получала от сына ни одного письма, не стала ей ничего рассказывать, тем более что мать холодно сказала: – Не пишет он нам! Что подделаешь, неблагодарный сын! Уж кажется, ни в чем ему отчим не отказывал, и такую мать, как я, **поискать надо!**.. – Да, **надо поискать**... – согласилась Марина* (В. Осева. Динка прощается с детством) – случай полной прагматической диалогии. Диалогия в принципе склонна к имплицитному (менее очевидному) проявлению в тексте (63 % от всех приемов), что делает основанную на ней игру смыслов более тонкой, более приятной для внимательного читателя, создает иллюзию смысла «не для всех».

По типу двусмысленности диалогия в 82 % случаев относится к семантическому лексическому типу и основывается на полисемии как языковой, так и контекстуальной, и

лексической омонимии (вместе они составляют 96 % от общего количества примеров семантического лексического типа диалогии). Второй большой группой, на которой основывается диалогия по типу двусмысленности, является референциальная (10,7 %, или 65 единиц), что больше, чем у всех остальных стилистических приемов двусмысленности вместе взятых. Диалогия же (в меньшей степени антифразис) является тем приемом двусмысленности, который эксплуатирует прагматический тип двусмысленности. В совокупности пресуппозиционная и иллокутивная разновидности составляют 13,2 % единиц из 605 (общее количество приведенных процентов превышает 100 %, т.к. большинство прагматических типов контаминируют с семантическими, что не препятствует формированию наглядного представления о соотношении их частотности).

Несмотря на то, что универсальная схема диалогии не предполагает повторения ключевого слова (шифтера) (519 случаев из 605), существуют и разновидности диалогии, в которых ключевое слово повторяется. Главное их отличие от антанаклазы, в которой обязательно повторение (эксплицитно или имплицитно) шифтера в разных значениях, состоит в отсутствии собственно переключения лексического значения слова. Например, в следующем анекдоте слово «пароль» не меняет значения, комический эффект создается из-за наличия двух пресуппозиций у нас и у персонажей анекдота по отношению к первому словоупотреблению, т.е., как и свойственно диалогии, у одного и того же слова возникает несколько пониманий, хотя в данном случае это и не лексические значения, а прагматические смыслы. Ср.: *Солдат-узбек на посту. – Стой кто идет? Гавары **парол**... – Парол... – Прахады...* (анекдот). В 25 случаях это ключевое слово и вовсе отсутствует, такие образцы относятся к пограничным случаям прагматической диалогии: *Разговор двух солдат: – Вань, а Вань, давай поселим козла в казарме – на счастье, вроде талисмана. – Так ведь **вонь, грязь!** – Ничего, привыкнет. Мы ведь привыкли!* (анекдот). Альтернативного названия научная литература не предлагает.

В большинстве случаев (73,8 % от общего количества) диалогия не имеет никаких специальных маркеров. В 38,6 % на колебания значения указывает дополнительная объясняющая конструкция, которая может идти как отдельным предложением, например: ***Чувство долга** ко многому обязывает. Особенно если сумма большая* (Телевизор. 2006. №38); так и пояснительной конструкцией внутри предложения: *Есть кинокритик Борис Нелепо, а есть певица Анжелика Зачем. Ну то есть Варум. Еще у нее есть муж, он же певец и композитор Леонид Агутин. Вместе они подарили аудитории россыпь мемов – «так грустно, что хочется курить», «ах, как хочется **ворваться** в городок» (песня, написанная под очевидным влиянием блиц-крига), «прохожий – парень чернокожий» (Ст. Бикоз! Шанс. 2012. №33).*

Несмотря на то, что кавычки, как правило, считаются маркером антифразиса, в 23 контекстах (3,8 %) диалогия также эксплуатирует данный маркер, в основном кавычки указывают или на окказиональное понимание слова (т.е. на контекстуальную полисемию) или на референциальный тип, основанный на различении имен собственных и нарицательных, например: *«Спящая красавица» встает на коньки* (заголовок статьи о постановке спектакля на льду) (Красноярский рабочий. 2008. №5). В редких случаях на двусмысленность могут указывать другие знаки препинания (обозначающие паузу): *Всем известно, что благотворительность должна быть скромной? Так вот, один новый русский выписал чек в 100 000 долларов на благотворительность и ... не подписал его* (анекдот), или междометия: *Оказывается, для большинства людей Святки – это прежде всего старинные гадания, и здесь народная изобретательность достигла своих заоблачных высот еще давным-давно. Гадание на воске и на молоке, гадание по тувле, по волосам, по тени, по пламени, по скорлупе ореха, по полену и даже, эх, по яйцу – список можно продолжать еще очень долго* (Красноярский комсомолец. 2008. №1). Именно диалогия в большинстве случаев использует иллюстрацию как маркер двусмысленности (11 единиц из 14 имеющихся случаев контаминации текста и изображения): *Оливковое масло Испании. Сделайте вкус ярче!* Илл. Струя оливкового масла из бутылки окрашивает черно-белые продукты, возвращая им натуральные цвета (Крестьянка. 2010. №10).

Что касается такого показателя, как степень отдаленности значений, то в диалогии она преимущественно средняя (48,8 %) и слабая (27,3 %). Направление же перехода значений наиболее частотно «от прямого значения к прямому» (32,5 %), хотя встречаются в разных количествах все возможные виды такого перехода, в том числе и 39 случаев колебаний оттенков значения в рамках одного словарного толкования (6,4 %): *Россия готова бесплатно поставлять Украине газ, но только нервно-паралитический* (Комок. 2006. №2).

Функционально диалогия детерминирована жанрами. Это в основном малоформатные комические жанры, поэтому наиболее частотна диалогия в функциях развлекательной (65,7 %) и текстообразующей (63 %), причем способна реализовывать их как вербально, так и невербально: *Субботним весенним утром сантехник Сидоров был найден **убитым** в подъезде своего дома. Соседи утверждают, что видели его таким уже не раз.* (www.pogjati.ru/jokes/47559-izbrannoe.html) – диалогия в текстообразующей и развлекательной функциях; *Молодежный клуб “Разрядись”* [на иллюстрации молодые люди перед входом складывают боеприпасы] (Комок. 2005. № 27) – текстообразующая и развлекательная функции диалогии в креолизованном тексте. При этом развлекательная и текстообразующая функции не взаимообусловлены: встречаются примеры, где, например, реализуется функция

текстообразующая, но не развлекательная: *Ленин зачастил на профилактику* (АиФ. 2009. № 6) и наоборот. Помимо названных функций, дилогии свойственны также функции привлечения внимания (в заголовках) и иносказательная, в частности та ее разновидность, которая используется в афоризмах для краткого выражения какой-либо мысли, чаще не вполне открыто: *Мужчинам от женщин нужны формы, а женщинам от мужчин – содержание* (Телевизор. 2006. №49). Этот прием может выполнять и другие функции. Например: *Развлекаясь у себя в номере с проституткой, вызванной по телефону с виллы «Cosmos» (опять вранье), Степа лениво поглядывал на экран телевизора, поглаживая кудри кислотного цвета в районе своего живота. По телевизору шел фильм про инквизицию – он был на испанском языке, но в нижней части экрана бежали английские титры, что позволяло Степе понимать происходящее. Толстый монах-капуцин, которого волокли куда-то стражники в кирасах, молился: – Take this cup away from me... «Да **минет** меня чаша сия», – механически перевел Степа и вдруг обнаружил удивительное совпадение между словом, стоявшим в начале этого выражения, и делом. Значит, искусство действительно отражало жизнь!* (В. Пелевин. Числа) – пример дилогии, в которой доминируют функции иносказательная и создания образности.

2) Следующим по частотности идет антифразис (175, или 16,3 % от общего количества стилистических приемов). Единственный в корпусе пример приема в научном тексте является именно антифразисом, причем классическим, маркированным кавычками. Кавычки традиционно считаются обязательной частью антифразиса, хотя эмпирические данные опровергают это: лишь 47 примеров антифразиса (26,8 %) выделены данными пунктуационными знаками. Маркерами антифразиса могут выступать и целые объясняющие конструкции (9,7 %): *Вот сейчас по всей стране прокатилась волна отравлений паленой водкой. Даже маршруты показали. Якобы именно так движется волна отравлений... **Страшно аж жуть!** А что, раньше не мерли от “левака”?* (Комок. 2006. №48), и вербальные маркеры (слова, указывающие на отличие значения слова или выражения от буквального): *Озеро в Нижегородской области с **выразительным** названием Безымянное* (Комок. 2006. №1); *Из стен лесных вузов и техникумов вышло несколько поколений так называемых специалистов, никогда не бывавших в лесу и даже в лесоперерабатывающих цехах* (Красноярский рабочий. 2009. №2). Наиболее же частотны (53,5 %) случаи антифразиса вовсе без каких-то специальных маркеров: *Болеющие дети по сравнению с болеющим папой – **веселые денечки*** (Красноярский комсомолец. 2008. №1. Ст. Мама болеет, или семья-сиротка). Достаточно неожиданным является и то, что коннектор и шифтер в антифразисе не всегда совпадают, как этого можно было бы ожидать (лишь в 36,5 %). Это происходит в большинстве случаев либо когда прием выделен кавычками (60%), которые и играют роль коннектора,

переключающего значение шифтера: *Нашла «сюрприз» – два гвоздя в моей натуральной деревянной двери!* (Красноярский комсомолец. 2008. №1), либо когда второе, переносное значение в слове уже является закрепленным в языке: *А комментарий Мутко к этому заявлению займет достойное место в коллекции перлов наряду с нетленками Виктора Черномырдина и Леонида Тягачева* (Комок. 2006. №48).

Основным типом двусмысленности в антифразисе является семантический лексический (87,4 %). Антифразис имеет две основные разновидности: одни образуются на основе контекстуальной антонимии, когда значения, совмещенные в одном слове, противопоставляются друг другу (135 экземпляров из 175, 77 %). Вторые реализуют контекстуальную синонимию (29 случаев, или 16,5 %), не столько противопоставляя значения, сколько видоизменяя его, когда контраст их не столь резок, как в первом случае. Ср.: *У нас наглым образом обокрали даже не слугу двух господ, а всего народа. Я как представитель и составная часть народа изумилась: у меня, в слугах у которой пребывает ограбленная служанка, нет и тысячной доли того, что вынесли воры из скромного депутатского жилища обворованной. А ведь есть у нее, как у всякого нашего слуги, и не менее уютные помещения дач, где сейфам тоже место тоже найдется, да и некоторым побрякушкам, что просто в ящиках трюмо валяются, как-то: “браслет из белого металла с бриллиантами”, числом в двести штук* (Завтра. 2006. №50) – данный контекст может служить примером для обеих разновидностей антифразиса: «скромным» контекстуально противопоставлено «роскошному», «побрякушки» же и подразумевающиеся под ними «драгоценности» хоть и контрастны, но не противопоставлены, в основе этого приема лежит контекстуальная полисемия. Омонимия, дейксис и регулярная полисемия не входят в круг механизмов, образующих антифразис.

Сфера бытования антифразиса – средства массовой информации (166 случаев, или 94,8 %), в имеющемся корпусе всего 2 анекдота построены на антифразисе, оставшиеся примеры – из художественной литературы, в частности, рассказов и одного стихотворного произведения: *Народ / Афганистана свободолюбивый / встречает наших воинов с любовью: / Афганистан вам – это не Вьетнам, / где, кстати, любят нас ничуть не меньше ...* (В. Строчков).

Таким распределением по сферам объясняется и жанровая предрасположенность антифразиса: в первую очередь, это газетная статья (126 примеров, 72 %), вместе с остальными журналистскими жанрами (новостной заметкой, интервью и комментарием) они составляют более 89 % всех жанров, в которых функционирует антифразис. Характерная позиция для данного приема – середина текста (76%), ему не свойственно появляться в сильных позициях (т.е. заголовках, начале или конце текста).

Оценочно-характеризующая функция антифразиса преобладает над остальными (81,7 %), второй по частотности является иносказательная, в большинстве случаев они контаминируют друг с другом, вместе составляя 93,1 % от всех функций, выполняемых антифразисом. В большинстве случаев они контаминируют друг с другом. Антифразис функционирует как имплицитно, так и эксплицитно с помощью наиболее характерного маркера двусмысленности – кавычек: *Беспрецедентные потери в Ираке, где “потерпел крушение” истребитель F-16, а впоследствии за 1 день были сбиты 3 вертолета ВВС США, стали своеобразной реакцией сил иракского сопротивления на согласие президента Ирана Махмуда Ахмадинежада помочь своему иракскому коллеге Джалями Талабани “стабилизировать ситуацию в стране”*, сообщили из Баку. Судя по всему, подобная стабилизация будет включать в себя не только безоговорочный вывод оккупационных войск к середине 2007 года, но и некий “контрольный пакет” шиитского большинства в политической жизни Ирака (Завтра. 2006. № 48) – антифразис в иносказательной функции; *Ученые опять порадовали нас парадоксальными открытиями. Водка, оказывается, полезна, заводить детей никогда не поздно, а от козы можно надойть “женского” молока* (Комсомольская правда. 4 мая 2005) – антифразис в характеризующей функции и функции создания образности.

Функции привлечения внимания и текстообразующая наименее свойственны данному приему.

3) На третьем месте располагается такой стилистический прием как буквализация метафоры (14,5 %). Это прием, близкий дилогии, т.к. похож на нее структурно, но отличается от нее направлением перехода значений в ключевом слове. В 122 случаях из 156 имеющихся примеров буквализации метафоры (78,2 %) это «от переносного к прямому», что обосновывает само название этого приема. Это основная «приемообразующая» характеристика данного стилистического приема: *«У меня глаза на мокром месте от пушистых котят, потому что у меня аллергия», «Чихать я хотела на эту химию», «Меня бросает в краску от тещиной кухни». Аллергия такая разная. Тавегил один* (реклама «Тавегила». 2012). Причем буквализироваться может не только метафора, но и фразеологизм и вообще любое переносное значение: *Если у вас большой размер ноги, то вам поможет простая пемза. Трите ею ноги пару часов 2-3 раза в день в течение месяца и проблема отпадет* (Комок. 2006. №8). Таким образом, название «буквализация метафоры» является отчасти данью традиции, как наиболее устоявшееся из его аналогов, хотя более адекватным описываемому явлению был бы термин «буквализация тропа» (см. [Сковородников 2012]).

Несмотря на преобладание перехода значения от переносного к прямому, в рамках данного приема существуют и другие разновидности, например, переход от переносного к

переносному (3 примера): *К официальной церкви Степа относился не лучше, полагая, что единственный способ, которым она **приближает человека ко Всевышнему**, – это торговля сигаретами* (В. Пелевин. Числа) – ни одно из подразумеваемых толкований глагола «приближать» не реализует его прямое значение; *Цыплят по осени **считают**, а ворон – круглый год* (Телевизор. 2006. №38) – в данном случае буквализация метафоры контаминирует с плохой, реализующейся в имплицитно повторяемом глаголе «считать». Интересно, что к буквализации метафоры можно отнести и приемы с переходом значения «от прямого к переносному» (10 единиц): *Кенгуру-папа: – Дорогая, а не завести ли нам еще одного ребенка? Кенгуру-мама: – Ты забываешь, что иметь больше двух детей нам просто **не по карману!*** (www.evgbur.ru/witticism/aneddot). К буквализации метафоры относятся также примеры с переходом «прямое-прямое», в которых бывшее когда-то переносным значение стало теперь одним из прямых, но его былая фигуративность продолжает «мерцать»: *Где же **набраться смелости?** Ведь смелые ее не отдают...* (Комок. 2006. №36).

Буквализация метафоры – прием, наиболее последовательно относящийся к семантическому лексическому типу двусмысленности (149 случаев из 156, или 95,5 %), из этих 149 экземпляров 141 основаны на лексической полисемии.

В целом буквализации метафоры не свойственны какие-либо маркеры двусмысленности (59 %), хотя в 23,7 % случаев она реализуется при помощи дополнительной объяснительной конструкции, например: ***Стреляйте, девушки... глазами*** [об убийстве, совершенном девушкой] (АиФ. Здоровье. 1999. №21). По степени отдаленности обыгрываемых значений у буквализации метафоры нет никаких особых характеристик, наиболее частотна средняя степень (53,2 %), а слабая и сильная насчитывают равное количество единиц (по 21 %).

В буквализации метафоры коннектор располагается, как правило, после шифтера (61 %):
ууу: *чем занята?*

ххх: *На паре*

ууу: *небось **грызешь гранит науки?***

ххх: *Угу, грвзу*

ууу: *прожуй сперва* (bash.im. 2012),

но встречаются и примеры обратного расположения: *Однажды австрийскому эрцгерцогу Францу Фердинанду до смерти захотелось посетить городок Сараево* (www.warnet.ws. 2012).

В более чем 80% случаев ключевое слово в буквализации не повторяется, но есть примеры, сближающие ее с антанаклазой, например: *Ведь **новый** год потому и **новый**, что в нем нет места банальностям и повторениям* (Аревера. 2009); *Валяльные фабрики, не*

отставая, **шагают в ногу** со временем. **Шагают**, разумеется, в валенках (Комок. 2006. № 50). Основное отличие данных примеров от антанаклазы – в уже описанной особенности перехода значений в описываемом приеме, в антанаклазе это игра на прямых значениях или даже омонимах, в то время как здесь мы видим ярко выраженное направление «переносное – прямое». Встречаются и примеры имплицитного повторения ключевого слова (один из таких примеров приведен на предыдущей странице): *И этот **склон** – не лет, а лишь горы, / и склонность к протяженным сантиментам / с отвесом и портновским сантиметром, / в которой не присутствует корысть,* / (В. Строчков).

Буквализация относительно малочастотна в художественной литературе (всего 11 примеров) против 137 из масс-медийных текстов, в большинстве своем малоформатных комических жанров (63,5 %), что подтверждается и тем, что основой текстовой позицией буквализации метафоры является «полный текст» (99 примеров из 156). Этот прием редко (3 факта из 156) встречается во вторичных жанрах, так распространенных в интернет-сети: *XXX: если акула плавает **вверх ногами**, она может впасть в кому YYY: про акулу добавлю, что не только когда плывёт вверх ногами, но и гибает их в коленях* (bash.im. 2012). Наряду с дилогией, буквализация метафоры является приемом двусмысленности, на котором чаще всего строятся афоризмы: *Зачем жечь мосты, когда их можно просто развести?* (Комок. 2009. №11); *Как только **жизнь** начинает **казаться сахаром**, сразу столько мух слетается* (Комок. 2006. №50).

Наиболее характерными для буквализации метафоры функциями являются текстообразующая и развлекательная (в совокупности 73, 7 %), за ними следует функция выражения остроумия (вспомним, что именно этот прием не бывает случайным и требует от его создателя некоторых, хотя и не чрезмерных, по сравнению с созданием других приемов двусмысленности, усилий). В действительности, это один из наиболее простых для порождения приемов, что и приводит к созданию таких образцов: *Врать женщине, что ее любишь – это **последнее дело...** перед тем, как с ней развлечься* (www.evgbur.ru/witticism/aneddot); *Актеры эти – все **сукины дети***. [о собаках – актерах] (Комок. 2005. № 26).

Буквализация метафоры так же, как и дилогия, может встречаться в креолизованных текстах, где, как и в текстах вербальных, выполняет в основном функции развлекательную, выражения остроумия и привлечения внимания (особенно в рекламных плакатах): – *Похоже, я споткнулся на лестнице эволюции* [иллюстрация – мужик лежит в луже со свиньей] (Аргументы неделі. 2006. №19/6) – буквализация метафоры в функциях развлекательной и экспрессивной; *Со своего поста **слетел** первый губернатор. Остальные ждут* [на иллюстрации губернатор приземляется на парашюте] (АиФ. 2005. № 11) – здесь буквализация метафоры выполняет

одновременно четыре функции: характеризующую, выражения остроумия, привлечения внимания и иносказательную.

4) На четвертом месте по частотности находится плока (74 примера, или 7 %), но мы будем рассматривать антанаклазу в целом (122, или 11,4 % от общего количества стилистических приемов двусмысленности), т.к. разница между плокой и диафорой заключается лишь в относительно субъективно определяемой дистанции между сопоставляемыми значениями. Ср.: *Большинство людей, отправляющих SMS на короткий номер, чтобы узнать, что их ждет – любовь, секс или **развод**, узнают еще одно значение слова **развод*** (2014. <http://www.anekdot.ru>) – плока; *Я стрелок, люблю стрелять по **тарелочкам**. Однако окрестные обладатели спутниковых **тарелок** почему-то недовольны* (Комок. 2008. №17. Рубрика «Анекдоты») – диафора.

Встречаются случаи антанаклазы с переходом значений от прямого к окказиональному: *illustrator: В Швеции можно час ехать по трассе и не встретить никого кроме **олений**.*

christos: В Москве то же самое.

persivalus: да и в Киеве тоже

*tuatlan: да по всей россии можно ехать час по любой трассе и не встретить никого, кроме **олений*** (bash.im. 2007-06-08 16:38 #293053).

Относительно велико (22 случая из 122) количество примеров, к которым нельзя применить характеристику «направление перехода значения», т.к. меняются скорее референты, чем лексические значения слов, например: *Две трети россиян (67 процентов) назвали инфляцию основной **проблемой**, стоящей перед страной. (Кто бы мог подумать?) А в московских газетах на первых полосах про другие **проблемы** пишут: является ли Галкин мужем Пугачевой* (Комок. 2008. №17).

Несмотря на то, что конструктивной особенностью антанаклазы считается наличие повторения ключевого слова с измененным (причем прямым) значением, иногда это слово повторяется имплицитно (8,1 %) (в том числе может быть заменено знаком тире): *Пелевин **лезет** в стол, Макаревич = в память* (АиФ. 2005. № 45) – это образец диафоры, где изменение в слове незначительно и происходит в рамках одного значения; – *Вот у тебя муж – моряк дальнего плавания, ты его видишь неделю в году, как ты **терпишь?** – Неделю-то?* (www.evgbur.ru/witticism/anekdot) – в этом анекдоте имплицитно повторяется глагол «терпеть», имеющий разное пресуппозиционное наполнение.

Повторение шифтера с изменением встречается немного чаще (51,6 %), чем его повторение в той же грамматической форме (36, 8 %). Ср.: ***Открывая** «Парламент», открываешь Россию* (Слоган в рекламе водки «Парламент»); *Клиент изучает счет в*

ресторане: – Салат – 5 долларов, горячее – 20, десерт – 15, бутылка вина – 25. Всего 65 \$. А у вас 110 \$. Как же так **получилось**? Официант с досадой: – Ну, значит, не **получилось**... (Шанс. 2012. № 34).

Отдельные примеры сложно отнести к тому или иному приему, основываясь лишь на формальных показателях. Например, данный случай представляет собой нечто среднее между антанаклазой и буквализацией метафоры: *Маргарита Алексеевна была девушкой игривой. Она носила прическу а-ля Мэрилин Монро. У нее в шкафу жил настоящий скелет, а скелеты в шкафу, как известно, никого не оставляют равнодушными* (Ст. Биологичка. Cosmopolitan. Февраль 2012) – но в антанаклазе оба значения, как правило, прямые, а в буквализации метафоры переход идет от переносного к буквальному, а не наоборот, как происходит в этом случае.

Основное количество примеров антанаклазы изъято из текстов масс-медиа (80 единиц, 65,5 %), всего 9 случаев антанаклазы встречено нами в художественной литературе: *Разговор происходил у дверей с надписью «Отдел приключений». Андрей понимал истинный смысл этих слов, но, посмотрев на унылого сотрудника этого отдела, улыбнулся. А жаль, что действительно не существует на свете такого отдела увлекательных, волнующих приключений!..* (Д. Гранин. Искатели); *День прошёл по примеру многих, / И опять на исходе дня / Я сижу, подводя итоги, / А итоги подводят меня* (Ф. Кривин).

Именно антанаклазу, наряду с антифразисом, чаще всего используют авторы коротких, как правило, иронических комментариев в прессе: *В. Огрызко, 1-й замминистра иностранных дел Украины: “Мы за развитие прекрасных отношений с Россией, добрососедских отношений, но цель наша – ЕС и НАТО”.*

Мы тоже за развитие прекрасных и добрососедских отношений с Украиной, но у нас в России такие цели как НАТО, находятся в компетенции ракетных войск стратегического назначения (АиФ. 2006. №11).

Антанаклаза более часто организует тексты (87 единиц из 122), чем является их составной частью. Из них 94, 2 % составляют анекдоты и шутки, но встречаются и другие жанры, например, такое сатирическое четверостишие:

*Жизнь Касьянова ломала,
Всех лишала званий,
Вот и дача его стала
Дачей показаний* (Комок. 2005. №28).

Этим обусловлены и функциональные особенности данного приема, в 68 % антанаклаза имеет сугубо развлекательное назначение, как правило, совмещая его с текстообразующей,

хотя, например, в следующем образце текстообразующая функция контаминирует в большей степени не с развлекательной, а с иносказательной функцией: *Для мужчины работа – второй дом, а для женщины дом – вторая работа* (Телевизор. 2006. №49); *Валадилен: опять набрались в баре вчера и начали приставать к девушкам. Вова: чего набрались? Валадилен: смелости. смелости, Вова, набрались* (bash.im. 06.03.12) – антанаклаза (плока), выполняющая развлекательную функцию и функцию выражения остроумия;

Встречаются примеры, демонстрирующие другие функции (79 случаев, где развлекательная и/или текстообразующая функция не являются основными): *С годами сердце дает знать о себе все чаще. Что это: неизбежный признак возраста или «просьба» о внимательном отношении. На ее [формулы с Q10 – М.Ю.] основе выпускается Кудесан, завоевавший сердце многих россиян.* (Ст. Друг сердечный – Q10. Медицинская реклама) – функция образности, приписывающая медпрепарату качества одушевленного лица; *К клубам отечественной премьер-лиги осенью 2010 г. приписано почти два десятка «Пеле», на приобретение которых потрачено, по скромным подсчетам, порядка 60 миллионов евро. Не помогают ни лимит на легионеров, ни печальный опыт. Они забивают, а благодарная Россия готова забыть и на убытки, и на планы воспроизводства собственных кадров* (АиФ. 2010. № 40) – антанаклаза (плока) в функции выражения остроумия; *Ведь новый год потому и новый, что в нем нет места банальностям и повторениям – замыслы должны быть новыми и уникальными!* (Аревера. 2009. №37) – антанаклаза (диафора) в функциях создания образности и выражения остроумия. Образную функцию выполняет также антанаклаза из произведения Д. Гранина, приведенная на предыдущей странице.

5) В исследованном корпусе оказалось всего 50 экземпляров такого стилистического приема как амфиболия (4,6 %), из них лишь 50 % не синкретичных, например: *<Lgin только что слышал рекламу формозы: "Звоните! Телефон семьдесят четыре ноля!" <Lgin> *бёцца головой апстол* <Lgin> 74 ноля...* (bash.im). Чаще всего амфиболия сочетается с дилогией: – *Пацаны, у меня сын родился! – Больно?* (Комок. 2006. №46) – на первый взгляд это семантика, но относится и к амфиболии, т.к. многозначна сама синтаксическая конструкция «притяжательное местоимение с предлогом».

Нарушение ожидания, когда не только содержание текста, но и его синтаксическая структура предполагают иное продолжение, называется в мировой практике «садовой дорожкой» (garden path), например: *Следствие ведут...не туда* (Завтра. 2006. №50), многоточие при этом не является обязательным условием: *К приезду комиссии МОК Юрий Лужков распорядился разогнать облака над Москвой до скорости 300 км/ч и составить из них*

олимпийские кольца (Комок. 2005. №14). Примеров амфиболии такого типа в нашем корпусе 8 единиц.

Амфиболия активно эксплуатирует возможности письменной речи, в частности, пунктуационные знаки (вернее их отсутствие), ведь именно они заменяют интонационное членение устной речи при переводе ее в письменную фактуру: *ВСЯВЛАСТЬУБОГА!* (<http://www.aphorism.ru/1145.shtml>) – экземпляр полной двусмысленности.

Данный стилистический прием по типу двусмысленности делится на две основные группы: синтаксическую поверхностную (50 %) и синтаксическую глубинную (24 %). Ср.:
Dmitry: я тут ... прикольное объявление на подъезде сфотал

Dmitry: продается кровать для подростка коричневого цвета из натуральной древесины.....

Dmitry: ... для буратино кровать... (bash.im. 2008) – здесь двусмысленность могла быть разрешена простой перестановкой членов предложения; в следующем примере перестановка не снимает двусмысленность, необходима полная переработка фразы:

nolled: Как решил вопрос с жильем, %username%?

w008: Снимаю вместе с женой.

Steward: оригинальная услуга... (bash.im. 2010).

Последний пример, кроме того, иллюстрирует весьма частотный вид амфиболии, создаваемый и разрешаемый собеседником. Иначе говоря, продуцент текста создает лишь, ненамеренно, потенциальную двусмысленность, реализует которую, обращая на нее внимание, второй участник коммуникации, таким образом проявляя свое чувство языка и остроумие. Лишь в редких случаях сам автор способен обратить внимание на нежелательную двусмысленность своего текста: *ДВ: Лучшие травить тараканов вместе с соседями, т.е. я хотел сказать сообща с соседями, чтобы они не бегали из квартиры в квартиру, в смысле, тараканы...* (bash.im. 2010).

В большинстве случаев (72 %) амфиболия реализуется как прием во вторичных жанрах с сугубо развлекательной целью (см. предыдущие примеры): *С форума д-ра Комаровского: Ксюха: Скажите, пожалуйста, можно ли купить 6-ти летнего ребёнка в ванной с соплями* (bash.im. 07.02.2014) – амфиболия в развлекательной функции. Встречаются речевые контексты, в которых синтаксическая двусмысленность выполняет и образную и характеризующую функции, например, в следующем отрывке из рассказа: «...вкручиваясь в раскаленный воздух. Рябая гладь ...» *Маралов хмыкнул. Как это так – рябая гладь?*

Он снова пробежал глазами по строке – и вдруг всем своим пытающимся расслабиться существом налетел на ухряб, разделенный точкой.

«К черту, – подумал Маралов. – Надо читать классиков». Он встал с дивана, вернулся к шкафу и выбрал другую книгу, с золотыми полосками на корешке.

«...вот-с, умял двух рябчиков, да еще...».

*Маралов театрально засмеялся и сделал руками жест веселого недоумения, тоже очень театральный (В. Пелевин. Ухряб); Обрыв проходит всегда по самому интересному месту, и если узнаешь из кусочка газеты, как зал аплодисментами встретил **товарищей такого-то и такого-то**, начинаешь думать, что эти двое – очень крутые люди, раз даже их товарищей специально встречают какими-то аплодисментами (В. Пелевин. Желтая стрела) – амфиболия в функциях характеризующей и создания образности.*

Остальными двумя характерными для амфиболии функциями являются: функция привлечения внимания (50 % от оставшихся контекстов) (использование синтаксической двусмысленности в заголовках с целью привлечь внимание, заинтриговать читателя): *КуриТЬ... неЛЬзя... бросиТЬ* (АиФ. 2009. №18) и проиллюстрированная выше функция проявления остроумия.

6) Следующим стилистическим приемом двусмысленности является астеизм (25 единиц, или 2,3 % от общего числа стилистических приемов двусмысленности), чрезвычайно близкий антифразису и нередко считающийся его разновидностью. Основные их характеристики действительно совпадают, астеизм также в подавляющем большинстве случаев (88 %) выполняет функции оценочную (характеризующую) и иносказательную в газетных статьях (22 приема из 25). *Будучи премьер-министром, он так и объяснил недопонимавшим депутатам-коммунистам государственную мудрость выплачивания нищенских зарплат и пенсий или невыплаты оных вовсе... Они же, **недоумки**, кинутся в магазины продукты да одежду покупать* (Завтра. 2006. № 48) – астеизм в характеризующей функции; – *Гашиники-гады! – Что случилось-то? – Да права отобрали! – За что?! – **Придрались**, как обычно, все им не так: номера грязные... не пристегнут... аптечки нет ... на красный... по встрече... задом ... пьяный* (АиФ. 2011. № 7) – астеизм в развлекательной функции.

Основные различия, кроме направления изменения значения ключевого слова (не от положительного к отрицательному, а наоборот), заключаются в том, что, во-первых, этот прием значительно менее частотен, во-вторых, ему не свойственно выделение кавычками (всего 16 %):

7) Наиболее редким приемом оказалась зевгма (всего 8 приемов в корпусе, из них только 3 не синкретичные). В 87,5 % она встречается в газетных текстах, в основном в малоформатных комических жанрах, хотя может не только развлекать, но и выполнять иные функции в текстах других жанров, например: *Ракам стоит вспомнить, что летом мы «заготовили» на зиму не только компоты и консервы, но и запасы солнечной радости и*

вкусных воспоминаний. Самое время начинать пользоваться этими припасами – пересмотреть альбом с летними фото или созвониться с дачными подругами (Гороскоп. Крестьянка. 2010. №10) – зевгма в функциях развлекательной и выражения остроумия; *На днях поэту, переводчику, исполнителю могло бы исполниться 85 лет, но 12 лет назад его убили. То ли смертельный недуг, то ли не менее смертельная зависть.* (Ст. Булат Окуджава и его недруги) – в обоих приведенных примерах зевгма маркирована, в первом случае – кавычками, а во втором – присоединительной уточняющей конструкцией. Кроме того, обнаружен 1 случай зевгмы в функции привлечения внимания, в газетном заголовке: *Колдуны **чистят** клиентам карму и карманы* (Комок. 2006. №36). 3

Базируясь на таких показателях, как тип разрешения двусмысленности (эксплицитность или имплицитность), дистанция между значениями слов в семантической разновидности двусмысленности и наличие маркеров, можно расположить стилистические приемы двусмысленности по степени их «очевидности». Заметим, что примеры различаются по выраженности двусмысленности и внутри каждого приема, т.е. нельзя один из приемов считать 100% очевиднее другого. Можно лишь наметить закономерность. Расположим их следующим образом (по убыванию признака): антанаклаза, зевгма, буквализация метафоры, антифразис (с астеизмом), диалогия, амфиболия.

3.5. Верификация и генерализация результатов комплексного анализа корпуса двусмысленных речевых единиц

Выясним теперь, могут ли полученные результаты быть распространены на генеральную совокупность двусмысленных речевых единиц. Для этого обратимся к статистическим методам, в частности, к анализу номинативных данных с помощью критерия χ^2 Пирсона (критерий согласия chi-square) [Наследов 2008: 126]. Этот метод позволит увидеть, отличается ли эмпирическое (наблюдаемое) распределение от теоретического (равномерного) или, другими словами, является ли количественное различие между приемами статистически значимым.

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^P \frac{(f_{\text{э}} - f_{\text{т}})^2}{f_{\text{т}}}, \quad df = (k - 1)(l - 1),$$

где $f_{\text{т}}$ – теоретическое распределение по группам (в нашем случае это $1032/9 = 114,7$), P – количество ячеек таблицы сопряженности, содержащих эмпирические значения частот (в нашем случае 9), df – количество степеней свободы, которое вычисляется с помощью величин: k – число градаций сопоставляемых распределений (у нас – 9), l – количество сопоставляемых распределений (2).

Табл. 3 – таблица сопряженности

Прием (X)	Распределение по группам	
	Эмпирическое	Теоретическое
1. Диалогия	563	114,7
2. Антифразис	164	
3. Буквализация метафоры	129	
4. Плока	60	
5. Амфиболия	50	
6. Диафора	40	
7. Астеизм	22	
8. Зевгма	3	
9. Другое	1	
Всего:	1032	

Подставив имеющиеся числовые значения в формулу (1), получаем:

$$\begin{aligned} \chi^2 &= \frac{(563 - 114,77)^2}{114,77} + \frac{(164 - 114,77)^2}{114,77} + \frac{(129 - 114,77)^2}{114,77} + \frac{(60 - 114,77)^2}{114,77} + \\ &+ \frac{(50 - 114,77)^2}{114,77} + \frac{(40 - 114,77)^2}{114,77} + \frac{(22 - 114,77)^2}{114,77} + \frac{(3 - 114,77)^2}{114,77} + \frac{(1 - 114,77)^2}{114,77} = \\ &= 1750,55 + 21,12 + 1,76 + 26,14 + 36,55 + 48,71 + 74,99 + 108,85 + 112,78 = 2181,44 \\ df &= (9 - 1) * (2 - 1) = 8 \end{aligned}$$

Так как $N > 100$, то α принимается равным 0.01. Статистически значимый результат должен быть $P \leq 0.01$, т.е. если полученный результат будет равен или меньше 0.01, это значит, что обнаружены статистически значимые различия между группами, и следовательно, полученные результаты могут быть распространены на генеральную совокупность.

По таблице критических значений теоретического распределения χ^2 -Пирсона (см. Приложение 3) для $df = 8$ видим, что наше значение 2182,31 находится значительно правее значения 26,130, соответствующему 0,001, следовательно, $P \leq 0.001$, $P \leq \alpha$. Это говорит о том, что различия обнаружены на высоком уровне статистической значимости, иными словами, обнаруженное нами соотношение частотности не является случайным, а может быть распространено на всю совокупность приемов двусмысленности.

Полученный результат косвенно свидетельствует о том, что одни из приемов более просты для создания. Вкупе с данными соотношения ошибок и приемов это говорит о том, что

некоторые модели двусмысленности могут получаться случайно, а другие требуют тщательного продумывания и конструирования. В случае ненамеренного создания таких моделей, например, зевгмы, они способны выступать лишь в развлекательной функции, причем только как вторичный текст. Ср. примеры намеренной (т.е. зевгмы-приема) и случайной зевгмы: *На днях поэту, переводчику, исполнителю могло бы исполниться 85 лет, но 12 лет назад его убили. То ли смертельный недуг, то ли не менее смертельная зависть.* (АиФ. 2009. Ст. Булат Окуджава и его недруги.); *Серёга: сейчас купил шампунь, написано **питает волосы и кожу головы ИЗНУТРИ!** Серёга: походу пить придется* (bash.im) – во втором примере зевгма, основанная на неопределенности слова «изнутри», примененного к неоднородным членам перечислительного ряда (одно дело – питать изнутри волосы, а другое – кожу головы), выступает как прием, будучи ретранслированной как вторичный текст с целью рассмешить. При создании конструкции у ее авторов (производителей шампуня) такой цели, очевидно, не было, в отличие от первого примера. Т.е. зевгма может, хоть и в редких случаях, получиться случайно, но ею можно будет разве что рассмешить, для намеренного создания с другими целями она очень сложна. Антанаклаза случайной не бывает, но она конструктивно проще зевгмы, и ее с различными целями создают чаще, этим объясняется ее численное превалирование над последней.

Итак, результаты, полученные в ходе анализа корпуса в базе данных, могут быть распространены на генеральную совокупность стилистических приемов двусмысленности. Была подтверждена гипотеза о различной частотности, т.е. коммуникативной значимости приемов, а также о приемах более простых и более сложных, кроме того, была подтверждена правомерность использования выборки для подтверждения достоверности результатов исследования.

3.6. Стилистические приемы двусмысленности как система

Системность окружающего нас мира, и соответственно, исследуемых явлений, является основной методологической установкой современных научных работ. Если системность языка не вызывает сомнений и является категорией достаточно исследованной, то системность речи только недавно стала объектом научного анализа (см. такие работы как [Карпов 1992; Кожина 2003; Одинцов 1980; Пономаренко 2004; Припадчев 2006; Сидоров 1987 и т.д.]). «Представление объекта в виде системы означает некоторую его схематизацию, проведенную по какому-то основанию. Понятие системы и ее компонентов всегда относительно, так как любая реальность представляет собой систему лишь по отношению к составляющим ее компонентам.... Один и тот же объект может быть представлен в виде разных систем»

[Белоусов, Блазнава 2005: 13]. Абстрактность системных категорий характеризуется и следующим высказыванием: «норма регулирует выбор из нескольких возможных переменных. Поскольку варьирование внутренне присуще системе, то наличие вариантности есть необходимое условие существования нормы» [Зотов 2000]. Система рассматривается как синтетическое понятие, характеризующее единый сложный объект. Важнейшим элементом структуры является иерархичность.

Под системой мы понимаем «комплекс таких избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов для получения фокусированного полезного результата» [Белоусов, Блазнава 2005: 24]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что поле аномалии (у Л.Н. Мурзина – «антинорма») гораздо шире поля нормы. Если поле нормативности связано с предсказуемостью, обыденностью, привычностью (неудивительное), то поле аномальности соседствует, с одной стороны, с изобретением, фантазией, творчеством, а с другой – с необычным, спорадическим [Арутюнова 1987: 8]. С ней соглашается и Т.Б. Радбиль, говоря о «стремлении языка не избегать ошибки, а превращать ее в прием», т.е. о системообразующем характере аномальности: «Значительная часть языковых аномалий не ведет к деструкции системы, а, напротив, будучи системообразующим фактором, раздвигает ее границы» [Радбиль 2006: 296].

Таким образом, понятие системы можно применять и к стилистическим приемам, и в частности, к приемам двусмысленности, которые, несомненно, не являются лишь разнородным случайным «набором» приемов. Здесь мы опираемся на работы А.В. Бондарко, М.Н. Кожинной, Г.А. Копниной, А.А. Кузнецовой, А.П. Сковородникова, И.В. Пекарской. При изучении любого системного образования естественно пользоваться понятием функциональной системы. Функциональными называют «системы, которые функционируют под действием образа – результата деятельности, то есть имеют конкретную цель функционирования» [Белоусов, Блазнава 2005: 23].

Структурно подобные системы состоят из функциональных или функционально-семантических полей. Опираясь на работы А.В. Бондарко, В.Г. Адмони и Г.С. Щура будем понимать под полем совокупность одно- и/или разноуровневых элементов, объединенных общностью семантики, структуры и функции, состоящее из ядра и периферии. Элементы поля обладают следующими признаками: общие функции, общность среды, взаимодействие явлений различных сторон языка, наличие в нем центра и периферии, отсутствие резких границ между самими элементами и между определенным полем и соседними с ним полями. Поля выделяются с помощью компонентного анализа. Компоненты функционально-семантического поля могут различаться частотностью употребления и выполняемыми функциями в текстах

разных стилей и типов. Их могут различать также такие параметры, как степень эксплицитности, употребительность в определенных сферах общения и т.д. Одной из разновидностей микросистем является и так называемое стилистическое поле: «совокупность стилистических приемов, объединенных общностью смысловых отношений сопоставляемого и сопоставляющего и противопоставленных друг другу по языковым единицам, выражающим данные отношения, стилистическому назначению и стилистическому эффекту, способам осуществления принципа затрудненного восприятия» [Бочина 2010: 29].

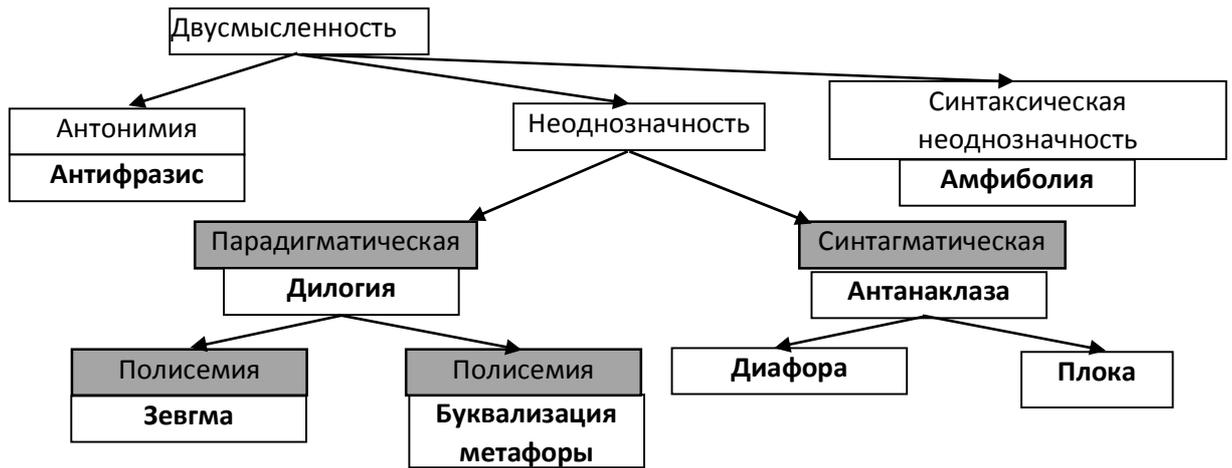
Итак, приняв во внимание все изложенные выше концепции, анализируя группу стилистических приемов, подойдем к ним с точки зрения системного подхода, как к системе, организованной в виде функционального (стилистического) поля. Опираясь на изложенные ранее признаки системности, опишем стилистические приемы двусмысленности как микросистему в общей системе стилистических приемов русского языка.

Структура – это «модель, выстроенная с помощью некоторых упрощающих операций, которые позволяют рассматривать явление с одной единственной точки зрения» [Эко 1998: 62]. Основным системно-приобретенным свойством любого объекта является моделируемость. Приемы двусмысленности обладают этим свойством, так как могут быть представлены в качестве семантических моделей с различным речевым наполнением.

Второй признак их системности – универсальность, что может быть доказано более-менее постоянным набором приемов двусмысленности в различных языковых культурах (что отражено в наборе традиционных стилистических приемов).

Далее следует системность самих языковых явлений, на основе которых строится двусмысленность. Приемы двусмысленности, кроме всего прочего, системны в той мере, в какой отражают систему языка. Омонимия, полисемия, антонимия и синонимия – системные явления языка, следовательно, и их речевое воплощение, отраженное в текстах, также системно.

Кроме того, они обладают некоторой иерархией:

Как архисема является общим компонентом значения элементов лексико-семантических полей, так принцип порождения двусмысленности является общим «компонентом» стилистических приемов двусмысленности. Для большинства приемов он является доминантным, а для других (диафоры) – рецессивным.

Объединяет стилистические приемы двусмысленности и тот факт, что они все представляют собой нарушение логического закона тождества: одна форма соответствует нескольким содержаниям, кроме того, они объединены общим назначением – стимулировать работу мысли адресата в поисках разных смыслов и получения удовольствия от их узнавания. За ней следуют эстетическая и креативная функции, свойственные всем стилистическим приемам вообще. Все приемы двусмысленности способны выполнять развлекательную и текстообразующую функции (в большинстве случаев контаминированные). Хотя и не все остальные функции являются общими для приемов двусмысленности, им свойственна относительная функциональная взаимозаменяемость, следовательно, можно подойти к их совокупности с точки зрения функциональной системы.

Объединяет описываемые элементы системы и общая среда: стилистическим приемам двусмысленности свойственно функционирование в сферах художественной, разговорной и медиасфере. Научная и официально-деловая сфера не входят в основной круг бытования данных приемов.

Такие приемы как диалогия и буквализация метафоры, как правило, обладают всеми чертами стилистического приема двусмысленности, в то время как зевгма, диафора или антифразис обладают рядом специфических черт (например, не столь четкая дискретность смыслов), что не является препятствием для объединения неких компонентов в систему: «компоненты системы несут на себе печать черт, свойственных всей системе, а кроме того, вырабатывают черты, присущие только этим компонентам» [Дускаева 2012: 11]. Кроме того,

различные приемы двусмысленности характеризуются различной степенью двусмысленности: показателем, мало поддающимся измерению и формализации, но, тем не менее, реально существующим. Степень двусмысленности может меняться как в зависимости от приема, так и в рамках одного приема (одной модели), в зависимости от речевого наполнения данной модели. Кроме того, она различна для различных групп пользователей языка¹⁵ [Wasow et al. 2005].

Кроме того, совокупность стилистических приемов двусмысленности характеризуется наличием ядра и периферии. Будем считать, что «ядро множества — основная масса его элементов, компактная в пространстве признаков, а его периферия — совокупность разрозненных элементов, проявляющих сходство с элементами иных множеств» [Энциклопедия эпистемологии... 2009]. В центре располагаются приемы, обладающие всеми признаками приемов двусмысленности: 1) доминантный принцип порождения двусмысленности, 2) взаимодействие с другими приемами двусмысленности (наличие синкрет); 3) простота порождения и разрешения (в том числе – наличие маркеров), 4) прозрачность механизмов, 5) соотношение намеренности/случайности, 6) длительная научная традиция отнесения к явлениям двусмысленности. На периферии оказываются приемы, которые обладают не всеми характерными для поля признаками, в нашем случае те, для которых принцип порождения двусмысленности является рецессивным (диафора) и которые чаще встречаются в роли ошибки (амфиболия).

Итак, проранжировав приемы согласно представленным выше признакам, изобразим поле стилистических приемов двусмысленности следующим образом:

Таким образом, принимая во внимание их универсальность, моделируемость, структурные особенности, сходство функционирования (общую среду и функции), наличие центра и периферии, считаем, что совокупность стилистических приемов двусмысленности можно рассматривать как функциональную систему, организованную в виде поля.

¹⁵ "The degree of ambiguity differs for different types of language users"

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

На основании анализа научной литературы и имеющегося корпуса двусмысленных речевых единиц были выделены следующие основные (наиболее частотные) частные функции приемов двусмысленности. Расположим их по частоте, от наиболее частотных к менее частотным (хотя в силу их обычной контаминированности такая градация в некотором роде условна):

1. Развлекательная – функция эмоционального удовольствия, вызванного восприятием некоего содержания, выраженного определенным образом.

2. Textoобразующая – функция служить основным организующим признаком текста.

3. Оценочно-характеризующая – функция речевой характеристики или оценки объекта подразделяется на две основные разновидности: 1) характеризует объект через его собственную речь; 2) оценивает его словами автора или других участников коммуникации.

4. Иносказательная – функция непрямого указания на имеющийся второй смысл речевой единицы.

5. Функция выражения остроумия – функция самопрезентации адресанта как человека (или персонажа), наделенного остроумием, то есть обладающего языковым чутьем и изобретательностью. Имеет три разновидности: 1) креативное переосмысление каких-либо языковых/речевых структур, принадлежащих к «внутреннему» лексикону человека, не мотивированное чужими словами; 2) переосмысление слов собеседника, являющееся ответом на реплику; 3) игра смыслами для демонстрации креативных возможностей автора.

6. Функция создания образности (поэтическая) – функция преподнесения известного с неожиданной стороны для усиления изобразительности текста с целью удовлетворения эстетических потребностей адресата. Характеризуется недискретной градуированностью степеней интенсивности проявления образа.

7. Функция привлечения внимания – функция выделения языковой структуры (в том числе равной малоформатному тексту) на общем контекстуальном фоне. Реализуется преимущественно в рекламных слоганах (нередко в креолизованных текстах), заголовках и других сильных позициях текста, где, привлекая внимание к структуре языка, привлекает внимание к самому тексту.

Разработанная типология двусмысленных речевых единиц позволяет проанализировать их по пяти основным критериям: по уровням порождения, по типу разрешения, по механизму, по модели, по статусу и по прагмастилистической функции.

Классификациями двусмысленности, имеющими ограниченную применимость, являются: по конфигурации коннектора-шифтера, по структурной организации двусмысленного

высказывания, по наличию формальных маркеров двусмысленности, по степени изменения значения коннектора (ключевого слова) и по направлению изменения значения.

Несмотря на полифункциональность стилистических приемов двусмысленности, существует их функционально-структурная детерминированность. Иными словами, различные модели, которые при условии прагматической мотивированности мы называем приемами, тяготеют к выполнению определенных функций. Важно, что, несмотря на принципиальное различие некоторых механизмов порождения двусмысленности, стилистические функции у них могут быть одинаковыми. Так, практически все приемы могут выполнять функцию развлечения, хотя для некоторых она будет доминирующей (для буквализации метафоры, амфиболии, антанаклазы, дилогии, зевгмы), а для других – рецессивной (для антифразиса и астеизма). Кроме того, весьма частотна функциональная конвергентность. Так, в малоформатных комических жанрах всегда объединены текстообразующая и развлекательная функции.

Прием, наиболее часто контаминирующий с другими – дилогия. Ее же особенностью является тяготение к организации текстов (выступает чаще других приемов в текстообразующей функции) и к функционированию в заголовках. Именно ей свойственна имплицитность, вплоть до полной двусмысленности (наибольший процент примеров сложно выявляемой и разрешаемой двусмысленности среди всех приемов). Большинство примеров двусмысленности, основанных на отклонении от прагматических норм, относится также к дилогии, они заметно отличаются от «классических» образцов дилогии; такие случаи мы именуем «парапрагматической дилогией».

Антифразис, второй стилистический прием по частотности, характеризуется наличием двух основных разновидностей: с кавычками в роли маркера и без них, причем вопреки устоявшемуся стереотипу, антифразисы, маркированные кавычками, находятся в меньшинстве. Это журналистский прием, выполняющий в большинстве случаев смешанную иносказательно-оценочную функцию.

Самыми «однородными» приемами по типу двусмысленности являются зевгма и буквализация метафоры, они на 100 % и на 95 % соответственно относятся к семантическому лексическому подтипу, основным их механизмом является полисемия.

Антанаклаза допускает различные виды переходов между значениями дублируемого слова. В основном это слово повторяется с некоторыми грамматическими модификациями, хотя в некоторых случаях может даже отсутствовать в тексте (повторяясь имплицитно, то есть в нулевой форме), для именованых таких экземпляров можно использовать термин «имплицитная антанаклаза».

Амфиболия имеет наибольшее количество синкрет в процентном соотношении. Особым типом разрешения двусмысленности является «садовая дорожка», синтаксическая разновидность обманутого ожидания. Амфиболия в большинстве случаев представляет собой ошибку, превращаясь в стилистический прием после помещения ее во вторичный текст.

Астеизм, как и антифразис, может противопоставлять не только «плохое – хорошее», но и «наличие признака – отсутствие признака», а кавычки не являются неотъемлемой частью его структуры.

Зевгма – один из наиболее редких и сложных для воспроизведения приемов, что объясняется большим количеством условий для ее реализации (строго определенный контекст, сложная структура приема).

Важно заметить, что в некоторых случаях стилистические приемы допускают некоторые отклонения от строгой структуры, а в качестве маркеров могут выступать нетипичные средства: такие как паузы, повторения, разнообразные знаки препинания (не только кавычки), целые присоединительные конструкции.

Было обнаружено, что приемы двусмысленности делятся на более простые и более сложные с точки зрения их продуцирования: амфиболия, диалогия, зевгма – могут получиться случайно, хотя последняя и очень редко. Антанаклаза – еще реже. Антифразис, буквализация метафоры – не бывают случайными. Но зато могут быть не распознаны, или оставлять сомнения, что может быть расценено как ошибка.

Диалогия и буквализация метафоры встречаются в креолизованных текстах. Примеров амфиболии, антифразиса, антанаклазы и зевгмы, функционирующих в креолизованных текстах, обнаружено не было.

Выборочный анализ современных текстов различных стилей и жанров показал, что двусмысленность встречается в текстах большинства сфер общения, хотя и с различной частотой. Тексты научные и официально-деловые менее подвержены использованию выразительных средств языка в целом, и в частности не входят в сферу функционирования стилистических приемов двусмысленности, поэтому двусмысленность встречается в них почти всегда как речевая ошибка, а не как стилистический прием. Приемы двусмысленности относительно частотны в художественной, разговорной (на основании анализа ретранслированной устной речи) и медиасфере.

Стилистические приемы двусмысленности являются сложноорганизованной функциональной системой, которую можно представить в виде поля, имеющего ядро, в котором находятся диалогия, буквализация метафоры, антифразис и астеизм, в ближней периферии располагаются плока и зевгма, а на дальней – диафора и амфиболия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате изучения феномена двусмысленности и стилистических приемов, основанных на нем, мы пришли к следующим выводам.

Двусмысленность является амбивалентным явлением, свойственным естественному языку, причем явлением статистически значимым.

Анализ фактического материала показывает, что возможность возникновения двусмысленности не ограничивается так называемым поэтическим языком, она присутствует во всех сферах общения и может приводить к случаям, когда человек не способен с полной уверенностью отвергнуть одно из значений речевой единицы.

Двусмысленность – это наличие у высказывания или его фрагмента нескольких смыслов, проявляющихся более или менее эксплицитно – одновременно или последовательно, – и обусловленное сочетанием механизмов создания двусмысленности с особым контекстом.

В результате анализа литературы вопроса и фактического материала обнаружено, что в случае отождествления полисемии, омонимии, неопределенности и синкретизма с двусмысленностью происходит неразличение механизмов и полученного с их помощью результата. Многозначность, или полисемия, и омонимия – системно-языковые явления, основанные на парадигматике, а двусмысленность – явление речевое, основанное на синтагматике, соотносимое с понятием смысла, не присущее знакам языка, а возникающее в речевой деятельности на основе полисемии и омонимии наряду с другими механизмами.

Были выявлены, охарактеризованы и дефинированы следующие модели приемов двусмысленности:

Антифразис – модель/прием двусмысленности, заключающаяся в употреблении слова, словосочетания или предложения в значении, отклоняющемся от его прямого лексического значения вплоть до противоположного, как правило, маскирующая более или менее успешно негативную оценку под положительными или нейтральными словами, что проявляется через контекстуальную несогласованность, употребление кавычек и интонацию в устной речи.

Астеизм – модель/прием двусмысленности, состоящая в употреблении слова, словосочетания или предложения в значении, отклоняющемся от обычного вплоть до противоположного, которое проявляется через контекстуальную несогласованность, употребление кавычек и интонацию в устной речи, но в отличие от антифразиса носит положительный характер: является похвалой, комплиментом в форме мнимого порицания или грубовато-шутливого упрека.

Амфиболия – модель/прием двусмысленности, основанная на синтаксической двусмысленности, возникающей вследствие формального совпадения семантически не

связанных элементов, вызываемого порядком слов, возможностью двоякого соотнесения местоименного слова, в частности союзного слова который, так называемым слабым управлением, неверным фонологическим членением.

Диалогия – модель/прием двусмысленности, в которой двусмысленность создается путем постановки многозначных слов или омонимов в такой контекст, где они могут пониматься несколькими способами одновременно.

Буквализация метафоры – модель/прием двусмысленности, заключающаяся в буквальной интерпретации (от переносного к прямому) выражения, основанного на любом смысловом переносе.

Диафора – модель/прием двусмысленности, представляющая собой повторение слова в микроконтексте в различающихся, но не контрастных значениях, имеющих иногда минимальную смысловую дистанцию.

Плока – модель/прием двусмысленности, представляющая собой повторение слова в микроконтексте в разных, нередко контрастных значениях.

Зевгма – это модель/прием двусмысленности, представляющая собой синтаксическую конструкцию, в которой семантически разноплановые, но синтаксически однородные компоненты реализуют разные значения или смысловые оттенки объединяющего их многозначного ядерного слова, преимущественно глагола.

Разработанная типология двусмысленных речевых единиц позволяет проанализировать их по шести основным критериям:

I. По уровням порождения двусмысленность подразделяется на семантическую (которая делится на лексическую, референциальную и рамочную), синтаксическую (поверхностную и глубинную) и прагматическую (пресуппозиционную и иллокутивную).

II. По типу разрешения двусмысленность бывает полной, частичной контекстной (имплицитной и эксплицитной), частичной авторской, частичной интерлокуторной (диалогической), а также может иметь особую разновидность под названием «садовая дорожка».

III. По механизму двусмысленность может основываться на полисемии (лексической и грамматической), омонимии (лексической: полной и неполной лексической омонимии, омофонах, омоформах и омографах, – и синтаксической), антонимии, в том числе контекстуальной, контекстуальной синонимии, синкретизме, неопределенности, анафоре, дейксисе, прагматической рассогласованности, альтернативном фонологическом членении фразы.

IV. По модели двусмысленность может реализовываться в амфиболии, антанаклазе (плоке или диафоре), антифразисе, астеизме, буквализации метафоры, дилогии и зевгме.

V. По статусу двусмысленная речевая единица может являться стилистическим приемом, речевой ошибкой или принадлежать к пограничной между ними области (быть так называемым спорным случаем).

VI. По прагматилистической функции прагматически мотивированная двусмысленность может выполнять функции развлекательную, текстообразующую, оценочно-характеризующую, иносказательную, привлечения внимания, выражения остроумия и создания образности.

Классификациями двусмысленности, имеющими ограниченную применимость, являются:

1. По конфигурации коннектора-шифтера: последующий, предшествующий, совпадающий и неполнокомплектный (когда шифтер находится в макроконтексте или не может быть выявлен).

2. По структурной организации двусмысленного высказывания: коннектор (ключевое слово) повторяется эксплицитно с изменениями, без изменений, повторяется имплицитно и не повторяется.

3. По наличию формальных маркеров двусмысленности: лексические маркеры, пунктуационные (кавычки, другие знаки пунктуации), интонационные (пауза), синтаксические (дополнительная объяснительная конструкция), визуальные (изображение), нулевые (нет маркеров).

4. По степени изменения значения коннектора (ключевого слова): сильное изменение (разные слова), среднее (отчетливо различающиеся значения одного слова) и слабое (оттенки значения или очень близкие значения одного слова).

5. По направлению изменения значения коннектора (ключевого слова): переносное-прямое, прямое-переносное, прямое-прямое, переносное-переносное, в границах одного значения (случаи так называемых оттенков значений) и прямое-оказиональное.

Предложенная типология двусмысленных речевых единиц позволяет осуществлять разностороннее описание изучаемого объекта, отличающегося полифункциональностью. На основе разработанной типологии и процедуры классификации приемов двусмысленности проведен их комплексный анализ на статистически доказательном количестве речевых единиц, собранных в корпус и помещенных в базу данных Open Access. Проведенный анализ позволил выявить основные структурные разновидности и особенности функционирования стилистических приемов двусмысленности.

Двусмысленность способна порождаться с помощью различных средств, хотя основные механизмы ее создания в русском языке потенциально исчислимы и поддаются описанию. Основными из них являются: лексическая, грамматическая и контекстуальная полисемия; лексическая и синтаксическая омонимия; антонимия, контекстуальная антонимия и синонимия, синкретизм, неопределенность, анафора, дейксис, прагматическая рассогласованность, альтернативное фонологическое членение фразы. Обнаружено, что теоретически возможные средства порождения двусмысленности не всегда активно используются для создания стилистических приемов, например, омонимия аббревиатур редко используется для создания стилистических приемов.

Стечение в речи механизмов порождения двусмысленности и определенного (благоприятного) контекста могут породить случайную двусмысленность, являющуюся помехой для коммуникации, а могут использоваться в качестве стилистических приемов, имеющих целью достижение какого-либо стилистического эффекта. К таким приемам относятся, в порядке убывания частотности: диалогия, антифразис, буквализация метафоры, плоско, амфиболия, диафора, астеизм и зевгма. Наиболее частотными являются диалогия и антифразис, а наименее частотными – астеизм и зевгма. Анализ структуры каждого приема выявил их специфические разновидности, например, у диалогии – «парапрагматическая диалогия», а у антанаклазы – «имплицитная антанаклаза».

Основной средой функционирования приемов двусмысленности являются газетно-публицистические, художественные и рекламные тексты, где они, помимо основного назначения – создания альтернативного плана содержания, стимулирующего креативное мышление адресата – служат для развлечения читателей, характеристики (оценки) объекта, эстетического воздействия на читателей, скрытой (имплицитной) подачи текстового содержания и привлечения внимания. Тексты научные и официально-деловые не характеризуются использованием выразительных средств языка в целом, и в частности не входят в сферу функционирования стилистических приемов двусмысленности, поэтому двусмысленность встречается в них почти всегда как речевая ошибка, а не как стилистический прием. Приемы двусмысленности относительно частотны (в порядке убывания) в медиасфере, художественной и ретранслированной разговорной (Интернет) сфере.

В результате количественного анализа фактического материала был построен градационный ряд стилистических приемов двусмысленности по частоте их встречаемости (в порядке убывания частотности) с указанием основных функций:

1. Диалогия (развлекательная, текстообразующая).
2. Антифразис (оценочно-характеризующая, иносказательная).

3. Буквализация метафоры (развлекательная, текстообразующая).
4. Плока (текстообразующая, развлекательная).
5. Амфиболия (развлекательная, оценочно-характеризующая).
6. Диафора (развлекательная, текстообразующая).
7. Астеизм (оценочно-характеризующая, иносказательная).
8. Зевгма (развлекательная, текстообразующая).

Стилистические приемы двусмысленности являются сложноорганизованной функциональной системой, представляющей собой поле, имеющее ядро (в котором находятся диалогия, буквализация метафоры, антифразис и астеизм), ближнюю периферию (плока и зевгма) и дальнюю периферию (диафора и амфиболия).

Изучение речевого потенциала двусмысленности должно быть продолжено. Предполагаем, что механизмы и стилистические приемы двусмысленности являются универсальными, но их частотность в том или ином языке различна в силу тех или иных причин лингвистического и экстралингвистического характера. Поэтому перспективным представляется сопоставление механизмов порождения двусмысленности в разных языках, создание алгоритма, пригодного для выявления типичных схем порождения двусмысленности, их наиболее вероятного лексического наполнения и стилистического применения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Praha: Academia, 1966. 97 с.
2. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О.М. Фрейденберг. Л.: ОГИЗ, 1936. 340 с.
3. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 6. М., 1971. С. 509–523.
4. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Том 2. М.: Изд-во «Мысль», 1976. 687 с.
5. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л. 1981. 295 с.
6. Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П. Многозначность и омонимия. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1966. 131 с.
7. Арутюнова Н.Д. Глубинные структуры и неоднозначность предложения // Тезисы конференции «Глубинные и поверхностные структуры в языке», 20-21 декабря 1972 г. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, Институт языкознания АН СССР, 1972. С. 3–5.
8. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык. К проблеме языковой «картины мира» // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
9. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
10. Арутюнова Н.Д. Речь // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 2000.
11. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1955. 416 с.
12. Баранов А.Н. Намек как способ косвенной передачи смысла // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.) / под ред. Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2006. URL: www.dialog-21.ru/dialog2006/mate
13. Беззубов А.Н. Введение в литературное редактирование. Учебное пособие. СПб., 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text16/034.htm>
14. Белоусов К.И., Блазнова Н.А. Введение в экспериментальную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 136 с.
15. Бернацкая А.А. Проблема функций и функциональности в лингвистике // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: мат-лы XIII Всероссийских филологических чтений имени проф. Р.Т. Гриб (1928-1995) / науч. ред. проф. Б.Я. Шарифуллин; Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2008. Вып. 8. С. 16–21.

16. Бобровская Г.В. Двусмысленность в рекламных текстах // Журналистика и медиаобразование-2007: сб. трудов II Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 1-3 октября 2007 г.): в 2 т. / под ред. проф. А.П. Короченского. Белгород: БелГУ, 2007. 140 с.
17. Богатая Л.Н. Эквивокация как мыслительная процедура // Культура народов Причерноморья: научный журнал / Крымский научный центр Национальной академии наук Украины (Симферополь), Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь), Межвузовский центр "Крым" (Симферополь). Симферополь: Межвузовский центр "Крым". 2006. № 82. С. 54–57.
18. Богатырева, И.И. Асимметрия языкового знака в лексике и грамматике // Русский язык и литература для школьников. 2011. № 3. С. 48–56.
19. Богданова Н.В. Словарь основных понятий и терминов риторики. М.: Издательско-книготорговый центр «Маркетинг»; М.: МУПК, 2001. 44 с.
20. Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Лазурский А.В., Митюшин Л.Г., Бердичевский А.С. Интерактивное разрешение неоднозначности различных типов в машинном переводе // Диалог-2005. [www.dialog-21.ru/Archive/2005/Iomdin Boguslavski Lazurski...](http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Iomdin%20Boguslavski%20Lazurski...)
21. Болдырева Э.Т. Экспериментальный опыт выявления прогностических качеств креативного аттрактора текста // Системное и асистемное в языке и речи: Материалы Международной научной конференции (Иркутск, 10–13 сентября 2007 г.) / под ред. М.Б. Ташлыковой. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. 730 с. URL: <http://www.rus-lang.com/nir/collection/collection4/>
22. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко, СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. 672 с.
23. Большой словарь иностранных слов. Издательство «ИДДК», 2007.
24. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд-е: СПб.: Норинт. С.А. Кузнецов. 1998.
25. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 684 с.
26. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971. 115 с.
27. Бочкарев А.Е. Семантический словарь. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003. 200 с.
28. Бревдо И.Ф. Механизмы разрешения неоднозначности в шутке: дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 171 с.
29. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 1958. 206 с.
30. Будагов Р.А. Язык, история и современность. М.: Изд-во МГУ, 1971. 300 с.
31. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1953. 177 с.

32. Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики (синтаксис и супрасинтаксис). М.: Наука, 1977. 352 с.
33. Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 3–17.
34. Гаспаров М.Л. Амфиболия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук, ИНИОН, [Федер. прогр. книгоизд. России]; гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001.
35. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. [Электронный ресурс]. URL: library-institute.ru/books/gvozdev-ocherki-po...
36. Гетман И.М. Лексико-семантические средства создания амбивалентности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975. 197 с.
37. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Собр соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 732.
38. Голев Н.Д. Об амфиболическом функционировании русских высказываний // Русский синтаксис: новое в теории, методике, объекте: Материалы Всесоюзной научной конференции. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. С. 12–14.
39. Голев Н.Д. Русский анекдот как игровой текст: внутренняя форма и содержание // Человек – коммуникация – текст. Вып.4 / Под ред. А.А. Чувакина. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 50–63.
40. Голев Н.Д. Об амфиболическом функционировании русских высказываний // Русский синтаксис: новое в теории, методике, объекте: Материалы Всесоюзной научной конференции. Барнаул: Издво БГПУ, 2003. С. 12–14.
41. Голев Н.Д., Тискова О.В. Синтаксическая омофония и омография как «полигон» для изучения коммуникативного функционирования знаков препинания // Известия Алтайского государственного университета. № 4 (30), 2003. Серия: История, филология, философия и педагогика. Барнаул, 2003. С. 49–54.
42. Головня А.И. Омонимия как системная категория языка: монография. Мн.: БГУ, 2007. 132 с.
43. Горбачевский А.А. Теория языка. Вводный курс: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 280 с.
44. Гребенкина О.С. Понятие «многозначность» в рамках лингвистических учений // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Тез. Междунар. науч.-практ. конф. (Челябинск, 7–9 дек. 2001) / под ред. Е.Н. Азначеевой; Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2001. С. 119–120.

45. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996. 214 с.
46. Гуреева И.Л. Специфика синкретичности эмоционально-оценочных прилагательных // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. СПб., 2007. № 17(43), ч.1: Общественные и гуманитарные науки. С. 92–96. URL: lingvomaster.ru
47. Гурьева Т.Н. Новый литературный словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 364 с.
48. Давыдов И.И. Опыт о порядке слов // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. Том 7, стр.89
49. Дамм Т.И. Малоформатные комические речевые жанры современной российской газеты: Лингвостилистический аспект: Дисс.... канд. филол. наук : 10.02.01 .-И.: РГБ, 2003.
50. Драгой О.В. Разрешение синтаксической неоднозначности: правила и вероятности // Вопросы языкознания. М.: Академиздатцентр «Наука» РАН, 2006. № 6. С. 44–61.
51. Дускаева Л.Р. Интенциональность медиатекста как детерминант речевого поведения в медиасфере // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв.ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2012. С. 10–16.
52. Дюкро О. Неопределенные выражения и высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982. С. 391–405.
53. Евстафьева М.А. Когнитивные стратегии языковой игры: на материале русскоязычных и англоязычных анекдотов. Дисс... канд. филол. наук. Калининград, 2006. 199 с.
54. Ефремов В.А. Двусмысленность: ошибка и стилистический прием // Русский язык в школе. 2014. № 2. С. 74–77.
55. Женетт, Ж. Фигуры. В 2 тт. Т. 1. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1998. 472 с.
56. Заика В.И. Очерки по теории художественной речи: монография. НовГУ им. Я. Мудрого. В. Новгород, 2006. 407 с.
57. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
58. Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. М., 2004. № 2. С. 20–45.
59. Зализняк А.А. Неоднозначность, каламбур и некаламбурное совмещение значений: к проблеме представления многозначности // Труды Международной конференции «Диалог`2003» (Протвино, 11-16 июня, 2003 г.) [Электронный ресурс]. URL: www.dialog-21.ru/Archive/2003/Zalizniak.htm

60. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М.: Изд-во МГУ. 1973. 247 с.
61. Зенкин С. Новые фигуры. Заметки о теории. 3 // Новое литературное обозрение. 2002. № 57. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/57/zenk.html>. Дата обращения: 12.12.2011.
62. Зотов Ю.П. Диалогика текста как бесконечно смысловое пространство: Монография. Саранск: Изд-во МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 2000. 131 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://litfile.net/web/60231/61196-62215>
63. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. Изд. 2-е, доп. М.: URRS, 2010. 288 с.
64. Игра как прием текстопорождения: коллективная монография / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. 341 с.
65. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2009. 296 с.
66. Иссерс О.С., Кузьмина Н.А. Анекдот и когнитивные операции рефреймирования: лингводидактический аспект // Miscellania: Памяти А.Б. Мордвинова. Омск: Омский гос. ун-т, 2000. С. 143–154.
67. Карпов В.А. Язык как система. Мн., 1992. 302 с.
68. Киклевич А. Парасемия // Русская речь. 2008. № 1. С. 43–45.
69. Ким Л.Г. Типология амфиболических высказываний в свете коммуникативно-деятельностной концепции языка // Антропотекст-2: сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения профессора Н.Д. Голева / под ред. Т.В. Чернышовой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 135–143.
70. Ключев Е.В. Риторика. (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие. М.: Издательство ПРИОР, 2001. 272 с.
71. Клушина Н. Интенциональность // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. С. 207–208.
72. Кобозева И.М. Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова «вот») // Диалог-2007. www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/38.htm
73. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН СССР, Сер. Литературы и языка, 1988. Т. 47. № 5.
74. Ковалев В.А. Ирония в поэме «Мертвые души» (К характеристике авторской речи Гоголя) // Русский язык в школе. 1959. № 2. С. 51–55.

75. Ковалик Ю.Н. О применимости компонентного анализа к проблеме разграничения полисемии и омонимии // Лингвистические исследования. Ч. 2. М., 1975.
76. Кожевников В.М., Николаев П.А. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
77. Колесников Н.П. Синтаксическая омонимия в простом предложении. Ростов н/Д.: ИХД-во Рост. ун-та, 1981. 144 с.
78. Колшанский Г.В. Контекстная семантика / отв. ред. Ю.С. Степанов. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 152 с.
79. Колшанский Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы языкознания. 1979. № 6. С. 51–62.
80. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1308 с.
81. Копнина Г.А. Риторические приемы современного русского языка: опыт системного описания: автореф. дисс... д-ра филол. наук. Красноярск, 2010. 38 с.
82. Королев Н. Англо-русско-английский словарь [Электронный ресурс]. URL: http://slovarus.info/eng_k.php
83. Краткий толковый психолого-психиатрический словарь. Под ред. igisheva. 2008. URL: dic.academic.ru.
84. Крисанова И.В. Полисемия и омонимия в восприятии разновозрастных носителей русского языка (теоретико-экспериментальное исследование). Автореф. Дисс. ... канд. Филол. наук. Кемерово, 2003. 23 с.
85. Кронгауз М.А. Семантика. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.
86. Куайн Уиллард Ван Орман. Слово и объект. Перевод с англ. М.: Логос, Праксис. 2000. 386 с. URL: <http://www.philosophy.ru/library/quine/quine-wordobject/quine.htm#quinch5.htm>
87. Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. М.: Изд-во Юрайт, 2013. 415 с.
88. Лаптева О.А. Речевые возможности текстовой омонимии. Изд. 3. 2009. 416 с.
89. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.; Воронеж, 2001. 448 с.
90. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. Изд. 2-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2005. 120 с.
91. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук, ИНИОН, [Федер. прогр. книгоизд. России]; гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.

92. Литературная энциклопедия. В 11 т. / под ред. В.М. Фриче, А.В. Луначарского. М.: Изд-во Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. 1929–1939.
93. Логачева И.С. Языковая омонимия: многообразие подходов и оценок // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманит. и соц. науки». Архангельск, 2009. № 2. С. 53–55.
94. Локк Дж. Соч.: в 3 т. Т. 1 / под ред. И.С. Нарского. М., 1985. 623 с.
95. Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 89–378.
96. Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. М.: Искусство, 1968. 191 с.
97. Лукьянов С.А. О классификации зевгматических конструкций // Филологические науки. 1993. № 1. С. 70–80.
98. Лукьянов С.А. Экспрессивные конструкции как средство создания комического // РЯШ. 1994. № 1. С. 79–81.
99. Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии / отв. ред. Р.Г. Пиотровский; вступ. Ст. Н.Л. Еремия. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
100. Маркасова Е.В. Риторическая энантиосемия в корпусе русского языка повседневного общения «Один речевой день» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Выпуск 7 (14). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2008) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М., 2008. С. 352–355.
101. Мартине, А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Изд-во иностр. лит-ры. 1963. С. 366–568.
102. Маслов Ю.С. Омонимы в словарях и омонимия в языке // Вопросы теории и истории языка. Л., 1963. С. 198–202.
103. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Изд-во «Флинта», 2003. 431 с.
104. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
105. Матюшкин В.С. Умолчания и двусмысленности в рекламе: взгляд с позиции потребителя // Маркетинг в России и за рубежом. 2004. № 4. [Электронный ресурс]. URL: www.dis.ru/library/market/archive/2004/4/3807.html

106. Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв.ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. 250 с.
107. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.
108. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). В 2 ч. Ч. II: пособие для студентов. Волгоград: Учитель, 2004. 111 с.
109. Москвин В.П. Двусмысленность как стилистический прием // Русская речь. 2008. № 1. С. 35-41.
110. Москвин В.П. Фигуры двусмысленной речи // Русский язык в школе. 2002. №. 2. С. 86-90.
111. Мурзин Л.Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки. Типология, деривация, функционирование: сб. науч. тр. М.: Ин-т языкознания, 1989. С. 5–14.
112. Муштук О.З. Основы общей риторики: учебно-методический комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. 256 с.
113. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. 760 с.
114. Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987. 222 с.
115. Общая риторика: пер. с франц. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др.; общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева. М.: Прогресс, 1986. 392 с.
116. Одинцов В.В. Стилистика текста. М., 1980. 263 с.
117. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект. Нижний Тагил, 2006. 146 с.
118. Ольшанский И.Г. Лексическая полисемия в современном немецком языке (системные, коммуникативные и лексикографические аспекты): Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1991. 530 с.
119. Османова Р.А. О явлении омонимии в лезгинском литературном языке. Ученые записки Азербайджанского государственного университета. Баку: Серия общественных наук, 1962. С. 57–64.
120. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
121. Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. Вып. 18. М., 1982. С. 76–119.

122. Пекарская И.В. Силлепс, снятие, солецизм, зевгма, анаколупф: беспорядок в упорядоченности или упорядоченность беспорядка? (К проблеме терминологической точности в системе стилистических фигур) // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Красноярский университет, 2000. С. 67–77.
123. Пекарская И.В. Типологическая характеристика элокутивных средств: опыт системной классификации // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: мат-лы всерос. науч. конф. (Абакан, 25–27 ноября 2002 г.) / отв. ред. И.П. Амзаракова. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им Н.Ф. Катанова, 2002. С. 25–30.
124. Перцова Н.Н. Формализация толкования слова. М., 1988. Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1988. 83 с.
125. Пименова М.В. Семантический синкретизм в истории русского языка // Мат-лы IV Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 20-23 марта 2010 года). М., 2010. С. 83.
126. Плотников Б.А. Основы семасиологии. Мн.: Высш. шк., 1984. 223 с.
127. Пономарева М.Н. Омонимичные так-структуры и их английские эквиваленты: переводческий аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 160 с.
128. Пономарева О.Б. Семантическая деривация и многозначность: неоднозначность и слияние смыслов в поэтическом тексте // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 212–217.
129. Пономаренко Е.В. О развитии системного подхода в лингвистике. Филологические науки. 2004. № 5. С. 24–33.
130. Попова Г.Е. Релевантность высказывания как единицы речевого взаимодействия. (На материале французского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 144 с.
131. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
132. Припадчев А.А. Теоретические основы исследования речевой системности текста: дисс. ... д-ра филол. наук. 10.02.19 - Теория языка / Припадчев Анатолий Александрович. Воронеж, 2006. 444 с.
133. Пушина Л.А. К определению семантического силлепса // Вестник Удмуртского университета. История и философия. 2009. Вып. 1. С. 153–159.
134. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. 2001. 368 с.

135. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: учебник для студентов вузов. М., 2010. 464 с.
136. Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник для вузов / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 2002. 536 с.
137. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
138. Романова Н.Н., Филиппов А.В. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. М.: Флинта: Наука, 2009. 304 с.
139. Русова Н.Ю. От аллегории до ямба: Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М.: Флинта: Наука, 2004. 304 с.
140. Русская риторика: Хрестоматия / авт.-сост. Л.К. Граудина. М.: Просвещение: «Учеб. лит.», 1996. 559 с. ISBN 5-09-006446-6.
141. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1970.
142. Ручимская Е.М. Об омофонических словосочетаниях, омофонах и омонимах // Русская речь. 2010. № 2. С. 45–47.
143. Савельева Е.Б. Дейксис и анафора: общее и специфическое // Вестник Иркутского лингвистического университета. 2012. № 3 (20). С. 181–187.
144. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2009. 160 с.
145. Секерина И.А. Американские теории синтаксического анализа предложения в процессе понимания // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 100–138.
146. Секерина И.А. Метод вызванных потенциалов мозга в американской психолингвистике и его использование при решении проблемы порядка слов в русском языке. Труды международной конференции Диалог'2002 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М.: Наука, 2002. URL: www.dialog-21.ru/digest/archive/2002/
147. Семенец Е.А. Убеждение или гипноз? (Стратегии воздействия на адресата в рекламном дискурсе) // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. С. 46–51.
148. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М., 1987. 140 с.
149. Скаличка В. Асимметрический дуализм языковых единиц // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 35–39.
150. Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.

151. Сквородников А.П. Языковая игра // Энциклопедический словарь-справочник «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» / под ред. А.П. Сквородникова. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 383–390.
152. Сквородников А.П. Буквализация метафоры или буквализация тропа? // Русская речевая культура и текст: Материалы VII Международной научной конференции (16-18 мая 2012 г.) / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2012. С. 63–68.
153. Сквородников А.П., Копнина Г.А. Об определении понятия «риторический прием» // Филологические науки. 2002. № 2. С. 75–80.
154. Скребнев Ю.М. Фигуры речи // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997. С. 590–592.
155. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. Перевод с английского Е.И. Негневицкой / под общей редакцией и с предисловием доктора филологических наук А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1976. 336 с.
156. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Чудинов А.Н., 1910.
157. Словарь по логике. М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС. А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. 1997.
158. Словник: Іспансько-російський. Російсько-іспанський: Посібник для загальноосвіт. шк. та вищ. навч.закладів / Упоряд.: В.Ф. Сахно, С.А. Коваль. Київ; Ірпінь: ВТФ «Перун», 1996. 544 с.
159. Смолина А.Н. Зевгматические конструкции в современном русском литературном языке: дисс.... канд. филол. наук. Красноярск, 2004. 252 с.
160. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
161. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 313 с.
162. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. 696 с.
163. Стоянова Е.В. Метафора как социокультурно обусловленный медиатекст // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв.ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. С. 80–86.
164. Сурикова Т.И. Лингвистическая этика в контексте коммуникации // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв.ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. С. 136–144.

165. Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина. М.: Русский язык, 1998.
166. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970. С. 250–299.
167. Уманцева Л.В. Пословицы и поговорки в газетных заголовках (жанрово-стилистическое отношение заголовка и текста) // Функционирование языка в различных языковых жанрах. Мат-лы всерос. науч. конф. Вып. 3. Ростов н/Д, 1997. С. 98–107.
168. Филиппов А.В., Романова Н.Н. Публичная речь в понятиях и упражнениях: Справочник: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 160 с.
169. Филиппова М.М. Обзор некоторых понятий, существующих в английском языке для отражения косвенных смыслов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2007. Вып. 34. С. 4–26.
170. Флайер, Майкл. Избранные труды. Т.1. Работы по синхроническому языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2010. 696 с.
171. Фрей А. Грамматика ошибок. М.: УРСС Эдиториал, 2006. 304 с.
172. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.–М.: «Университетская книга»: АСТ: Москва, 1997. 320 с.
173. Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. 432 с.
174. Хазагеров Т.Г. Экспрессивная стилистика и методика анализа художественных текстов // Проблемы экспрессивной стилистики: сб. ст. / Рост. гос. ун-т; отв. ред. Т.Г. Хазагеров. Вып. 2. Ростов н/Д., 1992. С. 47–55.
175. Халперн Д.Ф. Психология критического мышления / под ред. А.И. Нафтульева. СПб.: Питер, 2000. 512 с. URL: http://royallib.com/read/halpern_dayana/psihologiya_kriticheskogo_mishleniya.html#0
176. Хуцишвили С.Д. Славянские межъязыковые омонимы. Дисс. ... докт. филол. (PhD), Тбилиси, 2010. 169 с.
177. Цоллер В.Н. Экспрессивная лексика: Семантика и прагматика // Филологические науки, 1996. № 6. С. 63–71.
178. Черепанова О.А. О соотношении понятий «семантический синкретизм» и «лексико-семантическая группа» в применении к лексической системе древнерусского языка // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / Гл. ред. Г.В. Судаков. Сост. С.А. Тихомиров. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 692–697.

179. Чернышова Т.В. Конфликтное функционирование медиа-текстов: реализации инвективности в условиях публичного общения // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв.ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2012. С. 104–111.
180. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1964. 344 с.
181. Шатин Ю. В. Построение рекламных текстов. М.: Бератор-Пресс, 2002. 121 с.
182. Шатрова Т.И. Языковая игра в текстах комической направленности. Дисс... канд. фил. наук. Тула, 2006. 159 с.
183. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. 335 с.
184. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 29–39. Available at: www.Philology.ru/linguistics1/shcherba-74.htm
185. Щербина А.А. О двуплановости и противопоставлении смысла в иронии // Филологические науки. 1976. № 2. С. 62–69.
186. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.
187. Эман Н. Об омонимии в немецком языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 117–124.
188. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. М.: Флинта: Наука, 2005. 480 с.
189. Юдина М.В. Разрешение синтаксической неоднозначности: возможна ли преднастройка? // Диалог-2007 [Электронный ресурс]. www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/90.htm
190. Юдина М.В., Янович И.С., Федорова О.В. Синтаксическая неоднозначность в эксперименте и в жизни // Диалог-2007 [Электронный ресурс]. URL: www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/91.htm
191. Южанникова М.А. Риторические приемы двусмысленности в наружной рекламе (к вопросу о языковой игре) // Мир культуры, науки, образования. Горно-Алтайск, 2009. С. 89–92.
192. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.

193. Яковлюк А.Н. Контекст как средство идентификации и актуализации лексико-семантического варианта многозначного слова и омонима в современном немецком языке // Вестник ЧПГУ. 2009. № 9. С. 298–309.
194. Alcaráz Varo E., Martínez Linares M.A. Diccionario de lingüística moderna. Editorial Ariel, Barcelona, 1997.
195. Attardo S. Linguistic theories of humor. Berlin. New York: Mouton de Gruyter, 1994. 426 p.
196. Bach K. Ambiguity // Routledge Encyclopedia of Philosophy, Version 1.0, London and New York: Routledge (1998). Pp. 11–14.
197. Barrón-Cedeño A., Vila M., Martí M-A., Rosso P. Plagiarism meets paraphrasing: Insights for the next generation in automatic plagiarism detection // Computational Linguistics 39(4): 917—947-
198. Benítez Soto M.V. Explicación y aplicación del concepto de "transmisión pseudo-ostensiva de información encubierta" a través de un caso de ambigüedad deliberada // Interlingüística, Nº 14, 2003 , p. 141-150
199. Beristein H. Diccionario de retórica y poética. Mexico: Editorial Porrúa, S.A., 1995. 510 p.
200. Berthoud A.-C. Ambiguïté, malentendu et stratégies paradiscursives // L'ambiguïté et la paraphrase. Opérations linguistiques, processus cognitifs, traitements automatisés. Actes du colloque de Caen, 9-11 avril 1987, publiés sous la dyrection de Catherine Fuchs avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Université de Caen, CNRS UA 1234, 1987. 330 p.
201. Beth A., Marpeau E. Figures de style. Paris: Librio Inedit, 2005. 95 p.
202. Bridges R.S. On English Homophones // Society for Pure English. Oxford, 1919. Vol. 1, P. 5.
203. Britton Bruce K. Lexical ambiguity of words used in English text // Behavior research methods & Instrumentation. 1978. Vol. 10 (1). Pp. 1–7.
204. Bucaria S. Lexical and syntactic ambiguity as a source of humour: The case of newspapers headlines // Humor – International Journal of Humor Research. Vol. 17 (3), 2004. P. 279–309.
205. Bubka A., Gorfein D. Resolving Semantic Ambiguity // Adelphi University. Garden City, NY. 1989.
206. Coll-Florit M., Climent S., Castellón I. Aspecto léxico y desambiguación semantica. El caso de los estados. Ricardo Mairal Usón (ed.), Aprendizaje de lenguas, uso del lenguaje y modelación cognitiva: perspectivas aplicadas entre disciplinas. Madrid. Pp. 1475–1480.

207. Day A. The English Secretary (1599) [Электронный ресурс]. URL: <http://rhetoric.byu.edu/>
208. Duffy S.A., Kambe G., & Rayner K. The effect of prior disambiguating context on the comprehension of ambiguous words: Evidence from eye movements. In D. Gorfein (Ed.), *On the consequences of meaning selection: Perspectives on resolving lexical ambiguity* (pp. 27-43). Washington, DC: American Psychological Association, 2001.
209. Dumarsais M.C. *Des tropes, ou des différens sens dans lesquels on peut prendre un même mot dans une meme langue*. Lyon. 1804. 270 p.
210. Dunbar G. Towards a cognitive analysis of polysemy, ambiguity, and vagueness // *Cognitive linguistics*. 2001. Vol. 12, № 1. Pp. 1–14.
211. Ferraz Martínez A. *El lenguaje de la publicidad*. ARCO LIBROS, 1993, Madrid. 72 p.
212. Fontanier P. *Les Figures du discours*. P.: Flammarion, coll. «Champs Classiques», 1977. 254 p.
213. Fuchs C. Ambiguïté et ambivalence: le discret et le continu // *Ambiguïtés / Ambivalences*. Actes du colloque de Rouen, 13-15 mai 1994. Texts réunis par Anne-Marie Vanderlynden. Les cahiers du CRIAR: Centre de recherches d'études ibérique et ibero-américaines. №14. Publications de l'université de Rouen №203. Université de Rouen, 1995. Pp. 7–24.
214. Fuchs C. L'ambiguïté: du fait de langue aux stratégies interlocutives // *Travaux neuchâtelois de linguistique*. 2009, 50, Pp. 3–16 [Электронный ресурс]. URL: [www. archive-ouverts.fr](http://www.archive-ouverts.fr)
215. Fuchs C. L'ambiguïté et la paraphrase en linguistique // *L'ambiguïté et la paraphrase*. Opérations linguistiques, processus cognitifs, traitements automatisés. Actes du colloque de Caen, 9-11 avril 1987, publiés sous la direction de Catherine Fuchs avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Université de Caen, CNRS UA 1234, 1987. Pp. 7–24.
216. Fuchs C. *Les ambiguïtés du français*. Collection: L'essentiel française. Editions OPHRYS, 1996. 184 p.
217. Fuchs C., Danlos L., Lacheret-Dujour A., Luzzati D., Victorri B. *Linguistique et traitements automatiques des langues*. Paris: Hachette, 1993.
218. *Glosario de terminos linguisticos*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.angelfire.com/de/hispania/#El%20don%20de%20la%20palabra>
219. Glucksberg S., Kreuz F.J., Rho S.H. Context can constrain lexical access: Implications for models of language comprehension. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 14. Pp. 265–274.

220. Gómez-Veiga I., Carriedo López N., Rucían Gallego M. y Vila Cháves J.O. Estudio normativo de ambigüedad léxica en castellano, en niños y en adultos // *Psicológica* (2010), 31. Pp. 25–47.
221. González Álvarez N. Revisión teórica del concepto de ambigüedad causal: una contribución al debate. *Investigaciones Europeas de Dirección y Economía de la Empresa*. Vol. 10. N 3. 2004. Pp. 97–110.
222. Gullvåg I., Næss A. Vagueness and ambiguity // *Philosophy of Language. An international Handbook of Contemporary Research*. Edited by M. Dascal, D. Gerhardus, K. Lorenz, G. Meggle. Vol.2. Walter de Gruyter. Berlin. New York. 1992.
223. Gutierrez Haces R. Ambigüedad y polisemia en la enseñanza del español a extranjeros // *Decires, Revista del Centro de Enseñanza para Extranjeros*. Vol. 12, num. 14, primer semestre 2010, Pp. 117–131.
224. Hamm A. “Towards a discourse-related typology of ambiguity.” *Ranam. Special issue: Linguistic ambiguity*. A. Hamm and P. Buccellato eds. 2001, 34. Pp. 29–41.
225. Herrero Á. *El decir numeroso: Esquemas y figuras del ritmo verbal*. Universidad de Alicante, 1995. P. 341.
226. Hogaboam, T., Perfetti C. *Lexical Ambiguity and Sentence Comprehension* // University of Pittsburgh, 1975.
227. Honeyman C. In Defense of Ambiguity // *Negotiation Journal*. 1987. No.1 // <http://www.convenor.com/madison/ambig.htm>
228. Hospers J. *An introduction to philosophical analysis*. Taylor&Francis, 1989. 629 p.
229. Howard G.T. *Dictionary of Rhetorical Terms*. Xlibris Corporation, 2010. P. 240.
230. Kayser D. Ambigüité, paraphrase et profondeur variable // *L’ambigüité et la paraphrase. Opérations linguistiques, processus cognitifs, traitements automatisés. Actes du colloque de Caen, 9-11 avril 1987, publiés sous la direction de Catherine Fuchs avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Université de Caen, CNRS UA 1234, 1987. Pp. 237–249.*
231. Kennedy C. Ambiguity and vagueness: an overview // *The Handbook of Semantics to appear* (2009). P. 1–69.
232. Klare J. *Zum Problem der Differenzierung von Homonymie und Polisemie*. București, 1965. P. 446.
233. Lakoff G. A note on vagueness and ambiguity // *Linguistic inquiry*. Vol. 1, № 3. 1970. Pp. 357–359.
234. Landheer R. Ambigüité et la paraphrase au niveau traductologique // *L’ambigüité et la paraphrase. Opérations linguistiques, processus cognitifs, traitements automatisés. Actes du colloque*

de Caen, 9-11 avril 1987, publiés sous la direction de Catherine Fuchs avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Université de Caen, CNRS UA 1234, 1987. Pp. 105–115.

235. Language Typology and language universals: an international handbook / ed. by M. Haspelmath... [et al.]. Berlin, New York. M. De Gruyter, 2001. 1856 p.

236. Larrauri L., Monteagudo M.A. La ambigüedad en el lenguaje jurídico: ¿amplitud o distorsión semántica? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.realiter.net/spip.php?article1651>. Дата обращения: 17.11.2011.

237. Le Ny J.-F. L'ambigüité et la paraphrase en psychologie cognitive // L'ambigüité et la paraphrase. Opérations linguistiques, processus cognitifs, traitements automatisés. Actes du colloque de Caen, 9-11 avril 1987, publiés sous la direction de Catherine Fuchs avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Université de Caen, CNRS UA 1234, 1987. Pp. 21–28.

238. Levelt W.J.M. A Survey of Studies in Sentence Perception: 1970–1976 // Studies in the Perception of Language. 1978. P. 30.

239. Lexical ambiguity resolution: perspectives from Psycholinguistics, Neuropsychology, and Artificial Intelligence. Ed. S.L. Small, G. W. Cottrell, M. K. Tanenhaus. Morgan Kaufmann Publishers, Inc. San Mateo, California, 1988. 518 p.

240. Lim, Hyo Sang. Estudio sintáctico semántico de la ambigüedad del sintagma nominal del español // Español como Lengua Extranjera: Enfoque Comunicativo y Gramática. Santiago de Compostela, 1998. IX Congreso Internacional de ASELE. URL: http://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/asele/pdf/09/09_0646.pdf

241. Llengua literaria. Recursos retóricos. [Электронный ресурс] URL: usuaris.tinet.cat/jta/retorica.html. Дата обращения: 10.04.2011

242. Marquer P. Le traitement des homographes dépend-il de la fréquence relative de leurs acceptions? // L'ambigüité et la paraphrase. Opérations linguistiques, processus cognitifs, traitements automatisés. Actes du colloque de Caen, 9-11 avril 1987, publiés sous la direction de Catherine Fuchs avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Université de Caen, CNRS UA 1234, 1987. p. 237–249.

243. Mayans y Siscar, G. 1752, 2 vols.: Alicante : Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes, 2003. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra/rhetorica--0/#I_1_. Дата обращения: 17.11.2011.

244. Merriam-Webster Enciclopædia Britannica. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/ambiguity>.

245. Morgan J.L. Two types of convention in indirect speech acts. – In: Syntax and Semantics. V. 9. Pragmatics. New York: Acad. Press, 1978.

246. Moreno-Quibén N. Semántica Léxica. Programa para «comprensión y producción». curso 2007-2008. Режим доступа: <http://www.quiben.org/32004/>
247. Onifer W., Swinney D. Accessing Lexical Ambiguities during Sentence Comprehension. Effects of Frequency of Meaning and Contextual Bias // *Memory and Cognition*. 1981. № 9 (3). Pp. 225–236.
248. Peacham H. The Garden of Eloquence. 1593. *Silva Reticæ* [Электронный ресурс]. URL: www.rhetoric.byu.edu.
249. Peña H. La ambigüedad. *Documentos Lingüísticos y Literarios*. [Электронный журнал] 1982. № 8. Pp. 41–46. URL: www.humanidades.uach.cl/documentos_linguisticos/document.php?id=249 (Дата обращения 14.08.2011).
250. Puttenham G. The Art of English Poesie: Contrived into three Bookes: The first of Poets and Poesie, the second of Proportion, the third of Ornament [Электронный ресурс]. URL: <http://humanities.byu.edu/rhetoric/Primary%20Texts/Puttenham.htm>
251. Radelli B. Agramaticalidad, ambigüedad sintáctica y metáfora: criterios e instrumentos para evaluar la adquisición de competencia lingüística // *Dimensión antropológica*. Vol. 23, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dimensionantropologica.inah.gob.mx/?p=1565>
252. Real Academia Espanola. URL: <http://buscon.rae.es/draeI/SrvltConsulta>
253. Rooij van, R. (2011). Vagueness and Linguistics. Ch. 6 in G. Ronzitti (ed.) “Vagueness: A Guide, Logic, Epistemology, and the Unity of Science. Vol. 19. Springer. pp. 123-170.
254. Rosier I. (éd.). *L’ambigüité: cinq études historiques*. Lille, Presses Universitaires, 1988. 183 p.
255. Sadock J. On testing for conversational implicature. In: *Syntax and Semantics*. V. 9. Pragmatics. New York: Acad. Press, 1978.
256. Sennet A. "Ambiguity", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2011 Edition), Edward N. Zalta (ed.). URL: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2011/entries/ambiguity>.
257. Sereno Sara C., O'Donnell, Patrick J., Rayner, K. Eye movements and lexical ambiguity resolution: Investigating the subordinate-bias effect. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, Vol 32(2), Apr 2006, 335-350
258. Sheridan H., Reingold E. & Daneman M. Using puns to study contextual influences on lexical ambiguity resolution: Evidence from eye movements. *Psychonomic Bulletin & Review*, 2009. № 16, 875–881.
259. Sherry R. A treatise of schemes and tropes / ed. Hebert W. Hildebrandt. Gainesville, Florida. Scholars' facsimiles and reprints. 1961. 238 p. [Электронный ресурс]. URL: www.gutenberg.org

260. Silva Reticæ [Электронный ресурс]. URL: www.rhetoric.byu.edu
261. Simpson G. *Meaning Dominance and Semantic Context in the Processing of Lexical Ambiguity* // University of Nebraska, Omaha, 1981.
262. Simpson G.B., Burgess C., Peterson R.R. Human comprehension processes and the indeterminacy of meaning. *Cognitive Systems*. 1988. № 2. Pp. 213–232.
263. Slama-Cazacu T. *Despre studial omonimiei în lanțul discursive*. Bucharest, 1961. P. 843.
264. Thiollent M. *Pragmatique de la représentation ambiguë // L'ambiguïté et la paraphrase. Opérations linguistiques, processus cognitifs, traitements automatisés. Actes du colloque de Caen, 9-11 avril 1987, publiés sous la direction de Catherine Fuchs avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Université de Caen, CNRS UA 1234, 1987. p. 211–215.*
265. Tuggy D. *Ambiguity, polysemy and vagueness // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by Dirk Geeraerts (Cognitive linguistic research). 2006. P. 167–185.*
266. Wasow T., Perfors A. & Beaver D. *The Puzzle of Ambiguity*. Stanford University, 2005 // <http://www.stanford.edu/~wasow/Lapointe.pdf>
267. Williams G. *The figures of speech* [Электронный ресурс]. URL: www.nipissingu.ca/faculty/williams/figofspe.htm
268. Wurzel W.U. *Grammatical ambiguity and language change // Language History and Linguistic Modelling: A Festschrift for Jacek Fisiak on His 60th Birthday (Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 101) (2 Volume Set) (Vol.1. language history), 1997. pp. 1125–1140.*
269. Yuzhannikova M. *A typology of linguistic ambiguity // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 3 (2015 8) 533-541*
270. Zhang Q. (1998). *Fuzziness – vagueness – generality – ambiguity. Journal of Pragmatics. Vol. 29, Issue 1, pp.13–31.*

**ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Список источников двусмысленных речевых единиц,
вошедших в проанализированный корпус (1200 единиц)**

- Сборник «А зачем птице деньги?» – М: «Сигма-пресс», –1997. – 416с. (серия «Библиотека юмора»)
- Комсомольская правда (КП). 2005 (20.05, 25.05, 6.06), 2006 (№ 187), 2010 (№ 51), 2011 (№ 52).
- Аргументы и факты (АиФ). 2005 (№ 38, 48), 2005 (№ 6, 10, 11, 15, 16, 20, 41, 45), 2006 (№ 9, 10, 11, 13), 2009 (№ 6, 11, 12, 17, 18, 29), 2010 (№ 40, 41), 2011 (№ 7).
- Аргументы и факты на Енисее. 2004 (№ 38, 39), 2005 (№ 6, 17, 18, 21, 48), 2009 (№ 15), 2010 (№)
- Аргументы и факты. Здоровье 1999 (№ 21, 52), 2005 (№ 14).
- Завтра. 2006 (№ 48, 50).
- Журнал «Салон-интерьер» №11 (111)
- Сегодняшняя газета (СГ). 2002 (№ 171, 172), 2003 (№ 5, 10, 15, 21), 2004 (27.10), 2005 (№ 12, 2.04, 27.06), 2006 (№ 9, 17).
- Красноярский комсомолец. 1991 (№ 1,2,3,4), 2005 (№ 19), 2008 (№ 1, 2).
- Вечерний Красноярск. 1991 (№ 1,2), 2005 (№ 24), 2008 (№ 1,2)
- Красноярский рабочий. 1991 (№ 1, 4-5), 2008 (№2,5), 2009 (№ 2,3,4).
- Рекламно-информационный журнал «Выбирай соблазны большого города». 2010. №21
- Комок. 2003 (№ 19), 2005 (№6,7,14,17,19,23,26,27,28,32,36), 2006 (№ 1,2,6,8,9,20,28,35,36,37,44,46,48,50), 2008 (№17), 2009 (№ 11, 29).
- Телевизор. 2005 (№ 14), 2006 (№ 38, 46, 49).
- Крестьянка. 2010 (№10).
- Cosmopolitan 09.2010, 02. 2011.
- Рекламная брошюра «Техносила», 2011.
- Пелевин В.О. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда. Числа. М: Изд-во ЭКСМО, 2004. 384 с.
- В. Пелевин. Желтая стрела: Избранные произведения. М: Изд-во ЭКСМО, 2004. 512 с.
- Пелевин В. П-5. М.: ЭКСМО, 2008. 288 с.
- Н. Толстая, Т. Толстая. Двое. М.: Эксмо, 2007. 384 с.
- В. Осеева. Динка. М.: Изд-во детской литературы, 1962. 480 с.
- В. Осеева. Динка прощается с детством. Изд-во «Детская литература», 2013. С. 480.

Вадим Шефнер. Война – сестра печали. Л.: Лениздат, 1970. 352 с.

Л. Улицкая. Искусство жить. М.: Эксмо, 492 с.

Д. Гранин. Искатели. Роман. Л.: Лениздат, 1979. 336 с.

Поэтические произведения Ф. Сологуба, Ф. Кривина, В. Строчкова, Сергея Запорожцева.

www.yaplakal.com/forum7/topic281041.html

www.bash.im

www.anekdot.ru

www.sporu.net

www.anekdotov.net

www.porjati.ru

www.galya.ru

www.tophumor.ru

www.pikabu.ru

www.statuso.ru

www.gennerator.ucoz.ru

www.forum.te.ua

www.guglin.ru

www.zagony.ru

www.warnet.ws

www.news.mail.ru

www.evgbur.ru/witticism/anekdot

forum.deti.mail.ru

www.aphorism.ru

www.bues.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Таблица критических значений критерия Пирсона

КРИТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ КРИТЕРИЯ χ^2

<i>df</i>	<i>p</i>				<i>df</i>	<i>p</i>			
	0.10	0.05	0.01	0.001		0.10	0.05	0.01	0.001
1.	2.706	3.842	6.635	10.829	46.	58.641	62.841	71.221	81.431
2.	4.605	5.992	9.211	13.817	47.	59.774	64.013	72.463	82.752
3.	6.251	7.815	11.346	16.269	48.	60.907	65.183	73.703	84.069
4.	7.779	9.488	13.278	18.470	49.	62.038	66.351	74.940	85.384
5.	9.236	11.071	15.088	20.519	50.	63.167	67.518	76.175	86.694
6.	10.645	12.593	16.814	22.462	51.	64.295	68.683	77.408	88.003
7.	12.017	14.068	18.478	24.327	52.	65.422	69.846	78.638	89.308
8.	13.362	15.509	20.093	26.130	53.	66.548	71.008	79.866	90.609
9.	14.684	16.921	21.669	27.883	54.	67.673	72.168	81.092	91.909
10.	15.987	18.309	23.213	29.594	55.	68.796	73.326	82.316	93.205
11.	17.275	19.677	24.729	31.271	56.	69.919	74.484	83.538	94.499
12.	18.549	21.028	26.221	32.917	57.	71.040	75.639	84.758	95.790
13.	19.812	22.365	27.693	34.536	58.	72.160	76.794	85.976	97.078
14.	21.064	23.688	29.146	36.132	59.	73.279	77.947	87.192	98.365
15.	22.307	24.999	30.583	37.706	60.	74.397	79.099	88.406	99.649
16.	23.542	26.299	32.006	39.262	61.	75.514	80.232	89.591	100.887
17.	24.769	27.591	33.415	40.801	62.	76.630	81.381	90.802	102.165
18.	25.989	28.873	34.812	42.323	63.	77.745	82.529	92.010	103.442
19.	27.204	30.147	36.198	43.832	64.	78.860	83.675	93.217	104.717
20.	28.412	31.415	37.574	45.327	65.	79.973	84.821	94.422	105.988
21.	29.615	32.675	38.940	46.810	66.	81.085	85.965	95.626	107.257
22.	30.813	33.929	40.298	48.281	67.	82.197	87.108	96.828	108.525
23.	32.007	35.177	41.647	49.742	68.	83.308	88.250	98.028	109.793
24.	33.196	36.420	42.989	51.194	69.	84.418	89.391	99.227	111.055
25.	34.382	37.658	44.324	52.635	70.	85.527	90.531	100.425	112.317
26.	35.563	38.891	45.652	54.068	71.	86.635	91.670	101.621	113.577
27.	36.741	40.119	46.973	55.493	72.	87.743	92.808	102.816	114.834
28.	37.916	41.343	48.289	56.910	73.	88.850	93.945	104.010	116.092
29.	39.087	42.564	49.599	58.320	74.	89.956	95.081	105.202	117.347
30.	40.256	43.780	50.904	59.722	75.	91.061	96.217	106.393	118.599
31.	41.422	44.993	52.203	61.118	76.	92.166	97.351	107.582	119.850
32.	42.585	46.202	53.498	62.508	77.	93.274	98.485	108.770	121.099